

02(06)
А-45

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ имени Н. К. КРУПСКОЙ

ISSN-0113-9574

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

ЛЕНИНГРАД
1982

м.к 2004

422191

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ имени Н. К. КРУПСКОЙ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Сборник научных трудов

ЛЕНИНГРАД
1982

В материалах сборника, подготовленных преподавателями Ленинградского, Кемеровского, Краснодарского институтов культуры, Ростовского государственного университета, научными сотрудниками Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР, освещаются методологические проблемы и перспективы изучения истории культуры, обобщается опыт изучения и постановки преподавания истории культуры в указанных выше вузах, дается критика различных буржуазных концепций культуры. Сборник рассчитан на преподавателей и студентов. Он также представит интерес для широкого круга специалистов, занимающихся проблемами истории культуры.

422191

Редколлегия 74-го сборника научных трудов:
Е. Я. Зазерский (отв. ред.), Н. И. Сергеева (зам. отв. ред.),
И. М. Болотников, С. Н. Иконникова, В. П. Леонов,
Г. М. Шарпило (отв. секретарь).

Научные редакторы сборника:
С. Н. АРТАНОВСКИЙ, доктор философ. наук, профессор,
Н. Н. МАСЛЕННИКОВА, канд. историч. наук, доцент.

Рецензенты:

В. Г. Иванов, доктор философ. наук, профессор,
Г. Ф. Сунягин, канд. философ. наук, доцент.

© Ленинградский ордена Дружбы народов
государственный институт культуры имени
Н. К. Крупской.

Н. Н. МАСЛЕННИКОВА

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КАК ОТРАСЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В исторической науке, идейно-политическое и воспитательное значение которой все более возрастает, особое место занимают проблемы истории культуры. Высокий теоретический уровень советской науки, роль и место культуры в жизни советского общества способствуют расширению интереса к истории культуры. В редакционной статье журнала «История СССР», посвященной заседанию «круглого стола» по проблеме «Предмет и метод истории культуры», отмечалось, что широкие слои населения нашей страны, большинство неспециалистов знакомятся с историческим прошлым человечества через историю культуры¹.

Изучение истории культуры подводит их к анализу и собственно исторических проблем, способствует формированию марксистского мировоззрения, воспитанию советского патриотизма и социалистического интернационализма, развитию революционных и трудовых традиций народа. Изучение истории культуры способствует пониманию ведущей роли народных масс в истории².

История культуры должна поэтому все более полно раскрываться и в школьном преподавании, и в научном определении, истолковании памятников истории и народных традиций. Практическая деятельность по идейно-патриотическому воспитанию часто связана с осуществлением закона Верховного Совета СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Важнейшей сферой общественной, научной и культурной жизни страны все в большей степени становятся музеи исторического профиля с их историко-культурными материалами. В успешном решении идейно-воспитательных задач значительная роль должна принадлежать научной литературе по истории, а также научно-популярной литературе при условии расширения масштабов ее издания.

«История культуры» — научная дисциплина и учебный предмет — имеет большое значение для теоретической и профессио-

нальной подготовки специалистов в институтах культуры, так как от их историко-культурной подготовки во многом зависит способность выпускника к осуществлению сложной и разнообразной деятельности идеологического работника — работника библиотеки и клуба, дворца культуры и управления культуры в районе или области, решающего задачи по пропаганде исторических и историко-культурных знаний.

Совершенствование преподавания исторических дисциплин тесно связано с уровнем научных исследований по историко-культурной проблематике.

В последние годы значительно возрос интерес советской и зарубежной исторической науки к теоретико-методологическим и конкретно-историческим проблемам культурного развития в прошлом и настоящем. Об этом говорят доклады советских ученых на международных конгрессах исторических наук, в частности содоклад группы ученых на XV международном конгрессе «Восточная Европа — зона встречи цивилизаций»³.

В изучении истории культуры накоплен богатый опыт, сформулированы концепции, появился ряд обобщающих работ.

Однако большинство исследователей говорят о необходимости большой совместной работы для того, чтобы история культуры сложилась в особую область исторической науки и в особую историческую дисциплину. Исследователи, очень много сделавшие для становления истории культуры, признают, что задача ее создания очень сложна. Д. С. Лихачев считает, что «история русской культуры может быть выстроена в результате многочисленных частных исследований, охватывающих достаточно обильный и широкий материал», что она «требует самостоятельных историко-культурных специальных исследований»⁴. Б. И. Краснобаев, заведующий лабораторией истории русской культуры исторического факультета МГУ, пишет о том, что история культуры как отрасль исторической науки находится еще в периоде становления.

Хотя в последнее время появилось много интересных работ по различным отраслям культуры и проведены важные наблюдения над историко-культурными процессами, не создана еще историография русской культуры, нет работ, посвященных историко-культурным теориям русских и советских историков или критике современных буржуазных концепций истории культуры России. Не разработано и источниковедение истории культуры, исследователи используют разнообразные методы обработки и изучения исторических источников, но при изучении историко-культурных процессов возникают специфические проблемы их интерпретации. Не разработана и периодизация истории культуры, которая в основе должна иметь общен историческую периодизацию, но может с ней не совпадать.

Ряд специалистов-историков считает, что история культуры как вузовская дисциплина в системе специального образования сложилась и читается, что речь может идти только о становлении научной дисциплины. На самом деле эти два аспекта проблемы тесно взаимосвязаны. Фундаментальный общий курс истории культуры читается на историческом факультете МГУ больше двадцати лет, но авторы этого курса, являющиеся и ведущими авторами исследовательских работ по истории культуры (Б. И. Краснобаев, А. К. Леонтьев и др.), не считают еще этот курс сложившимся, отмечают сложность его разработки, а также усвоения материала студенческой аудиторией.

Сложность разработки и чтения такого курса объясняется неразработанностью ряда проблем и отсутствием точного определения предмета и метода истории культуры, что было признано всеми участниками дискуссии, возникшей на заседании «круглого стола», организованного по инициативе журнала «История СССР» совместно с научным советом Академии Наук СССР по комплексной проблеме «История мировой культуры» и лабораторией истории русской культуры МГУ⁵.

Большинство участников обсуждения — историки, философы, этнографы, географы, искусствоведы, историки литературы — предлагали провести обширную дискуссию для выяснения ряда спорных положений, связанных с определением предмета и принципов периодизации истории культуры.

Несмотря на отсутствие общепринятых формулировок, путь к научному исследованию истории культуры уже определен. Значительный вклад в разработку теоретических проблем истории культуры внесен работами Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, С. С. Дмитриева, Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина. Изучению истории культуры советского общества посвящены исследования М. Кима, которые фундаментальностью и серьезностью обобщений превзошли исследования по истории культуры более ранних периодов.

Путь к научному исследованию истории русской культуры был намечен рядом крупных советских ученых, написавших в начале 50-х гг. монументальное исследование по истории культуры Древней Руси⁶. Для выяснения предмета «история культуры» многое сделано А. М. Сахаровым и под его руководством коллективом авторов — преподавателей и научных сотрудников исторического факультета МГУ, подготовивших издание «Очерков по истории культуры» (включая XVII в.)⁷.

Но в целом в изучении истории культуры преобладает дифференцированный отраслевой подход⁸. Литературоведы, историки, искусствоведы и философы много сделали для формирования истории культуры как особой отрасли исторической науки, такой отрасли, которая, по мнению С. С. Дмитриева, является органически неотъемлемой частью исторической науки⁹. Очень

многое сделано и делается для изучения конкретного материала, для выявления новых источников и определения закономерностей развития культуры. Культура и ее история являются объектом многих научных дисциплин: одни изучают отдельные компоненты историко-культурного процесса, других интересует субъект культуры — общество, человек, а философия стремится к теоретическим обобщениям.

Но на данном высоком методологическом и конкретно-историческом уровне развития науки необходимы работы, определяющие закономерности историко-культурного развития и характеризующие особенности их проявления на разных стадиях.

Исследование одной из областей культуры должно сопровождаться выяснением взаимосвязи и взаимовлияния одной отрасли с другими, выяснением места и значения ее в общем процессе развития культуры.

В большинстве новейших работ по истории культуры и в главах «Очерков русской культуры XIII—XVII вв.» намечается стремление авторов изучать отдельные явления культуры и ее отрасли не только в связи с социально-политическим и экономическим развитием, но и в связи с другими отраслями и явлениями в области самой культуры.

«Культура, — писал А. М. Сахаров, — не обособленная грань общественной жизни, а одно из ее проявлений, теснейшим образом связанных со всеми другими. Уровень и характер развития культуры зависят как от общего уровня социально-экономического развития общества, так и в определенной степени от предшествующих традиций и накопления культурного наследия; в свою очередь, от уровня и характера культуры во многом зависят темпы, формы, характер социально-экономического и политического процесса»¹⁰.

История культуры должна выступать по отношению к явлениям, отраслям культуры или другим культуроведческим дисциплинам как обобщающая, раскрывающая общие закономерности историко-культурного процесса, проявляющиеся в многообразных формах. Обобщения требуют знание особенностей, свойственных каждой отрасли и явлению в истории культуры, и вместе с тем выявление, открытие общекультурных закономерностей, проявляющихся каждый раз по-новому, в специфической, свойственной данному явлению или отрасли, форме. Исторiku культуры необходимо обладать специальными знаниями о каждом явлении в области истории культуры и быть подготовленным для методологических выводов о единстве историко-культурных явлений и своеобразии проявления в разных областях культуры одного процесса или тенденции. Серьезность задач, стоящих перед историком, подчеркнул в своей статье А. А. Преображенский, указавший, что только «высокий профессиональный уровень специальных исследований способен обеспе-

читать необходимый исходный материал для воссоздания целостного представления о культуре той или иной эпохи»¹¹.

Одна из сложнейших проблем истории культуры — соотношение понятий «культура» и «идеология». Понятия эти не совпадают, хотя теснейшим образом связаны друг с другом: понятие «культура» шире, памятники культуры живут дольше, чем вызвавшая их к жизни идеологическая система. В современной философии наблюдается тенденция к разграничению понятий «материальная культура» и «духовная культура»¹².

Современная историческая наука не может, однако, не учитывать, что основные свойства материальной культуры — средства труда, опыт производства развиваются в определенной социальной среде, в них отражаются условия жизни, уровень культуры производства, духовный мир творца культуры — рабочего, крестьянина, ремесленника.

Наиболее точно отношение историка к изучению материальной культуры на современном уровне развития науки сформулировано И. Д. Ковальченко: «Культура охватывает все сферы общественной жизни, в том числе и материальную. Однако в последней она не тождественна производству или быту, как это чаще всего трактуется в работах по истории культуры, а составляет, если можно так выразиться, их творчески-рациональный, т. е. духовный компонент»¹³.

Обсуждение методологических основ истории культуры как одной из отраслей исторического знания позволяет определить предмет истории культуры: история культуры, изучая деятельность людей в ее целостности и системе, ставит перед собой цели установления связей между всеми отраслями культуры и выяснения закономерностей развития их в совокупности.

В конкретных — локальных или тематических — исследованиях критерием для отбора объектов изучения должна быть, вернее всего, прогрессивность технического, литературного или художественного направления (с учетом возможного, а чаще всего и неизбежного в антагонистических формациях, диалектического перехода к застою и перерождению).

Отличительной чертой историко-культурного исследования является ему лишь присущая исходная позиция, преломление любого факта или явления через социальную психологию («человековедение») — отсюда и сложность работы, и опасность вульгаризации.

В основе изучения истории культуры, несмотря на его специфику, должны находиться и учение об общественно-экономических формациях, и созданная на его основе научная периодизация.

Подход к культуре как целостному явлению общественной жизни не исключает, а предполагает и традиционный, конкретно-отраслевой подход к ее изучению, исследование конкретных ее сюжетов.

В связи с этим первоочередными проблемами истории культуры для всех специалистов, занимающихся ее разными аспектами, могут стать опыты целостного, системного изучения истории культуры по периодам.

Если будет избран период, наиболее близкий к научным интересам и темам исследования, результаты могут оказаться плодотворными и для научной работы, и для преподавания — особенно в институтах культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История СССР, 1979, № 6, с. 95.

² Хромов С. С. Идеино-воспитательные функции советской исторической науки. — Вопросы истории, 1980, № 7, с. 12.

³ Удальцова З. В., Щанов Я. Н., Гутнова Е. В., Новосельцев А. П. Древняя Русь — зона встречи цивилизаций. — Вопросы истории, 1980, № 7, с. 41.

⁴ Вопросы истории, 1979, № 6, с. 121.

⁵ Там же, с. 95—150.

⁶ История культуры древней Руси. Т. I—II. — М.; Л., 1951.

⁷ Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. I—II, МГУ, 1969—1970; Очерки русской культуры XVI века. Ч. I—II. МГУ, 1977; Очерки русской культуры XVII века. Ч. I—II. МГУ, 1979.

⁸ Удальцова З. В. и др. Указ. соч., с. 41.

⁹ История СССР, 1979, № 6, с. 95.

¹⁰ Сахаров А. М. Россия и ее культура в XVI веке. — В кн.: Очерки русской культуры XVI века. Ч. I. — М., 1977, с. 35.

¹¹ История СССР, 1979, № 6, с. 141.

¹² Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. — М.: Наука, 1969, с. 78—79.

¹³ История СССР, 1979, № 6, с. 148.

Раздел I

**НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ.**

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДОТОЧЕНИЕ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

(Итоги и перспективы изучения)

Вопрос о роли философии в истории культуры обсуждается в последние двадцать лет довольно оживленно. В среде историков культуры и философии зреет понимание того, что философия — это не только наука и форма общественного сознания, но и элемент духовной культуры, не только методология науки и концептуальная основа идеологии, но и квинтэссенция истории культуры.

Духовная культура вообще и философия как ее важнейший элемент в частности, утверждал Ц. Г. Арзаканьян, возникают в процессе материального и духовного производства и призваны они удовлетворять «специфически человеческие — духовные потребности»¹. Философия создает обобщающий образ духовной культуры конкретной эпохи. «Культура общества, — указывал Арзаканьян, — как бы познает себя в философии каждой данной эпохи: именно в ней мы находим попытки исследования самых существенных, «общих»² сторон материальной и духовной деятельности человека...»².

Наряду с идеологической, методологической и управленческой функциями философии, писал другой исследователь — В. Добриянов, выделяется и ее интегрирующая, организующая и систематизирующая роль (функция), причем как раз в системе культуры³. Философия, утверждал недавно О. И. Джигоев, есть «самосознание эпохи, самосознание культуры»⁴. Автор солидаризировался, в частности, с позицией А. Ф. Бегиашвили, согласно которой философия, как и поэзия (искусство вообще), отличается синтетическим характером освоения мира⁵. Причем в отличие от художественно-образного отражения жизни философия является рациональной, понятийной формой познания. Добавим к этому, что и по мнению В. С. Горского «культурогенная способность» характерна не только для философии и искусства, но и для права, политики, религии и морали.

В. С. Горский выступил, и не без оснований, против точки зрения М. С. Кагана, который, забывая о философии, считал единственным продуктом человеческой деятельности, обладающим способностью создавать вокруг себя «культурное поле», искусство⁶. Впрочем, нужно подчеркнуть, что «культурогенная способность» философии и искусства, т. е. владение средствами синтетического целостного отображения жизненного, культурного процесса, свойственна, правда в несравненно меньшей мере, всем другим формам духовной культуры.

Предметом обсуждения стал в последние годы и вопрос о соотношении философии как науки и философии как культуры. В немалой степени это объясняется тем, что традиционное понимание философии как средоточия научного знания и как концентрированного отражения общественного бытия представляется недостаточным, не соответствует возросшему уровню методологической культуры историко-философского исследования. Изучение истории философии, как это доказано марксистской историко-философской наукой, не может быть ограничено только разработкой процесса «самодвижения» философских категорий.

Ведь сами эти категории должны быть выведены не только из предшествующего «мыслительного материала», но и из жизни, из всей конкретной совокупности материальных и духовных условий исторического бытия человечества. А между тем даже в марксистской философии, философии историко-материалистической по своей сути, все еще чувствуется, как писал О. И. Джигоев, «влияние старых представлений о философии как «науке наук», «философии как философии»⁷.

Добавим к этому, что в наших философских, и особенно историко-философских трудах, исследуется преимущественно развитие категориальной системы, роль естественнонаучного знания в развитии философии, прослеживается зависимость философской идеологии от экономического и общественно-политического характера эпохи. Однако много ли пишется в них о взаимовлиянии философской культуры и нравственного сознания эпохи, философской культуры и искусства, философской культуры и социально-психологических состояний в той или иной период, в той или иной стране? Такие работы исчисляются единицами. Опыт гуманитарной культуры осваивается в нашей философии явно недостаточно, что ведет к узкому, однобокому и порой к сциентистскому пониманию предмета и социокультурного назначения философии. Наше представление о философии нередко ограничивается логико-методологическими и социологическими параметрами, в то время как культурно-мировоззренческий образ философии остается в тени. Наше видение философии является по преимуществу теоретико-познавательным и социологическим (в том числе идеологическим), а не культурно-историческим. Нашим исследователям не всегда удается воссоздать культурно-исторический образ философии определенной эпохи и определенного народа, осмыслить философию как выражение духовной атмосферы, как ядро естественнонаучной и гуманитарной культуры.

Так, М. Бачваров в своей публикации «Концепция Гегеля о различии между историей философии как науки и историей философской культуры» связывает с историей философской науки творческий момент, а с историей философской культуры процесс популяризации, моменты возврата и параллельного развития в мировой философии. Подобного рода разграничение, пи-

шет М. Бачваров, можно обнаружить в гегелевской концепции истории философии.⁸ С этим мы не можем полностью согласиться. Действительно, возвышая философское творчество над популяризацией, Гегель одновременно был далек от мысли об отождествлении популярной философии, философии как «знания о мнении» с философской культурой. Гегель видел в философии центр духовной культуры, «средоточие родственных ей областей — политической жизни, науки, искусства, религии и в том числе так называемой «популярной философии» как интуитивного, основанного на жизненном опыте философствования.

Еще один подход к изучению философии как культуры можно условно назвать «деятельностным». Философская культура определяется его сторонником В. С. Горским как деятельность по производству, распределению и потреблению продуктов философского творчества. В своей содержательной статье «Понятие «философская культура» в историко-философской науке» он называет философскую культуру особой сферой культуры, «которая складывается вследствие концентрации вокруг философии разнообразных, связанных с нею форм деятельности. в которых осуществляется самоутверждение и развитие человека».⁹ Недопустимо, подчеркивает В. С. Горский, замыкаться в узких рамках исследования генезиса и теоретической сущности философских учений прошлого. Генетический аспект должен быть дополнен аспектом функциональным. В. С. Горский уточняет: «Функциональный аспект историко-философского исследования предусматривает показ движения и трансформации философских знаний в процессе человеческого общения. А это и делает актуальной проблему соотношения философии и культуры, благодаря которой и выясняется место понятия «философская культура». Тут становится важным анализ картины движения и усвоения философских знаний членами той общности, в которой осуществляется это движение».¹⁰

Исследовать философскую культуру, по мнению В. С. Горского, значит прежде всего исследовать деятельность институтов, организующих и направляющих творческий процесс философского познания — систему философского образования, деятельность философских учреждений, которые обеспечивают печатание и распространение философской литературы, организацию философских диспутов, лекториев, т. е., уточняет ученый, «выступают средством производства и пропаганды философских знаний с целью вовлечения в непосредственное участие в нем различных слоев населения, для которых философия не является специальным предметом их профессиональной деятельности».¹¹ В согласии с другими исследователями (Б. Богдановым, М. Бачваровым) Горский выделяет два типа философских исследований: философский процесс как творчество, производство новых научных знаний (изучение философии как науки) и философский процесс как историю философской культуры, т. е.

деятельности по производству наличного философского знания, пропаганде, популяризации уже добытых философских знаний.¹²

На стадии распределения ценностей философской культуры исследуется социальное умонастроение деятелей различных учреждений и организаций, выявляется масштаб развития философского образования, характер социального состава учащихся и студентов учебных заведений, определяется аудитория, которая усваивала философскую литературу, участвовала в обсуждении философских проблем. Тут следует изучать статистические материалы, мемуарную литературу, архивные данные.¹³ В ходе распределения, а также потребления философских идей, выявляется социально-классовая природа философского знания.

Так же, как и другие исследователи данной проблемы, В. С. Горский считает понятие «философская культура» методологически ценным прежде всего при изучении философской мысли народа, края, города. Следует приветствовать призыв автора исследовать такой важнейший момент культурологического исследования философии, как «философское краеведение».¹⁴

Уточняя свой подход к определению понятия «философская культура», Горский опирается на представление о духовной культуре как о деятельности по производству, распределению и потреблению духовных ценностей.¹⁵ Такая позиция, хотя и позволяет уточнить некоторые действительно характерные для понимания философской культуры элементы (их глубокий анализ и дается в статье Горского), не представляется нам плодотворной. Дело в том, что Горский до некоторой степени отождествляет категорию «духовная культура» с категориями «духовная жизнь», «духовное производство», а понятие «философская культура» — с понятием «философское производство». Более правильным, на наш взгляд, является представление о духовной жизни общества (в несколько ином аспекте — о духовном производстве) как о категориях, включающих в свое содержание и момент функционирования продуктов духовной культуры в конкретно-исторических условиях общественного бытия (общественное сознание),¹⁶ и способы (культурные формы) такого функционирования (духовная культура).

В. С. Горский и авторы, позицию которых он разделяет, в определенной степени смешивают категории «общественное сознание», «духовная культура», «духовное производство». Правда, соотносительная связь этих категорий изучена еще недостаточно, что как раз сказывается при исследовании вопроса о месте философии в системе культуры. Не случайно почти все названные нами авторы единодушно сопоставляют философию как культуру с философией как наукой, начисто забывая порой важнейшее положение марксистско-ленинской историко-философской науки о том, что философия — это и форма общественного сознания, синтетическое, обобщенное отражение общественного

бытия, с точки зрения того или иного класса и в соответствии с историческими потребностями времени.

Необходимость определить содержательные границы понятий «философия как наука», «философия как культура» и «философия как форма общественного сознания» вынуждает нас обратиться к вопросам более общего, принципиального характера, а именно — к проблемам соотношения категорий «культура» и «общество», «культура» и «деятельность», «духовная культура» и «общественное сознание», «знание» и др.

Если обратиться к особо интересующему нас в данном случае вопросу о соотношении категорий «духовная культура» и «общественное сознание», то здесь многое еще не ясно. Попытку соотнести духовную культуру как целое и общественное сознание как часть нельзя считать удачной.¹⁷ Необходимо идти по пути уточнения специфики обеих категорий, их методологического потенциала. Чрезмерное увлечение «культурологическим подходом», некритическое стремление «втиснуть» в определение категории «духовная культура» и деятельностно-творческие, и ценностно-технологические, и социологические, и познавательные моменты может привести к нежелательной недооценке уже сложившейся в рамках марксистско-ленинской традиции категории «общественное сознание». Представляется поэтому вполне обоснованной тревога В. Н. Толстых по поводу недостаточной изученности «механизма производства и воспроизводства общественного сознания».¹⁸ По нашему убеждению, для решения этой задачи требуется исследовать не одну категорию «духовное производство», а и, как мы убеждены, категорию «духовная культура».

По утверждению А. К. Уледова, духовная жизнь общества включает как совокупность идей и представлений, т. е. собственно общественное сознание, так и «самое производство взглядов, идей и теории», «всю совокупность идейных ценностей».¹⁹ Духовная культура оказывается, таким образом, производством духовных ценностей, а общественное сознание как совокупность идей — «мертвым» результатом. Но сознание, по классическому определению К. Маркса и Ф. Энгельса, есть «осознанное бытие», а «бытие людей есть реальный процесс их жизни».²⁰ Другими словами, общественное сознание немыслимо вне деятельного отношения к общественному бытию, оно не только определяется этим бытием, но и выступает как активная сила в процессе духовного производства, оказывает обратное влияние на реальный процесс жизни людей. К тому же и духовная культура — это не «производство взглядов, идей и теорий» (для обозначения такого производства и существует традиционное в рамках марксистско-ленинской теории понятие «духовное производство»), а система специфических способов, средств духовного производства общества. Духовная культура — это не сама деятельность по производству, распределению и потреблению ду-

ховных ценностей, а система способов (и соответственно результатов) обеспечения функционирования элементов общественного сознания.²¹ Те же, подчеркнем еще раз, кто понимают под духовной культурой просто деятельность по производству, распределению и потреблению духовных ценностей, по существу отождествляют категорию «духовная культура» с другими близкими ей, но далеко не идентичными категориями — «духовное производство» и «духовная жизнь».²²

Определение культуры как специфически человеческого способа деятельности, которое введено в оборот советской философской науки Э. С. Маркаряном,²³ является, на наш взгляд, наиболее плодотворным. Стремление разграничить общество как совокупность общественных отношений, т. е. систему взаимодействий людей друг с другом и с природой, от культуры как способа и объективированного результата деятельности человеческого сообщества можно считать одним из наиболее ценных достижений современной теории культуры.²⁴ Анализируя способы и результаты деятельности (способ в данном случае — диалектическая противоположность результата, ибо способ есть используемый результат, а результат — потенциальный способ), Э. С. Маркарян исходит из представления о различии сфер проявления деятельности, каждая из которых имеет свои способы, а соответственно и специфические результаты ее объективации и опредмечивания. Основываясь на понимании культуры как способа деятельности человека, Э. С. Маркарян вводит понятие «техника» для обозначения совокупности средств, обеспечивающих кооперацию и организацию деятельности в системе общественных отношений, институционализацию, формализацию и стандартизацию отношений и поведения индивидов в обществе. Под «механической, материальной техникой» он понимает совокупность средств воздействия людей на материальную среду, под «организационной, социальной техникой» — средства организации коллективной жизни людей, а под «символической, знаковой техникой» — систему средств, нацеленных на обеспечение умственной и эмоциональной деятельности, а также коммуникации в обществе.²⁵

Культура, таким образом, оказывается системой средств и способов институционального, формализованного и стандартизованного характера. Знания, язык, традиции, нормы, социальные институты, предметы материальной культуры и т. д. — все это предстает не только в качестве средств (техники) деятельности людей, но и в роли институтов, форм, стандартов, функция которых — внести гармонию во взаимодействие людей между собой и природой.

Связь между категориями «культура» и «деятельность» признают теперь почти все исследователи-культурологи. Однако некоторые из них развивают и конкретизируют концепцию Маркаряна,²⁶ другие — выдвигают так называемое «динамическое»

понимание культуры, согласно которому творческая деятельность человека и есть культура.²⁷ Заметим, что сторонники второго, «динамического» подхода не замечают, что понятие «культура» отождествляется с деятельностью, утрачивая тем самым свое специфическое содержание.²⁸ Использование понятий «творчество», «опредмечивание» и «распредмечивание» не спасает положения, ибо и человеческая деятельность носит активно-творческий характер и представляет собой диалектическое единство опредмечивания и распредмечивания.

42219
Понимание культуры как способа деятельности позволяет точно определить и категорию «духовная культура» в ее отличии и от понятия «духовное производство», и от понятия «общественное сознание». При всей условности разделения материальной и духовной культуры (любое духовное явление не может существовать вне своего материального, объективированного выражения в словах естественного языка, знаковых системах, материальных предметах духовной культуры и т. п., а любой предмет материальной культуры «одухотворен» человеческой мыслью) содержание последней можно свести к языку, традициям, нормам и институтам как способам, обеспечивающим процесс духовной жизни, духовного производства.

Опираясь на понимание культуры как специфически человеческого способа деятельности, можно, по нашему мнению, адекватно вскрыть и сущность понятия «философская культура», и место истории философской культуры в истории культуры.

Определение философии как культуры (философской культуры) невозможно без учета как материального, так и духовного аспектов культуры, как внешних по отношению к философии моментов, так и моментов внутреннего, собственно философского, теоретико-познавательного порядка. С одной стороны, исследуя историю философской культуры было бы опрометчиво недооценивать такие проявления материального характера, как наличие и уровень в ту или иную эпоху в той или иной стране типографской и издательской деятельности, характер материальной базы философского образования и исследовательской деятельности и т. п. С другой стороны, необходимо обращать особое внимание и на проявления духовного ряда — на изучение статистических и архивных данных, на развитие философского образования, издательского дела, на культурную работу учреждений, организаций, обществ, так или иначе затрагивающих философское производство.

Методологически оправдано и разделение специфических средств и способов философского производства на внешние и внутренние. Такое разграничение частично перекрывает данное выше сопоставление материальных и духовных аспектов философии как культуры. Но основание в этом втором случае иное — отношение специфических средств философского произ-

водства к самому философскому знанию. Внешний аспект философской культуры складывается на основе, во-первых, способов устной или письменной передачи знания (книги, газеты, журналы, рукописные материалы и т. п.), во-вторых, форм институализации, социокультурного обеспечения общественных отношений в области философского производства, т. е. отношений между философией и другими культурными сферами, между философом и коллективом, классом, нацией (организации и учреждения, учебные и научные заведения, философские общества и философские школы, должности и звания, традиционные нормы, обычаи и ритуалы поведения в ученом мире и т. п.). Внутренний аспект философской культуры составляет внутреннюю форму организации философского процесса и включает различные формы преемственности философского знания — в первую очередь философские традиции, философский язык, наконец, жанровые, стилевые, изобразительные возможности выражения идей. Философская традиция, включающая в свое содержание и момент относительной устойчивости, неподвижности — важнейший элемент философской культуры, предопределяющий новаторство, историческую преемственность идей и теорий, историческое бытие философских течений и направлений.²⁹

Особое место в системе философии как культуры занимает философская школа. Это понятие выступает в качестве узла, связывающего внешний и внутренний элементы философской культуры. Внешнего, поскольку школа немыслима вне момента институализации; внутреннего, поскольку в рамках философской школы оформляется костяк философских традиций, которые идейно скрепляют философское сообщество, обеспечивают его историческое существование.³⁰

С историческим развитием культуры изменяются и способы философского производства, иначе говоря, меняется и исторический образ философской культуры. Умирают старые и рождаются новые институты, традиции, философские школы, обеспечивающие прогресс философского знания. Философская культура одной эпохи или, если брать шире, — общественно-экономической формации сменяется новой философской культурой, отражающей новые социальные и культурные веяния. Параллельно и в то же время в тесном взаимодействии развиваются национальные философские культуры. Исчезают старые и возникают новые параметры философской культуры личности (как философов, так и дилетантов).

В одной из своих ранних работ К. Маркс подчеркивал, что исторические сдвиги в развитии культуры эпохи ведут к изменению и культурного облика философии. В переломную эпоху философия перестает быть формой внутреннего, эзотерического знания и выходит в широкий мир, становится оружием в идеологической борьбе и ее следы обнаруживаются в самых различных общественных институтах, в самой различной культур-

ной оболочке. «Так как всякая истинная философия, — уточнял Маркс, — есть духовная квинтэссенция своего времени, то с необходимостью наступает такое время, когда философия не только внутренне, по своему содержанию, но и внешне, по своему проявлению, вступает в соприкосновение и во взаимодействие с действительным миром своего времени... Внешние проявления, свидетельствующие о том, что философия приобрела такое значение, что она представляет собой живую душу культуры, что философия стала мирской, а мир философским, — во все времена были одни и те же. Любой учебник истории покажет нам, как стереотипно повторяются простейшие внешние формы, которые с полной ясностью говорят о проникновении философии в салоны, в дом священника, в редакции газет, в королевские приемные, в сердца современников — в обуревающие их чувства любви и ненависти».³¹ В отличие от буржуазных исследователей Маркс не замыкает духовную культуру (и философию как культуру) на самое себя, а вскрывает ее зависимость от социальной жизни, политических интересов.

Подчеркнем, что вскрыть существо культуры, ядро философской культуры в определенную историческую эпоху необычайно трудно. Умение исследовать огромный культурный материал, избегать вульгарных, социологизаторских упрощений и субъективистских натяжек, использовать как логический аппарат ученого, так и интуицию беллетриста — вот качества, необходимые при изучении культурно-исторического образа эпохи. Буржуазные исследователи накопили большой фактический материал по проблеме культурно-исторического стиля эпохи.³² Но они стоят, как правило, на идеалистических и релятивистских позициях, отвергая какой-либо определяющий фактор становления стиля эпохи, будь то экономика или классовая борьба. В соответствии с основными положениями исторического материализма такой подвижный и динамичный элемент общественной жизни, как экономика (и, как следствие, классовые отношения), оказывает определяющее влияние на всю систему духовной культуры (при всей ее относительной самостоятельности развития) и в том числе на философию, идеологический потенциал которой весьма значителен. Исследуя стиль эпохи как органическую, соподчиненную целостность признаков,³³ особенно важно учитывать роль философской культуры, потому что, во-первых, именно философия возвышается в обличье обобщающего самознания эпохи; во-вторых, философия «заведует» методологическим инструментарием исследовательской работы.

Так, стиль, образ культуры и ее средоточия — философии в эпоху ранних буржуазных революций XVI—XVIII вв. невозможно верно осмыслить, не исследовав предварительно процессы первоначального накопления, развития мануфактурного производства, особенностей классовой борьбы в этот переломный период.

Сущность эпохи первоначального накопления капитала характеризовалась, как известно, насильственным отделением непосредственного производителя (крестьянина и городского мелкого ремесленника) от средств и орудий производства, а также накоплением капиталов, вкладываемых в производство, которое осуществлялось в этот период в мануфактурной форме, качественно новой форме по сравнению с ремесленным производством средневекового цеха.³⁴

Экономические интересы противоборствующих классов отражались всей системой идеологической надстройки. Консервативные, феодально-религиозные круги продолжали использовать в качестве идеологического оружия, с целью защиты собственных политико-правовых притязаний, главным образом теологические догмы средневековой схоластики. Идеология поднимающейся буржуазии, напротив, постепенно оттесняла феодально-религиозную идеологию. Буржуазные мыслители опирались в этой борьбе либо на реформированную религию — протестантизм, либо на идеологические принципы, выводимые из естественной сущности человеческой «природы».

Новая экономическая и политическая практика эпохи способствовала расширению идейного горизонта буржуазных философов, освобождала их от религиозной опеки и традиционных принципов схоластического мышления. Разрушение феодального строя, острая потребность капиталистического производства в «свободном продавце рабочей силы» и соответственно правовая необходимость «отмены юридического неполноправия личности» обусловили необходимость соответствующего философского обоснования того, что «человек по самой своей природе является свободным, разумным, активным существом».³⁵ Новая социальная действительность требовала свободного и разумного действия инициативного, предприимчивого человека, рождающегося в муках капиталистического общества, способного бороться против феодальной деспотии, бесстрашно путешествовать в поисках новых земель, трудиться в непривычных условиях капиталистической мануфактуры.

Философские размышления о правовой и социально-политической свободе опирались в эту эпоху на концепцию о всемогуществе разума — главного основания человеческой практики. Идея «разумности» и «рациональности» человеческой деятельности согласовывалась и со свободолюбивыми настроениями революционной буржуазии, и с потребностями капиталистического производства (с необходимостью обеспечить стройную организацию труда, рациональную работу капиталистической мануфактуры). Таким образом, буржуазный практицизм органично сочетался и с рационалистическими тенденциями, и со свободолюбивыми, антифеодальными ориентациями.

Если социально-экономическая действительность в самых различных ее проявлениях потребовала свободного действия

нового типа личности в соответствии с законами «всемогущего» разума, то наука, расцветавшая на основе нового способа производства, новой техники, стала важнейшим теоретико-познавательным образцом изучения этого разума со всеми вытекающими отсюда успехами (усиление материализма, рационализм, рост методологической культуры и др.) и слабостями (укрепление метафизических, антидиалектических тенденций и др.). Установка общественного сознания на науку как на ведущий элемент духовной культуры объяснялась резким возрастанием роли науки и техники в условиях наступающего капитализма. В утопии отца «новой науки» Ф. Бэкона «Новая Атлантида» изображалось, например, не что иное, как идеализированное буржуазное общество с его «позитивными» ценностями — богатством, мануфактурой и, главное, наукой — важнейшим гарантом общественного благополучия. Упорно настаивал на социально-практическом предназначении новой философии и великий французский философ-рационалист Р. Декарт.³⁶

Однако новые веяния в философской культуре эпохи определялись не только экономикой, социально-политической ситуацией и научно-техническими успехами. Рационалистические, практицистские и освободительные тенденции усиливались и в религии (деизм, атеистические выступления против религиозного засилья), и в литературе и искусстве (расцвет классицизма, бытового и просветительного реализма), и в социально-психологической сфере (укрепление практицистских и рационалистических настроений, оптимистического мироощущения, активно-наступательного отношения к жизни и т. п.).

Философская культура эпохи освобождалась от религиозной идеологии и религиозных институтов, схоластических традиций, тесной и застывшей латинской терминологии, характеризовалась укреплением революционных, национально-освободительных и практицистских тенденций, материалистических и рационалистических традиций, усилением роли университетов, значения светской науки, победой национального философского языка. Ориентация философской культуры Средневековья, а отчасти и Возрождения, на гуманитарную культуру сменилась тяготением философии к науке — высшему в глазах мыслителей этого периода авторитету культуры.

Использование «культурологического» метода исследования философского процесса полезно и при обращении к истории национальной философии. Изучение динамики национальных философских традиций, становления национальной философской лексики, истории печати, книжного дела, системы философского образования и просвещения на национальной почве, наконец, особенностей взаимодействия философии с другими элементами духовной культуры и социально-экономической практики — все это составляет предмет истории национальной философской культуры.

О необходимости рассмотрения национальной философии как культуры не раз писали советские и болгарские философы. Понятие философской культуры, подчеркивал, например, М. Бачваров, имеет большое методологическое значение при изучении историко-философского процесса на национальной почве, т. е. тогда, когда встает во весь рост задача исследовать национальные исторические традиции, взаимовлияния, деятельность популяризаторов и т. п.³⁷ М. Бачваров, разумеется, прав, когда подчеркивает специфические задачи постижения национальной философии как культуры. Однако сводить всемирно-исторический прогресс философии к науке, а национальную историю философии — к культуре было бы неправильно. Научный, теоретико-познавательный, как и культурологический, «технологический» подходы одинаково плодотворны при анализе и мирового и национального философского процесса.

Развитие национальных философских культур Англии и Франции в эпоху ранних буржуазных революций XVII—XVIII вв., и в частности становление национальных философских традиций, можно взять в качестве примера, подтверждающего ценность подхода к национальной философии как к своеобразной «выжимке» национальных культурных достижений.

Национально-особенное в английской философии формировалось в результате воздействия целого комплекса факторов, характерных для развития английской нации и английского государства: раннего по сравнению с другими европейскими странами становления капиталистического способа производства; революционного (хотя и отягощенного компромиссом буржуазии и части дворянства) характера политико-правовой идеологии; быстрого прогресса в области науки и техники; упрочения реалистических тенденций в национальном искусстве и литературе, особо заметного на фоне слабых позиций английского классицизма, влиятельного напротив, во Франции; наконец, укрепления таких особенностей противоречивого в своей основе английского национального характера, как деловитость и предприимчивость, сочетающиеся со скептицизмом, новаторские искания и наряду с этим обостренная приверженность к традиции, ориентация на трезвый опыт и здравый смысл и одновременно на религиозные догмы. В силу этих причин в английской философии утвердилась теоретически плодотворная материалистическая школа, выдвинувшая сенсуалистическую теорию познания и эмпирико-индуктивный метод научного познания (Бэкон, Гоббс, Локк, Толанд). Скептическая и эмпирическая тенденция английской культуры стала одним из главных источников субъективно-идеалистической традиции в английской философской культуре.³⁸ Феноменализм Беркли и Юма привел позднее к расцвету позитивистских традиций, сильных и в наши дни.³⁹

Иная социально-экономическая и культурная ситуация кристаллизовалась во Франции. Экономическое развитие в этой

стране протекало медленнее, чем в соседней островной державе. Революция разразилась во Франции только в конце XVIII столетия. Французский идеализм был сильнее, плодотворнее, чем английский, — он был теснее связан со схоластическим рационализмом. Идеализм проникал во Францию и в исторически прогрессивные системы (яркий пример — философия Декарта), в то время как в Англии материализм был, по словам К. Маркса «прирожденным сыном», восходил к номиналистической традиции Средневековья.⁴⁰ Только в XVIII столетии в национальной философии Франции сложилась влиятельная материалистическая школа всемирно-исторического значения (Гольбах, Гельвеций, Дидро и др.).

Самое главное в развитии этой национальной философской культуры — укоренение в ней теоретико-познавательного и методологического рационализма. Французские философы традиционно тяготели к ясному, умозрительному мышлению, не принимали узкоэмпирический и индуктивный подход англичан. Рационалистическая направленность французской философии уходила корнями в далекое прошлое (рационалистические традиции французской средневековой философии, рационализм и остроумие французского национального характера); она поддерживалась также и рационалистичностью классицизма, который долго доминировал в искусстве и литературе нации.⁴¹ Во Франции сложилась влиятельная картезианская школа, рационалистические отголоски которой ощутимы и в наше время.⁴² Скептицизм Бейля подготовил в национальной философии Франции почву для наступления мощной волны материализма XVIII в., а субъективный идеализм не был во Франции так популярен, как в Англии.

Философская культура личности тоже определяется историческими параметрами — социально-экономическими условиями, духовным обликом эпохи или страны. Философствующий субъект обеспечивает опредмечивание и распредмечивание ценностей философской культуры, развивает традицию, скрепляет идейное родство философской школы. Философская культура мыслителя — это, если можно так выразиться, атом, последнее звено истории философской культуры. Понижение общего уровня философской культуры выражается в замедлении процесса творческого освоения и созидания ценностей философской культуры, накопленных философских традиций. В свою очередь, повышение этого уровня — знак совершающихся общественных и культурных сдвигов, весть о творческом прорыве, о крахе старых традиций, старых школ и о рождении новых интеллектуальных традиций.

Каковы же признаки высокой философской культуры? Не претендуя на полный охват, укажем на высокую эрудицию, на умение увязывать самые абстрактные философские идеализации с практикой — социальной и культурной жизнью, на высо-

кое мастерство владения философской лексикой, стилем, даром научного теоретизирования и культурно-просветительного популяризации и др. Подчеркнем, что истинная философская культура несовместима с начетничеством, формализмом, «буддизмом в науке», по меткому выражению А. И. Герцена.⁴³

В заключение подведем некоторые итоги нашего исследования. История философской культуры — важнейший элемент истории духовной культуры, ее теоретическое ядро. Определяющая роль социально-экономического фактора в становлении духовной культуры вообще и философской культуры в частности не должна затемнять в сознании исследователя относительной самостоятельности их развития. История философской культуры протекает под воздействием как научно-технической, так и гуманитарной культуры, и недооценка значимости последней может привести к сциентистскому упрощенчеству. Философия — это не только форма научного познания, не только форма общественного сознания, но и сфера духовной культуры. В истории философской культуры складываются материальные и духовные, внутренние и внешние способы организации философского производства (институты и организации, система образования и характер издательской деятельности, философские традиции и философский язык и т. п.). Исторические особенности философской культуры формируются в контексте общественно-экономической формации, эпохи, той или другой национальной культуры, наконец, под влиянием высокой философской культуры выдающихся мыслителей, творчество которых знаменует перерыв постепенности в движении традиций философской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арзаканьян Ц. Г. Философия как элемент духовной культуры. — Вестник истории мировой культуры, 1959, № 4, с. 98.

² Там же, с. 98.

³ Добряннов В. Социальные функции философии и социологии. — Вопросы философии, 1976, № 3, с. 130.

⁴ Джигоев О. И. Структура духовной культуры. — В кн.: Культура в свете философии. — Тбилиси, 1979, с. 156.

⁵ Бегияшвили А. Ф. Философия и поэзия: Философские проблемы поэтической речи. — Тбилиси, 1973, с. 58. Еще Гегель называл литературу «всеобщим искусством, способным в любой форме разрабатывать и высказывать любое содержание» (Гегель Г. Эстетика. Т. 3. М., 1971, с. 350).

⁶ Горський В. С. Поняття «философська культура» в історико-філософській науці. — Філософська думка, 1980, № 4, с. 63; Каган М. С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа. — М., 1974, с. 219.

⁷ Джигоев О. И. Указ. соч., с. 157.

⁸ Бачваров М. Концепция Гегеля о различии между историей философии как науки и историей философской культуры. — В кн.: Hegel a współczesność. Warszawa, 1975, s. 71—72, 77—80.

⁹ Горський В. С. Указ. соч., с. 63.

¹⁰ Там же, с. 61.

¹¹ Там же, с. 63—64.

¹² Там же, с. 64.

¹³ Там же, с. 64—65.

¹⁴ Там же, с. 60—61.

¹⁵ В. С. Горский ссылается на точку зрения авторов книги «Искусство и творческая деятельность» (Киев, 1979, с. 290—291). Однако много раньше эта мысль была сформулирована В. М. Межуевым: «Духовная культура... есть процесс развития духовной деятельности, который осуществляется в форме производства, распределения и потребления духовных ценностей» (Межуев В. М. О понятии культуры. — Ученые записки Моск. гос. ин-та культуры. Вып. 14. — М., 1967, с. 34).

¹⁶ Похоже определяет связь категорий «духовное производство» и «общественное сознание» В. М. Межуев: «Духовное производство есть прежде всего производство общественного сознания в исторически определенных формах религиозного, научного, художественного, правового, философского и морального сознания» (Межуев В. М. Указ. соч., с. 32).

¹⁷ Так считают, например, авторы учебного пособия «Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм» (М., 1977, с. 239).

¹⁸ Толстых В. Н. Духовное производство как проблема исторического материализма. — Вопросы философии, 1978, № 2, с. 45—46.

¹⁹ Уледов А. К. Структура общественного сознания. — М., 1968, с. 42—43.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24—25.

²¹ О соотношении понятий «духовная жизнь общества» и «общественное сознание» см.: Древиц Ф., Фишер Б., Хинце П. Понятия духовной жизни общества, общественного и индивидуального сознания. — Философские науки, 1973, № 5.

²² Так поступают, например, Л. Н. Коган и Ю. Р. Вишневский, которые определяют духовную культуру как «обусловленную способом материального производства активную творческую деятельность людей (индивидов, социальных групп, общества) по освоению мира, в процессе которой производятся, сохраняются, распределяются, потребляются духовные ценности, а также самую совокупность этих ценностей и норм, опредмечивающих творческую деятельность людей». Предлагаемая авторами дефиниция относится, в сущности, не к духовной культуре, а к духовному производству, которое и складывается, как было выше показано, из функционирующих в обществе идей и представлений (общественное сознание) и способов (средств), обеспечивающих их динамическое движение (Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. Понятия «духовная культура», «духовная жизнь» общества и их содержание. — В кн.: Духовный мир советского рабочего. — М., 1972, с. 39).

²³ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. — Ереван, 1969.

²⁴ Маркарян Э. С. Место и роль исследования культуры в современном обществознании. — Вопросы философии, 1970, № 5, с. 105.

²⁵ Там же, с. 86.

²⁶ См., например: Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. — Ростов-на-Дону, 1979.

²⁷ См.: Коган Л. Н. Сближение социальных групп в сфере социалистической культуры. — М., 1978; Межуев В. М. Культура и история. — М., 1977; Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. — М., 1980.

²⁸ Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. Указ. соч., с. 27; Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. — М., 1980, с. 28.

²⁹ Среди многочисленных работ о роли традиции в истории культуры хотелось бы отметить появление содержательного, многопланового, теоретически насыщенного сборника «Традиция в истории культуры» (отв. ред. В. А. Кариушин, М., 1978).

³⁰ З. А. Каменский определяет школу «как некую совокупность деятелей философии, объединенных общностью философских идей» (Каменский З. А. История философии отдельного народа. — Вопросы философии,

1968, № 3, с. 68). По существу на этой же точке зрения стоит и Т. И. Ойзерман в своей работе «Главные философские направления (Теоретический анализ историко-философского процесса)» (М., 1971, с. 12). Наиболее точное определение понятия «философская школа» предложил В. С. Горский: «Говоря о философской школе, мы имеем в виду не только формальные научные коллективы, объединенные организационным единством и предполагающие субъективное осознание каждым членом коллектива своего отношения к нему, но и приобщение к предшествующей философской традиции и дальнейшее творческое ее развитие» (Горский В. С. «Философская школа» как понятие. — Философские науки, 1972, № 1, с. 83). Любопытные соображения о предпосылках формирования научных школ были изложены Ю. Г. Саушкиным в книге «Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем» (М., 1980, с. 155): «Научные школы формируются, во-первых, общественной потребностью в данном новом научном направлении; во-вторых, они создаются крупными, очень смелыми, работоспособными и целеустремленными учеными, имеющими много учеников и последователей, вдохновляющими их на исследования, поиски, открытия, на применение результатов науки на практике; в-третьих, зарождение и развитие школ обусловлено всем ходом развития самой науки, ее историей, ее устремлением вперед, ее перспективами; в-четвертых, их создание зависит от силы воли основной творческой группы, ее новаторства, бескомпромиссности, ее самозабвенной отдачи всей жизни любимому делу. Значительную роль в формировании научных школ играет умение увлечь молодежь на путь самостоятельного творчества, создать атмосферу научного поиска, помочь ей овладеть новыми методами исследования. Субъективные качества главы научной школы тоже очень важны — его «притягательная сила», принципиальность в жизни и работе, прогрессивная позиция в науке и политике. История науки говорит о том, что научные школы создаются в борьбе за новое против реакционеров в науке и что развитие науки неотделимо от прогрессивных политических позиций ученых». О закономерностях развития научных школ см. также: Родной Н. И. Очерки по истории и методологии естествознания. М., 1975.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 105.

³² Штайерман Е. М. Проблемы культуры в западной социологии. — Вопросы философии, 1967, № 1, с. 173.

³³ Л. М. Баткин в свое время настаивал на необходимости отказаться от метафизической привычки «перечислять», в том числе и признаки стиля эпохи. Нужно, писал он, «оперировать не элементами, а системами элементов, не суммами, а целостностями. Нужно вновь попытаться понять итальянское Возрождение как способ мышления, неотделимый от особенностей итальянской городской жизни XIV—XVI веков, от своей социально-психологической питательной почвы, от исходного античного и христианского материала. Для способа мышления показательны не отдельные принципы и мотивы, вроде антропоцентризма, пантеизма, самоутверждения личности, эстетического утопизма и т. д., а именно их особое сочетание, пронизывающая и конкретизирующая их общность, силовое поле культуры, в котором они располагаются» (Баткин Л. М. Тип культуры как историческая целостность. Методологические заметки в связи с Итальянским Возрождением. — Вопросы философии, 1969, № 9, с. 106).

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 425.

³⁵ Мотрошилова Н. В. Познание и общество: Из истории философии XVII—XVIII веков. — М., 1969, с. 22—23.

³⁶ Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950, с. 305.

³⁷ Бачваров М. Указ. соч., с. 77—80. Эта мысль впервые прозвучала в статье: Богданов Б. В. Проблемы структуры историко-философской науки. — В кн.: Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки. М., 1970, с. 100. «Если история всемирной философии тяготеет к истории науки, то история национальной философии — к истории философской культуры», — писал Б. В. Богданов. См. также: Богданов Б. В. Ленинские принципы анализа истории философии. М., 1970, с. 84; Бачваров М.

К вопросу о предмете истории философии как науки. — В кн.: Ленинизм, история философии и современность. София, 1972, с. 108.

³⁸ О связи английской духовной культуры и философии см.: Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. СПб., 1902; Кертман Л. Е. География, история, культура Англии. М., 1968; Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. М., 1959; Bonno G. Les relation intellectuelle de Lock avec la France. D'après des documents inédits. Berkeley and Los Angeles, 1955.

³⁹ Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М., 1973, с. 4; Коэн Д. Л. Эпистемология науки — форма логики или истории науки. — Вопросы философии, 1980, № 2, с. 138.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 142.

⁴¹ Взаимосвязь национальной духовной культуры и философии Франции раскрывается в следующих работах: Виллар Ж., Виллар К. Формирование французской нации. М., 1957; Кюгё А. Entretiens sur Descarts. New York, Paris, 1944; Lefèvre R. La bataille du «Cogito». Paris, 1960.

⁴² Кузнецов В. Н. Французская буржуазная философия XX века. М., 1970, с. 302—303; Федорюк Г. М. «Диалектика» в гносеологии Г. Башляра. — Философские науки, 1972, № 1, с. 125.

⁴³ А. И. Герцен ядовито высмеивал начетчиков и формалистов. Они, подчеркивал Герцен, «занимали в обществе место второго желудка животных, жующих жвачку; в него никогда не попадает свежая пища, — одна пережеванная, такая, которую жуют из удовольствия жевать» (Герцен А. И. Избранные философские сочинения. М., 1940, с. 35). Выдающиеся философы — это всегда основоположники, новаторы, смело порывающие со старыми философскими традициями. А. И. Герцен — один из основателей русской революционной демократии, провозвестник новой философской культуры, враждебно настроенной как против идеалистической схоластики, так и против узкого эмпиризма. Все его устремления были сосредоточены на одной цели — заставить абстракции диалектической и материалистической философии служить практическим интересам русского народа.

В. Е. ДАВИДОВИЧ, В. С. СЛЕПАКОВ
(Ростовский государственный университет)

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

1

Типология в науке, как и типизация в искусстве, есть **средство понятийной или художественной дескрипции, фиксации внутренней организации**. Выделение типа, таким образом, не самоцель — оно **служит общей идее, общему замыслу**, представляет собой упорядочивание, систематизацию того или иного предмета рассмотрения.

Действительно, все то, что в науке мы можем назвать типологией, оказывается подчиненным более общим, более «высоким» целям анализа. Так напримср, типология буржуазной культуры, которая, как нам кажется, в полном объеме дана К. Марксом (в особенности в «Капитале»), **во-первых**, представляет собой эмпирическую, фактуальную базу более общей теории о производстве сознания, об общественно-исторической, материально-предметной сущности культуры; **во-вторых**, является приговором буржуазной культуре, определяя ее как исторически необходимую, но неизбежно преходящую ступень общечеловеческого культурного прогресса.

Типология культуры дана К. Марксом в обширном теоретическом контексте, вне которого она хотя и представляет немалый интерес сама по себе, но все же остается звеном, вырванным из общей конструкции исследовательской мысли.

Проблема научного статуса типологии, ее роли в процессе исследования, вероятно, может быть сформулирована как вопрос о том, что является исходным в анализе — понятие предмета или его типология.

Напрашивается ответ, что-де вначале — типология, поскольку она обнаруживает себя как систематизация, вычленение предмета исследования. С другой стороны, можно сказать, что сначала, видимо, нужно установить образец, предмет нашего исследования, а уж потом развернуть всю систему идей, нацеленную на достижение исследовательского результата.

В такой антиномичной постановке возникает и следующий вопрос. Как выработать определение предмета исследования до исследования? Ведь типология, даже чисто этимологически, есть учение о типе, она предполагает логически заранее заданный критерий — логотип. Следовательно, нужно начинать с понятия, но тогда опять возникает вопрос — с какого именно понятия?

В аналогичной ситуации оказался как-то герой гегелевской феноменологии духа: чтобы узнать, что нужно делать, ему необходимо было начать действовать, а чтобы начать действовать, надо было знать, что нужно делать.¹ «Но именно поэтому, — говорит Гегель, — он (индивид. — Авт.) должен сразу начинать, при любых обстоятельствах должен приступать к деятельности...».²

Нечто похожее происходит и в исследовательском поиске. Маркс определил такое «нащупывание» пути исследования как первый этап восхождения от абстрактного к конкретному, образование абстрактно-всеобщих понятий. В самом процессе поиска происходит дальнейшая систематизация и вычленение предмета исследования.

Таким образом, в действительности оказывается, что типология предмета и его понятие — два среза почти-что одного и того же. Типология — это описание (всякое описание, чтобы не быть бесконечным, должно быть типизацией) предмета, но особое описание, средством которого служат категории логики, или иначе — описание в понятии. Понять — это и значит ухватить, схватить, выразить что-либо посредством категорий.

И все-таки различие теоретических ролей типологии и понятия предмета существует. Оно состоит, прежде всего, в том, что понятие предмета может функционировать либо в более широком, либо попросту в другом теоретическом контексте.

Дело в том, что типология всегда «заземлена» на конкретный объект и понятие тоже всегда содержит «момент конкретности».³ Речь идет в обоих случаях о конкретном предмете. Однако этот же конкретный предмет в широком контексте оказывается отвлеченным моментом, частью или ступенью развития предмета, более широко очерченного, к примеру предмета целой отрасли знания, а не какой-то частной области. И то, что для данной типологии было целостным понятием, с иных позиций общих целей всей отрасли знания оказывается лишь ступенью, логическим этапом в познании, абстрактным моментом общего предмета исследования. Так, выработанное понятие в дальнейшем ходе познания может функционировать как категория, как абстракция.

Различие понятия и типологии заключается, таким образом, в том, что понятие (схватывание предмета в категориях) как типология, как логотип всегда конкретно. Однако это же поня-

тие как момент общетеоретического движения мысли может фигурировать как абстракция, как категория.

По-видимому, типология, логическая типизация, момент описательности — это и есть тот самый момент конкретности, присущий всякому понятию, о котором говорил Гегель.

В этом тождестве и различии понятия и типологии, как нам представляется, заключается решение еще одного очень важного вопроса, а именно, вопроса о квазиконвенциональной, якобы произвольной природе типологии.

Действительно, в переводе с греческого слово «тип» означает «образец». А ведь то, каков должен быть образец, можно определить чисто волевым решением, т. е. договориться. Образцы, как правило, вводятся, предлагаются конвенционально.

Исходя из этого, можно построить десятки типологий, один и тот же предмет систематизировать и классифицировать по-разному, заполняя сотни страниц очень красивыми и логически безгрешными выкладками. В принципе, так оно иногда и происходит. Можно было бы привести здесь не меньше сотни самых различных типологий культуры и типологий культур. Одна только книга А. Моля содержит не менее девяти типологий культуры.⁴ Среди них — различие «мозаичной» культуры и культуры гуманитарного образования, различие культур по группам, «которые можно выделить внутри человеческого общества» (германская, средиземноморская и т. п.), различие «эрудированной» и «глубокой» культур, индивидуальной и надындивидуальной культур, различие «живой» (устной) и «освоенной» (записанной) культур, культур специалистов и неспециалистов, различие культуры и цивилизации и т. п.⁵ Можно предложить великое множество таких критериев.

Однако, вопреки внешней видимости, типология по определению не должна быть конвенциональной. Дело в том, что логотип как понятие всегда есть звено, часть вполне определенной теории. И именно контекст этой теории, в конечном счете, определяет критерий типологии, содержательные очертания того или иного логотипа.

Если существует множество типологий одного и того же объективного предмета, это значит, что он является объектом изучения нескольких областей знания или нескольких различных теорий.

Методология построения любой типологии заключается, по-видимому, в выяснении места определенного понятия — логотипа в определенной системе теоретического знания. Следовательно, говоря о типологии культуры, нельзя обойти вопрос о теоретическом контексте самого понятия культуры.

Критерий типологии, таким образом, оказывается внешним по отношению к предмету, поскольку возможно построение множества типологий одного и того же предмета. С другой стороны, критерий типологии не конвенционален, ибо он определен

задачами той или иной теории, ее контекстом, присущим ей уровнем абстракции.

Исходя из этого, при построении типологии культур, мы должны, прежде всего, выяснить, какую из многих возможных типологий мы имеем в виду, каким контекстом будет определен критерий типологии.

В современной литературе типология культур представлена в этнографии, антропологии, сравнительной лингвистике, социологии, теории познания, в историческом материализме и др. Набор дисциплин достаточно разнообразен, а следовательно, разнообразны и «трафареты» для типологии.⁶

Прежде чем будет построена сама типология, определен логотип и дано понятийное описание предмета, необходимо осуществить эксплициацию, выделение, различение этого предмета, исходящие из общих задач теории. И этот первый шаг (хотя он часто в реальном процессе теоретизирования совершается в ошибочном направлении) однозначно определяется общим контекстом дисциплины — не обликом самого эмпирически конкретного предмета, а общими задачами исследования. В этом и состоит отличие типологии от феноменологии.

Говоря о собственно философской типологии культуры, необходимо прежде всего определить философский статус понятия культуры, его место в системе категорий философского знания.

Если согласиться с тезисом, высказанным в статье М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьева и В. С. Швырева,⁷ о том, что современная буржуазная философия как бы выговаривает, «вскрывает» те недоговоренности и упрятанные рационализации, огрубления, умолчания, абсолютизации, которые были условием и внутренней опорой для достижения классичности и цельности в классическом рационализме, то оказывается весьма симптоматичным, что основные направления в современной буржуазной философии называют себя философиями культуры. В самом деле, неокантианство, феноменология, экзистенциализм, неогегельянство, структурализм, философская антропология, неотомизм в лице таких своих представителей, как Б. Кроче, В. Дильтей, О. Шпенглер, А. Либерт, Тейяр де Шарден, Гуссерль, Хайдеггер, — этот список можно продолжить — апеллируют к культуре как к важнейшему, базисному философскому понятию.

Вероятно, понятие культуры, хоть это и не всегда четко проглядывалось в текстах, играло очень существенную роль в классическом рационализме. Не случайно В. Виндельбанд⁸ и П. Наторп⁹ видели истоки современной философии культуры в трансцендентальном методе «Критики чистого разума» — теории, в которой впервые были выявлены и представлены основные гносеологические трудности рационализма.

Исторически проблематика культуры впервые определяется в классическом рационализме в связи с необходимостью обоснования философии истории. Сформировавшийся научный способ

познания мира произвел серьезные изменения и в историческом познании. Всеобщая история мирознания была заменена частными историями объективных предметов исследования. Выражаясь на языке гегелевской логики, историями стали называться процессы самореализации сущностей. Так, история человечества — это путь общественно-исторического развития, ведущий к реализации человеческой сущности, которая определяется через понятия «разум» и «свобода».

«Разум — вот характер человека, а разум означает, что человек внемлет глаголу божьему в творении, другими словами, он ищет правило целого, по которому все вещи покоятся во взаимосвязи всего целого, на своем внутреннем существе. И так глубоко заложенный в человеке закон познания истины и существования, взаимозависимости всего творения в его связях и свойствах. Человек — образ божий, потому что он изыскивает законы природы, мысль творца, заключенную в этих законах и связующую их в единое целое. Бог мыслил и не ведал произвола, так и человек — он мыслит разумно и не может поступать по собственному произволу».¹⁰ В этом гердеровском определении человека, как нам представляется, содержится в сжатом виде весь ход рассуждений классического рационализма о человеческой сущности, человеческой истории и человеческой культуре.

Человеческая сущность понимается здесь, прежде всего, как разум и свобода (при неявном отождествлении рационального и целесообразного). Свобода, или торжество гуманности, может быть достигнута только как результат совершенствования человеческого разума — результат познания. Поэтому история человечества представляется как путь к торжеству разума и разумности в деятельности людей и всего общества.

До Гердера такой подход к обоснованию истории человечества был применен в книге И. Изелина «История человечества» (1768), в книге Аделунга «Очерки истории культуры человеческого рода» (1782). Одновременно с гердеровскими «Идеями к философии истории человечества» писалась книга Ж. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума».

В контексте этих гуманистических обоснований всеобщей истории человечества новое значение приобретает понятие культуры. Само слово «культура» было воспринято гуманистами из латыни, где оно означало «обработка», «возделывание», «уход». Но что такое «обработка», «возделывание»? Это, прежде всего, усовершенствование, облагораживание, т. е. некоторое предметно-деятельное воплощение цели, ради которой стоит затрачивать труд. Когда речь идет об окультуривании, облагораживании, предполагается наличие некоторого, хотя бы интуитивно схваченного, понимания культурности, благородства, совершенства.

Как для религиозных мировоззрений античности и средневековья, так и для классического рационализма — идеал культуры и благородства соотносится с понятийной системой теологии (слово «культура» в латыни означает еще «поклонение», оно имеет тот же корень, что и слово «культ»). Сам термин «культура» в контексте мировоззрения, представлявшего мир как иерархию, имел мистический оттенок. Для рационализма Гердера божественное постигается, прежде всего, как мудрое, разумное. Поэтому культура, совершенство есть соответствие своей внутренней сущности. Ввиду этого и человеческая культура, человеческое благородство и совершенство для рационалиста есть реализация человеческой родовой сущности. «Мне хотелось бы, — говорит Гердер, — вместить в одно слово «человечность» — все сказанное о благородном складе человеческого существа».¹¹ И если история человечества представлялась Гердеру как история «воспитания гуманности», как путь торжества человечности, «победы разума», то именно поэтому он говорит об истории культуры человеческого рода,¹² именно поэтому гердеровская философия истории есть по существу философия культуры.

Таким образом, вопрос о человеческой сущности и вопрос о культуре оказываются в гердеровском варианте рационализма одним и тем же — вопросом о разуме. Культура, благородство — это для Гердера и есть разум, искра света, освещающего все мироздание. И человеческая сущность есть разум: «Основное состояние человеческой истории — гуманный дух, то есть разум и справедливость во всех классах, во всех занятиях людей, и ни что иное... таковы законы природы, и на них зиждется сущность человеческого рода».¹³ Культура человечества представляется Гердеру как подлинная культура, по существу лишь постольку, поскольку в человеке «запечатлен образ творца земли».¹⁴ И именно поэтому «у человека нет ничего более высокого, чем гуманный дух; ведь даже представляя себе ангелов или богов, мы мыслим их себе идеальными, высшими людьми».¹⁵

Уже в этих формулировках содержится скрытая непоследовательность в постановке проблемы человека в классическом рационализме, непоследовательность, о роковой неизбежности преодоления которой напишет позднее А. Швейцер.¹⁶

С одной стороны, есть проблема человеческой сущности. Проблема эта представляется как базисная, основополагающая, даже в том случае, когда теологи облик ангелов или богов строят как облик идеальных людей. С другой стороны, эта проблема оказывается как бы изначально решенной, снятой — человеческая сущность полагается как разумная. Тавтология определения человека как разумного существа,¹⁷ а разума как гуманности, человечности была возможна только при условии глубоко идеалистического допущения о рациональном устройстве мира, при неприменимой убежденности в том, что разум из-

начален по отношению к природе и человеку. Разум, по Гердеру, нельзя определить иначе как разум, и определение разума как гуманности есть по существу не определение разума, а определение самой гуманности, человечности. Причем, это и есть определение человечности как высшей ценности, как сознательного воспроизведения закона мироздания — подлинной культуры. И если определение человечности как разумности было указанием на разумную сущность человека, то определение разумности как человечности свидетельствовало о том, что эта сущность есть подлинное благородство.

Так в философии истории классического рационализма была сформулирована проблема культуры как проблема родовой сущности человека. Общий взгляд на весь последующий историко-философский процесс развития и обогащения понятия культуры свидетельствует о том, что оно стало одним из коренных понятий учения о человеке.

Однако было бы справедливо сказать, что классический рационализм, во всяком случае до Гегеля, по существу только фиксирует наличие проблемы человека, не давая ее частной содержательной формулировки.

Такой фиксацией было гердеровское определение разумности и культуры человеческого рода. Это определение было направлено не на спецификацию, выделение человечества как особого явления, а наоборот — на его «вписывание» в общую картину мироздания. Разумный закон природы и общества есть, по Гердеру, один и тот же закон.¹⁸

Способность разума к самообоснованию делает его, как позднее выразится Гегель, «самодостаточным источником своего собственного могущества». «Рационалистическая уверенность в господстве разума сказывается и в результатах рассуждений Гердера, когда он разумное обоснование, *ratio* истории увидел не в чем ином, как в самом разуме».¹⁹

Однако иллюзорность убеждения в самодостаточности и самообоснованности разума была показана И. Кантом уже при жизни Гердера. И, в принципе, весь пафос «Критики чистого разума» был направлен на это доказательство.

В учении об амфибодии рефлексивных понятий, в котором обсуждается проблема феноменов и ноуменов, в применении регулятивного принципа чистого разума к космологическим идеям, при котором антиномии чистого разума не разрешаются, а отбрасываются за счет ограничения его компетенции,²⁰ во всем содержании книги проведена основная идея о невозможности самообоснования разума.

Открытие Кантом содержательности логических форм вело к уяснению того, что рационалистическая идея самосознания, обоснования мышления мышлением есть иллюзия. Содержания логических форм оказывается для Канта определенным в деятельности трансцендентального субъекта познания, трансцен-

дентального «Я», познание которого — вне компетенции соблюдающего свою дисциплину чистого разума. Иначе говоря, трансцендентальный субъект предписывает, образует формы мышления по законам, которые не содержатся в контексте чистого разума. Природа логических категорий представляется Канту иррациональной, не выражаемой средствами логики, не познаваемой разумом.

Учение о несовпадении форм и содержания мышления коренным образом изменяет представление о субъекте познания, о носителе логических форм. И вся полемика между Кантом и Гердером разворачивается по существу дела вокруг вопроса о природе человека как субъекта познания, как разумного существа.

Прежде всего, открытие содержательности логических форм, доказательство недостижимости идеала чистого разума обнаруживают несостоятельность гердеровского толкования субъективности как человечности, как разумности. И хотя Кант, так же как и Гердер, представляет разумность человека как дар свыше, но в отличие от Гердера он понимает несводимость вопроса о природе мышления к вопросу о логике самого мышления и вытекающую из этого факта невозможность отождествления субъективности, разумности с самой силой логического следования. Только исходя из понимания самой способности к мышлению можно было бы определить природу логических форм,

Между пониманием субъекта познания и формами мышления этого субъекта образуется логическая брешь — пустое пространство открытого вопроса о природе мышления. Эта открывающаяся, вернее снятая с повестки дня как неразрешимая проблема делает Канта целиком и полностью философом культуры, прежде всего в философии истории.

И если Гердер представлял себе культуру человеческого рода как торжество разума и саму гуманность — как разумность, если Гердер понимал прогресс истории как прогресс культуры, потому только, что в нем осуществляется торжество разума и разумности (для него эти понятия тождественны), а разум — это и есть воплощенное божество, высший идеал благородства и блага (культуры), то у Канта понятие разумности и разума, субъективности и мышления, соответственно, гуманности и мышления, человечности мышления, разума, логики — оказываются по разные стороны логической цепи. Иными словами, проблема родовой сущности человека оказывается у Канта сугубо иррациональной со всеми вытекающими отсюда последствиями для философии истории.²¹

Прежде всего, у Канта нет основания, чтобы представлять ход исторического прогресса как путь самовоплощения разума. Для Канта движение истории определяется своей конечной целью — нравственным законом. Отсюда следует, во-первых, что иррациональность человеческой сущности свидетельствует перед

Кантом о ее самодостаточности, о ее праве предписывать себе свои собственные нравственные законы, законы человечности. Это предписание не должно быть сообразовано с доводами рассудка, оно основано на самоценности человеческого, на самоценности нравственного. Закон нравственности есть закон долженствования — категорический императив.

Во-вторых, закон исторического прогресса также не постижим разумом, поскольку он определяется не им, а своей собственной иррациональной целью. Исторический прогресс определяется Кантом в категориях телеологии.²²

Таким образом, если убеждение в рациональном устройстве мира, в том, что мир устроен по тем же законам, что и разум, дает возможность Гердеру обосновать тождество разума и культуры, то субъективный агностицизм Канта лишает его возможности такого обоснования. Для Канта культура не определяется разумом, она не тождественна ему, она тождественна только самой себе, является собственной сущностью нравственного субъекта и собственной целью исторического развития.

Более того — как о том свидетельствует вся проблематика той ветви современной буржуазной философии, которая связана с неокантианством, — не только этика, но и теория познания Канта есть по существу философия культуры.

Начиная от трансцендентальной апперцепции — способности к упорядоченному восприятию и вплоть до образования космологических идей, все феномены мышления оказываются, по Канту, «эманацией» трансцендентального субъекта, его деятельности, оказываются, иными словами, феноменами культуры. Говоря о содержательных истоках современной философии культуры в теории познания Канта, В. Виндельбанд пишет: «В сознании творческого синтеза (синтеза трансцендентальной апперцепции. — Авт.) культура познала самое себя: ибо в глубочайшем существе своем, она и есть не что иное, как этот творческий синтез».²³ Пытаясь реабилитировать Канта от обвинения в психологизме и субъективизме, другой неокантианец — Н. Натторп также апеллирует к проблеме культуры в его истории познания.²⁴

По-видимому, если определить историческую роль Канта в формировании философского содержания понятия культуры, то наиболее важным окажется то, что Кант впервые сформулировал проблему культуры в качестве гносеологической проблемы. В самом деле, не только теория познания, но и этика, и философия истории Канта основаны, прежде всего, на его субъективной теории познания, учении о несовпадении форм и содержания мышления. И критика учения Канта о человеке может быть осуществлена только на основании критики его теории познания.

Понятия человечности и культуры у Канта совершенно тождественны. Между ними нет опосредующего звена — разума, как это было у Гердера. Но учение о человеке, философия культу-

ры Канта оказываются лишь следствием его теории познания. Проблема человека практически ставилась у Канта как проблема природы мышления и вылилась в философию культуры в виду безысходности решения этой проблемы. Начиная изложение философской системы с критики чистого разума, Кант тем самым обнаруживает логическую трудность, характерную для всей рационалистической традиции отождествления гуманности и рациональности, человечности и разума. Поэтому его постановка проблемы человека есть лишь формулировка проблемы природы мышления. Человек интересует Канта прежде всего как субъект, способный к восприятию и мышлению. Формами этой способности являются логические категории. Философия культуры демонстрирует столь же неизбежную для классического рационализма, сколь и неосознанную в нем, проблему природы мышления. Не случайно исследователи истории понятия культуры замечают, что его смысл перекрывается в немецкой классической философии понятием духа. Гносеологическая подоплека и гносеологическая направленность учения о человеке и человеческой культуре ложится после Канта в основу всей традиции немецкой классической философии. В диалектическом преодолении этой сугубо идеалистической традиции в постановке проблемы человека состоит одна из величайших исторических заслуг марксистского учения о культуре.

Таким образом, культура выступает для Канта как духовность, как «разумная субстанция», как то основание, из которого могли бы быть выведены формы мышления, и такая постановка вопроса была осуществлена в противоположность докантовскому рационализму, основанному на иллюзии разумного самообоснования, основанности разума на самом себе, выражаемой в декартовском идеале самосознания.

Кант поставил вопрос о духовной природе мышления, о происхождении форм мысли из деятельности субъекта, духа. Именно это обстоятельство и придавало в глазах Канта формам мышления статус феноменов культуры, делало их аксиологически значимыми.

Опуская перипетии проблемы духа и духовности в немецкой классической философии, скажем только, что весь ход ее обсуждения привел в конце концов к гегелевскому понятию общественного духа. Гегель уничтожает кантовский дуализм разума и культуры, он заставляет теорию познания вновь принять основные положения классического рационализма. А именно, заполняя открытую Кантом брешь между субъектом, духом и категориями. Гегель показывает, как в сфере общественного духа происходит объективный процесс саморазвития мысли. Оказывается, что в сфере общественного духа субъект, индивид может наблюдать чисто логическую самореализацию своей собственной способности мыслить, может убедиться в том, что мышление есть лишь саморазвитие понятий, идей.

Гегелевская иллюзия самопорождения и саморазвития идей в общественном духе основывается, по-видимому, на том обстоятельстве, что на уровне феноменологии культуры, на уровне описания ее реальных исторических феноменов оказывается, что каждый такой феномен, к примеру каждое понятие, каждое учение или философская система, имеют свои логические, теоретические предпосылки, в предыдущих понятиях, учениях, философских системах. Возникает иллюзия логической непрерывности, логической самообоснованности истории культуры.²⁵

Такой подход к проблеме природы мышления заставляет Гегеля по существу оставаться на позициях субъективизма даже в учении об общественном духе. Это видно хотя бы из того, что герой «Феноменологии духа» обнаруживает онтологический статус мышления в своей принадлежности к социальности лишь как к общности других индивидов. «Сама суть дела... есть проникнутая индивидуальностью субстанция — субъект, в котором индивидуальность есть в такой же мере в качестве себя самой или «этой», как и в качестве всех индивидов, и всеобщее, которое только в качестве «этого» действия всех и каждого есть бытие, действительность, состоящая в том, что «это» сознание знает ее как свою единичную действительность и как действительность всех».²⁶

Иллюзия саморазвития духа не дает возможности Гегелю поставить вопрос об общественно-исторической природе культуры. Ограниченность фиксации силы саморазвертывания духа как силы чисто логического следования не позволяет поставить проблему о самом происхождении мышления. Мышление, по Гегелю, не может из чего-то происходить, оно может только самопорождаться, воспроизводиться из себя самого, оно поэтому может быть только изначальным, а не произвольным. Это самовоспроизведение форм мышления осуществляется, по Гегелю, в деятельности субъекта мышления — разумного духа.

В лучших традициях классического рационализма Гегель вновь апеллирует к разумной сущности культуры: «Все то, что человек имеет в себе более благородного, чем животная его природа, он имеет благодаря мысли, все, что человечески, как бы оно ни выглядело, человечески лишь благодаря тому, что в нем действует или действовала мысль».²⁷

Но в отличие от Гердера Гегель вполне осознает обозначенную Кантом проблему дихотомии мыслительных форм и способности к мышлению и решает ее посредством апелляции к общественному духу как к объективной культурной среде, в которой осуществляется саморазвитие идеи, самовоспроизводство мысли.

Итогом всего сказанного может, по-видимому, служить утверждение, что в контексте философии рационализма понятие культуры фигурирует в двух основных аспектах — аксиологическом (как высшая ценность, цель истории) и гносеологическом

(как природа мыслительных форм, почва их происхождения и бытия).

Однако оба эти аспекта есть по существу две стороны одной и той же проблемы — проблемы человека, который рассматривался в классическом рационализме как мыслящее и как нравственное существо. Все рационалистские философии истории были основаны на определенном представлении о человеческой сущности, понимаемой как тождество (Гердер), совокупность (Кант), единство (Гегель) нравственного и разумного.

Проблема культуры представлялась в рационализме именно как проблема мыслящей, разумной, а потому нравственной и благородной природы человека. И именно в этом контексте она досталась марксизму и современной буржуазной философии в наследство от рационализма.

Даже беглый взгляд на философию жизни, на философскую антропологию, структурализм и другие течения в современной буржуазной философии показывает, что всем им свойственно прежде всего стремление любыми путями, посредством иррационализма, психологизма, социологизма и других «измов», уйти от гносеологической постановки проблемы человека. Попытки нащупать проблему человека как самостоятельную, не гносеологическую, проблему составляют, по-видимому, существо современной философии культуры.

В историческом материализме, в котором учение о социальной обусловленности процесса познания и всей культуры в целом включает эти понятия в контекст общего теоретического описания социальной, предметно-деятельной сущности человека, изменяется сама «позиция», сама точка зрения исследователя проблемы природы мышления.

Для Маркса исходным является прежде всего сам человек в его общественно-исторической конкретности. «Предпосылки, с которых мы начинаем... — это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни».²⁸ На основе этих предпосылок в марксизме объясняются все феномены материальной и духовной культуры, человечества, дается теоретическое описание неорганического тела человека и духовной жизни общества, всего того, что составляет мир человека.

Уже в «Рукописях 1844 г.» Маркс определяет человека как предметное существо. «В качестве природного существа он (человек. — Авт.), с одной стороны, наделен природными силами, жизненными силами, являясь деятельным, природным существом. Эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей. в виде влечений, а с другой стороны; в качестве природного, телесного, чувственного, предметного существа, он, подобно животным и растениям, является страдающим, обусловленным и ограниченным существом, то есть, предметы его влечений существуют вне его, как независимые от него предметы — суть предмета его потребностей».²⁹ Здесь Маркс фиксирует две

стороны человека как предметного существа — с одной стороны, его способность к труду, а с другой стороны — необходимость, испытываемую в предметах труда, т. е. объективную возбужденность к труду.

В 1847 г. в книге «Нищета философии» Маркс фиксирует, что определенный уровень развития производства детерминирует определенную форму общественного разделения труда и соответствующие ей социальные отношения, которые, в свою очередь, являются основанием всей духовной жизни общества. «Многообразие потребностей, требующих удовлетворения, предполагает многообразие вещей, подлежащих производству, без производства нет продуктов, а многообразие подлежащих производству вещей уже предполагает участие в их производстве более, чем одного человека. Но, коль скоро, вы допускаете, что производством занимается более, чем один человек, вы уже целиком предположили производство, основанное на разделении труда... Допуская разделение труда, вы допускаете наличие обмена и меновой стоимости».³⁰ Само человеческое производство по существу всегда и повсюду носит социальный характер. Сам труд обнаруживает для Маркса статус общественного труда: «нет обмена продуктов, но есть обмен участвующих в производстве видов труда».³¹

И наконец, «Прудон — экономист очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, холст, шелковые ткани в рамках определенных производственных отношений, но он не понял того, что эти общественные отношения так же произведены людьми, как холст и лен... Те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения, соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям. Таким образом, эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой исторические и преходящие продукты».³²

Включая, таким образом, проблему сути культуры в систему категории концепции предметно-деятельной сущности человека, Маркс коренным образом изменяет постановку вопроса о культуре. Если включенное в контекст рационалистического учения о человеческой сущности понятие культуры полностью его перекрывало, т. е. философии истории в классическом рационализме и немецком идеализме были по существу философиями культуры, то в историческом материализме культура оказывается дериватом предметно-деятельной сущности человеческого рода, понятие культуры функционирует как одна из категорий общего материалистического учения о человеке.

Не только марксизм, но и послегегелевские направления в буржуазной философии культуры пытаются с большим или меньшим успехом включить понятие культуры в более широкий теоретический контекст. Именно в этом включении приобретает

вообще смысл, становится возможной типология культуры. Типология какого-либо предмета, как мы это пытались показать в начале статьи, становится возможной только при условии установления места понятия этого предмета в системе понятий определенной дисциплины или науки.

Соответственно, методология построения типологии культуры в рамках исторического материализма состоит в выявлении содержания понятия культуры в марксистской концепции предметно-деятельной сущности человека.

Если традиция немецкой классической философии содержит по существу сугубо гносеологическое понимание культуры как мыслящей духовной природы и сущности человеческого рода, то марксистское учение о предметно-деятельной, социально-исторической природе мышления прежде всего указывает на деятельную сущность культуры, на то, что культура производится социально в процессе общественно-исторической предметной деятельности людей. И если еще раз подчеркнуть это коренящееся в двухсотлетней философской традиции отождествление понятий культурного и человеческого (вернее человеческого, присущего человеку), то окончательно выявляется, что культура, с точки зрения марксизма, может быть выявлена как предметно-деятельное воспроизводство людьми своей родовой человеческой сущности, как ее всеобщий имманентный способ самоосуществления. Определяя эту сущность как предметно-деятельную, можно было бы назвать саму культуру воспроизведением деятельности в деятельности.

Общественно-исторический человек в своей собственной деятельности воспроизводит свою человеческую сущность, воспроизводит новую и новую деятельность. И в этом общественно-историческом процессе деятельного воспроизводства деятельности осуществляется родовое единство, целостность общечеловеческой культуры.

Таким образом, специфически философское понятие культуры, в отличие от понятий культуры в других дисциплинах, заключается в ее определении как человеческого способа жизнедеятельности. Животное живет в природе, человек живет в культуре. В процессе производства материальных благ и общественных отношений происходит воспроизводство, сохранение самой среды человеческой жизнедеятельности, воссоздается особая реальность — мир предметностей человеческого сознания, мир человеческой культуры. Этот процесс деятельного воспроизводства человеком самого себя как родового существа и есть общественно-исторический, предметно-деятельный процесс производства культуры. Именно это воспроизводство описывает философия, выделяя феномен культуры среди всего многообразия общественных явлений.³³

Приступая к философской типологии культуры, следует, таким образом, иметь в виду, что именно понятие деятельности

есть философский логотип культуры. Типы культуры могут определяться как способы деятельности, как конкретно-исторические формы существования деятельной способности.

Таким образом, историко-философский контекст понятия культуры и значимость этого понятия в системе исторического материализма свидетельствуют о том, что именно категория способа деятельности может быть исходной для культурной типологии. Однако понятие способа деятельности как типа культуры представляет собой отдельный, требующий самостоятельного исследования вопрос, выходящий за рамки настоящей статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гегель Г. Соч., т. IV, с. 212—213.

² Там же, с. 213.

³ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. — М., 1974, с. 345—349.

⁴ См.: Моль А. Социодинамика культуры. — М., 1973, с. 45, 47, 51, 52—53, 347, 357.

⁵ См.: Моль А. Указ. соч., с. 45, 47, 51, 52—53, 347, 357.

⁶ См.: Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. Р.-на-Д., 1979, с. 56—68.

⁷ См.: Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии современной буржуазной философии. — В кн.: Философия в современном мире. Философия и наука. — М., 1972, с. 31.

⁸ См.: Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм. — Логос, СПб., кн. 2, с. 8.

⁹ См.: Наторп П. Кант и Марбургская школа. — Новые идеи в философии. Вып. 5. Теория познания. — СПб., 1913, с. 128—129.

¹⁰ Гердер И.-Г. Идеи к философии истории человечества. — М., 1977, с. 452.

¹¹ Гердер И.-Г. Указ. соч., с. 107.

¹² Гердер И.-Г. Указ. соч., с. 10, 129, 137, 434, 441—442, 448, 454.

¹³ Там же, с. 442.

¹⁴ Там же, с. 107.

¹⁵ Там же, с. 428.

¹⁶ Швейцер А. Культура и этика. — М., 1973, с. 101, 158, 188.

¹⁷ «Гердер констатирует у человека наличие таких свойств, которые заставляют выделить его в совсем новый предмет, противопоставив всему сказанному как природе культуру. Последняя знаменуется исключительно человеку присущим свойством разумности и внутренне с нею связанным языком» (Шпет Г. История как проблема логики. — М., 1916, с. 368—369).

¹⁸ Гердер И.-Г. Указ. соч., с. 10, 428, 442, 445, 451—452, 455.

¹⁹ Шпет Г. История как проблема логики. — М., 1916, с. 372.

²⁰ См.: Кант И. Критика чистого разума. — Соч., т. 3, с. 497.

²¹ См.: Шпет Г. Указ. соч., с. 387—399.

²² Иррациональность этического и исторического учения Канта делает его философию очень близкой к протестантизму. См.: Паульсен Ф. Философия протестантизма (Кант и протестантство). — СПб., 1907; Секторский Е. Происхождение протестантского рационализма. — Варшава, 1914.

²³ Виндельбанд В. Указ. соч., с. 10.

²⁴ Наторп П. Указ. соч., с. 102.

²⁵ В своей книге «Мышление как творчество», (М., 1974) В. С. Библер показывает, как эта иллюзия рассеивается при переходе на уровень типоло-

гин культуры. В другом аспекте марксистский способ преодоления иллюзии саморазвития духа представлен в концепции редукции предметностей сознания, разработанной М. К. Мамардашвили в статье «Анализ сознания в работах Маркса» («Вопросы философии», 1968, № 6).

²⁶ Гегель Г. Соч., т. IV, с. 223—224.

²⁷ Там же, т. IX, с. 12.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 18.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 162—163.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 72.

³¹ Там же, с. 108.

³² Там же, с. 133.

³³ См. об этом подробнее в кн.: Давидович В. Е., Жданов О. А. Сущность культуры. — Ростов-на-Дону, 1979, с. 74—106.

С. Н. АРТАНОВСКИЙ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ МИРОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Методология современных этносоциологических исследований мировых культурных контактов сложилась в русле таких направлений, как диффузионизм, функционализм, «исследования по аккультурации». Эти и другие направления способствовали, в конечном итоге, пониманию мировых сношений как исторического процесса. Вместе с тем, не все было в них совершенным. Остановимся на основных этапах изучения мировых культурных контактов в этнографии. Именно в ней, ибо в других науках — фольклористике,¹ литературоведении² и лингвистике³ — оно носит специализированный характер и не ведет к достаточно широкому и комплексному осмыслению мировых контактов. Иначе обстоит дело в этнографии. Число конкретных исследований, использующих разнообразный и обширный исторический материал, здесь достигает сотен и тысяч. Есть и попытки теоретического осмысления вопроса, отражающие точки зрения различных направлений в этнографической науке.

Уже классикам «культурного эволюционизма» XIX в. не было чуждо представление о международных связях. В объяснении того, как возникали данные черты культуры, «открыты три пути: независимое изобретение, наследование от предков, живших в далеких краях, и передача от одной расы к другой»,⁴ — писал Э. Б. Тейлор, посвятивший этой проблеме две журнальные статьи. Однако в целом, исходя из своего понимания сравнительно-исторического метода, рассматривая развитие общества как всецело мотивированное внутренними факторами и идущее одними и теми же путями, этнографы XIX в. недооценивали значение международных культурных связей для развития человечества.

Эта проблема была впервые со всей основательностью поставлена в работах немецких ученых начала нашего столетия. Предпосылкой их достижений было накопление фактов, которому наука обязана, в частности, путешественнику, этнографу

и своеобразному мыслителю Лео Фробениусу.⁵ Его исследования и труды других представителей «культурно-исторической школы», несмотря на отрешенность от конкретных явлений новой истории, гадательные и не подкрепленные фактами построения, а порой и почти что оккультные представления вроде идеи о влиянии созвездий на судьбы цивилизаций⁶ — эти исследования все же позволили полностью уяснить всю важность культурных связей между народами как исторического фактора, вложили определенное содержание в понятие «распространение культуры на Земле».⁷ Для диффузионизма был характерен самый широкий исторический подход к мировым контактам, однако он часто оборачивался произволом в группировке фактов, лишенных своего конкретного временного и пространственного контекста.

Деятельность диффузионистов была как бы первым этапом исследования проблемы в этнографии XX в. За ними пришли функционалисты, отвергнувшие методику диффузионизма как произвольную и подчеркнувшие, что необходимо изучать прежде всего современные мировые сношения, созданные эпохой экспансии буржуазной Европы.⁸ Это был как бы второй этап; третьим явился период исследований по «аккультурации», в которых современный характер проблемы был оттенен еще яснее и были достаточно полно учтены социально-психологические факторы. В исследованиях по аккультурации впервые было подчеркнуто, что взаимодействие культур — это процесс, протекающий в конкретно-исторических условиях. Другое важное достижение представителей этой школы — внимание к человеку.⁹

Стремясь полностью покончить с гипотетическими построениями диффузионистов, функционалисты во главе с Б. Малиновским и последователи Ф. Боаса в США сосредоточили внимание исключительно на конкретных ситуациях контакта как целостности и на этом пути добивались исторической документированности своих исследований. Это было большое достижение. Однако произошло резкое сужение рамок исследования контактов, и когда начались попытки теоретического осмысления контактов — здесь выделился М. Херсковиц — они пошли по линии скорее социально-психологической, чем исторической.¹⁰ Исключения немногочисленны — если и делались попытки широких исторических обобщений, то они носили фрагментарный характер. Так, на страницах работ А. Кребера мелькают интересные соображения о тех или иных аспектах истории мировых сношений, но нигде мы не встретим наброска их общей картины.

На протяжении последних десятилетий не раз делались попытки доказать наличие культурных связей и заимствований между доколумбовской Центральной Америкой (в случае, о котором мы сейчас расскажем, цивилизацией ольмеков) и Китаем периода династии Шанг (около 12 в. до н. э.). Автор статьи

выдвинул тезис, что в случае установления общности тех или иных черт культуры у различных народов методологически следует отдавать предпочтение гипотезе заимствования, а не параллельного развития. Эту достаточно спорную мысль автор стремился подкрепить еще более спорной «генетической теорией культурного изменения», согласно которой инновация в мире культуры аналогична мутации в живой природе, социализация — инбридингу в селекции и т. д. Но разве сведение общественно-культурного к биологическому не огрубляет концептуальный аппарат изучения культурных контактов, не подменяет их качество другим, значительно более примитивным? По известному выражению А. И. Герцена, «общественный человек ускользает от физиологии». Методология работы, о которой идет речь, шаг назад по сравнению с тем, чего достигла мировая наука в установлении общественного и человеческого характера аккультурации.¹¹

В итоге в современной этнографической науке повсеместно наблюдается интерес к вопросам структуры контактов, в особенности к ее социально-психологическому аспекту; к вопросу соотношения внешних влияний и внутренних новшеств в культурном развитии и к другим проблемам, связанным с изучением ситуации контакта на протяжении ограниченного исторического периода.¹² Внимание к этим вопросам вполне оправданное, однако это не единственно возможный подход к изучению мировых контактов. Можно рассмотреть мировые культурные контакты более широко — как грань мировой истории. Мировые культурные контакты должны стать объектом философии, истории и этносоциологического исследования как явление целостное, историческое, в котором относительное постоянство структуры сочетается с эволюционной изменчивостью.

Основное в том подходе, который предлагается в этой работе (разумеется, подходе не единственно возможном) — это представление о целостности мировых культурных контактов как качественно своеобразной грани мировой истории. Некоторые принципы, которые мы в самых общих чертах попытаемся сейчас обрисовать, лишь детализируют это главное положение.

В чем качественное своеобразие мировых культурных контактов? По-видимому, в том, что это (1) межэтническая коммуникация (2) в области культуры (3) на всех уровнях социальной жизни: сообщества, группы и индивида. Мировые культурные контакты — это обмен, пересекающий этнические границы и ограниченный сферой культуры. Под культурой мы понимаем «все то, что создано разумом и руками человека» (Э. В. Соколов).¹³ С этой точки зрения культурный обмен есть обмен предметами, образами, идеями и т. п., оказывающий влияние на формирование образа жизни и тип культуры контактирующих обществ. Однако обмен культурой между этносами есть менее всего механическое явление (хотя и такой тип

обмена налицо в культурных контактах). Появление новых культурных явлений в лоне культуры-восприемника есть стимул собственного творчества.¹⁴ Поэтому следует рассматривать мировые культурные контакты как творческий процесс. В мировой истории он является важным моментом общественно-культурного прогресса.¹⁵ Мировые культурные контакты связаны также с преемственностью как «горизонтальный» процесс передачи культуры.¹⁶ Здесь следует отметить, что «горизонтальность», т. е. синхронность этого процесса, весьма относительна. Мировые культурные контакты всегда протекают на протяжении известного исторического периода и вплетаются в общую ткань исторического развития.

Мировые контакты с давних времен осуществлялись на уровне сообщества, группы и индивида. В этом их отличие от международных политико-дипломатических связей, которые традиционно велись почти исключительно на уровне этнических сообществ. В теории международных отношений является влиятельной точка зрения, согласно которой международные отношения в наше время приобретают все более транснациональный характер — они в растущей степени ведутся на всех трех уровнях общественной жизни. Не следует ли это понимать как взаимопроникновение политико-дипломатических, с одной стороны, и культурных, — с другой — связей?¹⁷

Как и возникновение самой истории, становление ее грани, мировых контактов относится к древнейшим временам. Можно предположить, что вместе с появлением локальных культур возник обмен между ними. Однако в настоящее время доказать этот тезис конкретными фактами истории можно лишь в самом общем виде. Локальные культуры засвидетельствованы уже в каменном веке, к этому же времени относятся и данные о распространении артефактов за пределы территории их возникновения. Археологические данные в этих двух случаях обладают принципиально различной очевидностью. О наличии локального разнообразия в культуре мы с уверенностью можем говорить тогда, когда в пределах одного пространственного участка мы находим одну и ту же конфигурацию культурных элементов, отличающуюся от соседней. Но археологические сведения о распространении артефактов за пределы территории их возникновения могут быть истолкованы двояко: как свидетельство контактов между племенами — носителями локальной культуры и как доказательство миграций этих племен.

Склонность все объяснять миграциями была характерна для науки о первобытности в начале XX в.; хотя в дальнейшем миграционизм подвергся резкой критике, и сегодня в научной литературе встречается склонность объяснять распространение артефактов вне района их возникновения миграциями.¹⁸ Однако ряд видных археологов настойчиво и, как нам кажется, обоснованно высказывается и продолжает высказываться в пользу

признания широко распространенных межплеменных связей в эпоху верхнего палеолита (А. Кребер, Г. Чайлд, Г. П. Григорьев).¹⁹ Их наличие в более позднюю эпоху несомненно.²⁰

Возникнув в глубокой древности, мировые культурные контакты носят закономерный характер. Закономерности международных связей в том, что межэтнические культурные контакты свойственны самой исторической природе этнических сообществ. Подобно тому как человек не может жить, не общаясь с себе подобными, народы необходимым образом вступают в контакт друг с другом. Каждое этническое сообщество, известное истории, непременно имеет контакты с другими сообществами, по крайней мере, на протяжении большей части своего исторического существования. Факты, подтверждающие это положение, общеизвестны.²¹

Представление о мировых культурных контактах как закономерной целостности позволяет нам дать их периодизацию. В истории мировых сношений четко вырисовываются две эпохи: до XVI в. и после, когда они приобрели всеобщий и постоянный характер. Создание мирового рынка и постоянной системы международных связей К. Маркс считал всемирно-историческим достижением буржуазной эпохи.²² Однако прерывистый характер культурных связей между народами в предшествующий период есть лишь другая — исторически менее зрелая — форма их закономерности. В эту эпоху культурные контакты прерывались в том или ином пространственном направлении на некоторое время (порой надолго), но одновременно сохранялись в другом географическом районе.

Если мы от глобальной периодизации перейдем к периодизации отношений в области культуры отдельных стран, то заметим, что периодизация воздействия одной страны на другую (скажем, Японии на Европу) может не совпадать полностью с периодизацией воздействия второй на первую (в данном случае европейских стран на Японию). «Три основные фазы в отклике Запада на японское искусство — или, в обратном порядке, влияние Японии на Запад — таковы: первая фаза, в основном совпадающая с периодом барокко и рококо, началась в последней половине семнадцатого столетия и продолжалась вплоть до начала девятнадцатого столетия. Различие в западном подходе к японскому искусству — достаточно значительное, чтобы характеризовать его как пропасть — отделяет первую фазу от второй, которая тянется от середины девятнадцатого века, приблизительно от тех времен, когда Япония была вновь открыта для широких зарубежных контактов и торговли, до начала Второй мировой войны. Третья фаза — современность, период диалога.

Три фазы различимы в японском отклике на западное искусство, хотя они не во всех случаях совпадают во времени с вышеописанными. По историческим соображениям первая фаза

должна быть разделена на две: короткий период от позднего шестнадцатого столетия до начала семнадцатого века, когда было явственным влияние христианских миссионеров, и затем от середины восемнадцатого столетия до начала 19 в. Мы можем назвать эту первую фазу прологом к следующей, которая начинается в середине 19 в. и характеризуется огромным натиском Запада на Японию. Именно в течение этой второй фазы Япония стремилась модернизировать свое существование согласно западным образцам. Третья фаза, как и в предыдущем случае, современность — диалог между Японией и Западом».²³

Как всякий исторический процесс, мировые связи изменяют свой характер от одной исторической эпохи к другой. В этом проявляется их историчность. В ходе истории иными становятся объем контактов и заимствований, постоянство сношений, географические рамки, степень проникновения заимствованного в общество — восприимчивость.

Как и все в истории, мировые сношения есть цепь явлений, развертывающаяся во времени и пространстве. Не забывая о неразрывной связи того и другого, можно акцентировать временную или пространственную сторону мировых культурных контактов. В первом случае речь будет идти об исторической характеристике эпох в истории мировых сношений. Во втором — о таких понятиях, как локальные силы излучения, центры излучения, поле, образуемое контактами, длительность излучения.

Это открывает возможность своего рода картографирования — в смысле исторического описания или действительного изображения на карте — мировых культурных контактов. На такой карте можно показать центры влияний, их направление, охваченный ими пространственный район и его изменение во времени. Такие карты, показывающие, например, распространение по Европе великих исторических стилей в архитектуре, уже существуют.²⁴ Уже сейчас мы располагаем достаточными данными для составления значительно более сложных и насыщенных сведениями о динамике мировых культурных контактов карт трансконтинентального масштаба.

Рассматривая мировые контакты как целостный процесс, нельзя забывать о диалектической относительности этого понятия. В мировой истории со всей отчетливостью проявляется и диалектическое противоположное целостности культурных контактов: их дробность, изменчивая «плотность», наличие «белых пятен» в пространственно-временном континууме. Несмотря на общую тенденцию к возрастанию контактов, они в отдельные исторические периоды то затухали, то вспыхивали вновь, повинаясь превратностям истории. Времена, в течение которых шли целые волны влияний, сменялись затишьем. Классическим примером является упадок контактов европейских народов с другими континентами в раннем Средневековье.

Столь же относительны и те принципы, которые мы стремились вывести из представления о целостности контактов. Историческое разнообразие контактов дополняется наличием социальных и, как показали американские исследования по аккультурации, социально-психологических постоянных, что позволяет говорить об устойчивой структуре ситуации контакта. В другом плане, в мировых связях большое значение имеет свободная воля людей, в частности деятельность выдающихся государственных деятелей. Известным примером является Петр Великий в России.

Рассмотрение мировых контактов как пространственного процесса делает возможным региональный подход к ним. Если при временном подходе своего рода единицей (или частью) является качественно определенная историческая эпоха, то при пространственной точке зрения такой единицей будет область (ареал), ограниченная географическими рамками и сохранявшая более или менее определенную «плотность» контактов на протяжении длительного исторического времени. Сочетая оба подхода — как временной (в данном случае — «современный период в истории мировых сношений»), так и пространственный («Европа как регион»), мы можем говорить о «современной Европе» в плане особенностей мировых культурных связей в ней.

Остановимся на той особенной роли, которую играли в истории мировых культурных контактов европейские страны. Европа примыкает к средиземноморской Ойкумене, являвшейся средоточием культурных контактов на протяжении тысячелетий.²⁵ В истории сложилась и окрепла способность европейских народов учиться у своих соседей (и не только у них) и, творчески усвоив приобретенное, создавать на его основе свое и передавать его другим народам. «Другие части света имели великолепные цивилизации, поэтов первой величины, строителей и даже ученых. Но ни одна часть света не обладала этим единственным в своем роде физическим свойством: наибольшей силой отдачи, соединенной с наибольшей силой поглощения».²⁶

Сегодня Европа играет значительную роль в системе современных культурных контактов. Но быть средоточием международных связей в наши дни означает быть узлом противоречий современного мира. Мировые культурные контакты в наше время имеют двоякое значение для международной жизни. Они ее осложняют, становятся еще одним «яблоком раздора», они же — и это в гораздо большей степени — создают ее противоречивое единство. Протекая в обстановке противоречий между нациями, столь различными по своему общественному строю, уровню экономического развития и культурным традициям, культурные контакты отражают эти противоречия и сами подчас обостряют их. В качестве примера назовем недавно прозвучавшее требование развивающихся стран вернуть им культурные ценности, вывезенные в Европу в эпоху колониализма.²⁷

Требование в целом справедливое, но, вместе с тем, чреватое спорами и, может быть, конфликтами. Действительно, в недавнем прошлом существовало то, что можно назвать насильственными формами культурных контактов. В отношении стран Запада к развивающемуся миру эти формы и сегодня не вполне изжиты. Владельцы сокровищ некогда сожженного Бенина и других ценностей не спешат вернуть захваченное. Однако история изрядно запутала вопрос о возврате ценностей. Вспомним, что когда-то вывезенные художественные сокровища сыграли важную роль в ознакомлении европейской публики с культурами неевропейских стран и тем самым способствовали, в частности, формированию дружественного отношения передовой общественности Европы к народам Азии, Африки и Латинской Америки, что явилось одним из факторов деколонизации. К тому же, разве не является каждая нация хранителем какой-то части культурного наследия всего человечества и не проявляется ли в этом интернациональный подход к культуре?

Если мировые культурные контакты иногда являются источником напряженности, то гораздо важнее их значение как фактора разрядки международной напряженности. Ибо они помогают народам лучше узнать друг друга, преодолеть застарелые расовые, национальные и этнические предубеждения. Мировые культурные контакты содействуют международной солидарности в борьбе за мир, демократию и прогресс. Они способствуют взаимному обогащению культур, становлению интернационального в культуре.

Остановимся на их влиянии на характер мирового культурного развития. Это влияние, пожалуй, наиболее ярко проявляется в области глобальных проблем, перед лицом которых оказалось человечество, и в сфере духовных ценностей.

«В современную эпоху международное сотрудничество в большей мере, чем когда-либо, стало настоятельной необходимостью. Глобальные проблемы требуют и глобального решения. Это становится уже условием сохранения и развития цивилизации, обеспечения будущего человечества. К глобальным относятся... проблемы энергетических ресурсов, защиты окружающей среды, освоения богатств мирового океана, обеспечения продовольствием, здравоохранения и некоторые другие. Уже сейчас разрешение их имеет громадное значение не для какой-либо страны, группы стран или континента, а для всех стран и народов. Миллионы людей, населяющих земной шар, со все большей остротой проникаются сознанием, что наша планета — их общий дом, и для решения ряда вставших перед человечеством задач нужны общие, коллективные усилия».²⁸

Как хорошо сказал в одной из своих многочисленных работ Джермен М. Гвишиани, «задачи обеспечения действенной интернационализации достижений современного научно-технического прогресса приобрели сегодня такую актуальность, что они

исключают всякие иные альтернативы, чреватые катастрофическими последствиями. Никогда ранее в истории человечества потребность в сотрудничестве народов земного шара не проявлялась столь остро, как это имеет место в современных условиях». ²⁹

Будем предельно лаконичными в наших комментариях к этим высказываниям — международное сотрудничество есть зрелая форма мировых культурных связей, она уже воплощается в жизнь: приведем в качестве примера программы ЮНЕСКО по охране культурного и природного наследия человечества, ³⁰ по рациональному использованию и сохранению биосферы. ³¹

Переходя к сфере ценностей, отметим, что обмен идеями, художественными образами, манерой мыслить осуществляется здесь в обстановке идеологической борьбы, в ходе преодоления представлений, возникших в связи с колониальной политикой европейских держав в прошлом и ее пережитками сегодня. «Явление соприкосновения культур мы сегодня понимаем лучше, чем в прошлом, когда каждая великая цивилизация считала себя хранительницей высших ценностей и единственной, достойной распространения и преобладания в мире. Ныне люди начинают ценить многообразие культур, их взаимодействие и обогащение, порождаемые взаимным обменом...» ³²

В свое время Ф. М. Достоевский в известной речи о Пушкине говорил о «всемирной отзывчивости» Пушкина, о его способности перевоплощаться в душу других народов. Таковы свойства, добавим мы, каждого крупного писателя-гуманиста, художника, передового ученого, путешественника. Творчество подлинно значительное является как бы посредником между культурами, делает явления одной национальной культуры достоянием другой. Говоря о творчестве самого Достоевского, мексиканский поэт и прозаик Октавио Пас так оценивает его роль в формировании духовной культуры: «И через сто лет со дня смерти Достоевского его влияние продолжает расти и шириться, начиная с его родной страны, где он обрел признание уже при жизни, и распространяясь на страны Европы, Америки и Азии. Это влияние не ограничивается литературой, оно затрагивает сам образ жизни, мышления и эмоций людей. Поколение за поколением читают его произведения не как беллетристику, а как исследование природы человека, и сотни тысяч читателей всего мира мысленно беседуют и спорят с его героями, как со своими старыми знакомыми.

Его произведения оказали влияние на таких различных писателей, как Ницше и Жид, Фолкнер и Камю. Страстными поклонниками Достоевского были современные мексиканские авторы Хосе Васконселос и Хосе Ревуэлтас, что объясняется, судя по всему, тем, что они принадлежали к тому же интеллектуальному кругу и видели себя во многих обуревавших его мыслях и идеях. Мне до сих пор вспоминаются бесконечные споры, кото-

рые вели в колледже: в каждом из нас бушевали Иван и Дмитрий Карамазовы». ³³

Вопрос о мировых культурных контактах как факторе взаимного обогащения культур может быть раскрыт на поистине огромном материале. Мы ограничились немногими высказываниями, взятыми в основном из публикаций ЮНЕСКО — организации, призванной быть средоточием и вдохновителем международных культурных контактов и международного сотрудничества. Эти высказывания бросают свет на содержательную сторону культурных контактов в нашем противоречивом и беспокойном мире. Что касается формальной стороны, то отметим: к традиционным формам культурного синтеза — усвоению элементов одной национальной культуры другой или, более резко, созданию новой национальной культуры из различных этнических вкладов — в последнее время все чаще стал прибавляться третий. Это возникновение культурных явлений интернационального типа. Японо-европейские культурные контакты, утверждают авторы книги «Диалог в искусстве. Япония и Запад», в отдельных случаях переросли в единство художественного стиля. «...Период, начавшийся около 1960 — лишь спустя сто лет с той поры, когда Япония впервые открыла свои двери европейской и американской цивилизации — не был периодом обмена и взаимовлияний, но единства исследовательской методологии. Так же как были координированы и синхронизированы экономические, социальные, научные и технологические мотивы, были объединены тенденции в области искусства и культуры. Вот пример, скорее указывающий на это единство, чем являющийся игрой случая: всеми уважаемый японский архитектор Кензо Танге выполнил порученный ему проект современного развития Болоньи, одного из самых старинных итальянских городов, сохранив при этом все обаяние ее замечательных исторических памятников». ³⁴

За последние пять лет, пишет другой японский автор, «хотя международные связи стали крепче и обмен между художниками и их творчеством стал более подвижным», появилось нечто новое. «Глядя назад, мы видим, что японские художники, как и их западные коллеги, проявляли свое национальное своеобразие, которое сосуществовало с международными течениями в искусстве. Мы даже можем сказать, что существование параллельных и взаимосвязанных линий развития лишь подчеркивало традиционные черты, характерные для творческого выражения каждой нации.

Но эта ситуация неожиданно изменилась. Последние новинки — «световое искусство», «кинетическое искусство», «первичная скульптура», «концептуальное искусство», «минимальное искусство»... так же, как «искусство окружающей среды» и «хэппенинги» — ликвидировали барьеры между различными формами искусства и уничтожили различия, которые отличали страны и культуры». ³⁵

Сейчас еще преждевременно комментировать эти и подобные ему высказывания — неясно, имеем ли мы здесь дело с международным искусством или просто международной модой (которая, кстати, еще в давние времена имела тенденцию к интернациональности!). Вернемся к мировым контактам как объективному историческому процессу, как фактору социального прогресса и разрядки. Разрядка напряженности в Европе — явление современное, ею движет добрая воля правительств, организаций и отдельных людей. «... *Détent*, — сказано в одном из зарубежных исследований разрядки, — это дипломатическая деятельность или стратегия..., которая выросла из тонко и тщательно взвешенного баланса сил. Она имеет ярко выраженный моральный компонент...» Но, спрашивает автор книги К. Белл, не вернутся ли державы к холодной войне? Это вполне возможно, и потому *détente* может удерживаться лишь при справедливом распределении преимуществ.³⁶

Как и большинство других буржуазных авторов, К. Белл учитывает только субъективный фактор разрядки, который разрядка, несомненно, имеет. Однако опирается *détente* на исторически объективные факторы, и это как раз и создает уверенность в ее конечном успехе. Важнейшим среди объективно-исторических основ ее является процесс интернационализации мира, одна из граней которого — мировые культурные контакты. Несмотря на противоречия мирового развития, интернационализация мира все возрастает. В области науки, техники, медицины многое уже носит интернациональный характер.³⁷ Важнейшие политические движения современности — рабочее и коммунистическое движение, борьба за мир — носят международный характер. По словам В. И. Ленина, «...вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализует ее».³⁸

Древние, как сама история, мировые культурные связи поддерживаются всей логикой исторических событий и неодолимы как человеческое развитие в целом. Под влиянием неблагоприятной политической ситуации, которая, как показывает современная история, возникает время от времени, мировые сношения испытывают торможение в своем росте — что проявляется, впрочем, скорее в нежелательных инцидентах, чем в сокращении их подлинного объема и значения. Однако это торможение оказывается временным, вскоре уступая место ускоренному развитию. Представление о мировых контактах как объективном историческом процессе сообщает уверенность в том, что они и дальше будут характерной чертой нашей эпохи, будут неуклонно развиваться в предвидимом будущем, оказывая растущее влияние на человеческую культуру, обогащая современные международные отношения духовным началом, одинаково ценным для всех людей доброй воли. Способствуя взаимопониманию

между народами, культурные контакты становятся могучим объективным фактором разрядки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. М., 1960.
- ² См.: Современные буржуазные концепции истории всемирной литературы. — М., 1967.
- ³ См.: Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. — М., 1972.
- ⁴ Taylor E. B. Notes on the Asiatic Relation of Polynesian Culture. — Journal of Royal Anthropological Institute, vol. XI, p. 30; Remarks on the Geographical Distribution of Games. — Ibid., vol. IX.
- ⁵ «Frobenius» (Symposium). — Cultures, vol. 6, p. 2.
- ⁶ Frobenius L. Schicksalskunde in Sinne des Kulturwerdens. — Leipzig, 1932.
- ⁷ Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры по Земле. — Пг., 1923.
- ⁸ Malinowski B. The Dynamics of Culture Change. An Inquiry into race relations in Africa. New Haven, 1945; и другие работы Малиновского.
- ⁹ Hallowell A. I. Sociopsychological Aspects of Acculturation. The Science of Man in the World Crises. N. Y., 1945.
- ¹⁰ Herskovits M. Acculturation. The study of culture contact. N. Y., 1938; Herskovits M. Introduction to the «Acculturation in the America». S. 3. Proceeding and Selected Papers of the 29 International Congress of Americanists, vol. 2, N. Y., 1958. Как показала одна из последних американских работ «Acculturation, theory, models and some new findings» (Westview Press, 1980), сегодня психологический подход по-прежнему преобладает в зарубежной науке и сдвигов в сторону историзма в ней нет.
- ¹¹ Schneider H. Prehistoric Transpacific Contact and the Theory of Culture Change. — American Anthropologist, vol. 79, № 1, 1977.
- ¹² Более подробно об истории изучения культурных контактов в этнографии см.: Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. — Л., 1967, с. 84—207; Александренков Э. Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии. — См.: Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. — М., 1976, а также работы С. А. Токарева по истории этнографии.
- ¹³ Соколов Э. В. Культура и личность. — Л., 1972.
- ¹⁴ Kroeber A. Anthropology. N. Y., 1948, p. 368—370. Крёбер рассматривал стимулирование нового в процессе контактов как одну из разновидностей культурного влияния. Но во всяком случае культурного воздействия момент стимулирования нового присутствует.
- ¹⁵ Однако это не означает признания мировых контактов единственным фактором прогресса, к чему склоняется ряд ученых, в особенности К. Леви-Строс (Levi-Straus Cl. Race et histoire. La racisme devant la science. — UNESCO, 1960, p. 277).
- ¹⁶ Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. — М., 1969.
- ¹⁷ Rosenau J. The Study of Global Interdependence. Essay on the transnationalization of world affairs. N. Y.
- ¹⁸ Природа и древний человек. — М., 1981, с. 147, 166, 173.
- ¹⁹ Чайлд Г. Прогресс и археология. — М., 1949; Он же. У истоков европейской цивилизации. — М., 1952; Childe G. Prehistoric migration in Europe. Oslo, 1950; Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. — Л., 1968, с. 157 и др.
- ²⁰ Wells P. Culture contacy and culture change; early iron Age Central Europe and Mediterranean world. Cambridge U. P., 1981.
- ²¹ Культурный синтез хорошо документирован, в частности, на ранней истории латиноамериканских цивилизаций. См.: History of Latin American

Civilization. Sources and interpretations, vol. 1. The Colonial Experience. Boston, 1973.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 230.

²³ Dialogue in Art. Japan and the West. Tokyo—N. Y., 1976, p. 11.

²⁴ Dollinger H. Atlas zur Kulturgeschichte. München, 1979.

²⁵ Albert-Carrié R. One Europe. The historical background of European unity. N. Y., 1965.

²⁶ Valéry P. La Crise de l'Esprit. II. XX-e siècle. Les grands auteurs française. Paris, 1962, p. 339.

²⁷ Курьер ЮНЕСКО, август 1978.

²⁸ Москвин Л. В. Разрядка и социальный прогресс. — М., 1980, с. 129.

²⁹ Гвишиани Джермен М. Всемирная стратегия развития. — Курьер ЮНЕСКО, декабрь 1979, с. 28.

³⁰ Курьер ЮНЕСКО, сентябрь 1980 и другие публикации.

³¹ Курьер ЮНЕСКО, май 1980.

³² Курьер ЮНЕСКО, сентябрь—октябрь 1981, с. 58.

³³ Октавио Пас. Наш великий современный Достоевский. — Курьер ЮНЕСКО, март 1982, с. 22.

³⁴ Dialogue in Art, p. 195.

³⁵ Там же, с. 225.

³⁶ Bell C. The diplomacy of détente. London, 1977, p. 6.

³⁷ В этом отношении интересны мысли К. Болдинга о «суперкультуре». Критическое рассмотрение его концепции см.: Артановский С. Н. Этническое своеобразие культур. — В кн.: Философские и социально-экономические проблемы культуры. — Л., 1975, с. 14—15.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.

А. С. МЫЛЬНИКОВ

О ПОНЯТИИ «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП»: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопрос о культурно-историческом типе, о трактовке содержания этого понятия относится к числу первостепенных теоретических проблем истории мировой культуры. Достаточно напомнить, что выделение замкнутых, локальных типов культур составляет сердцевину буржуазных концепций цикличности мирового культурно-исторического процесса. Подвергая подобные представления аргументированной критике с позиций исторического материализма, советские ученые обосновали принципиально новый подход к построению системы исторической типологии культуры в целом, уделив немало внимания и проблеме культурно-исторического типа. Тем не менее, существенные аспекты ее остаются недостаточно разработанными, спорными. К ним, например, относятся вопросы морфологии, формационно-стадиальной обусловленности и этнического своеобразия исторических типов культуры. Очевидно, что интересы дальнейшей разработки этой проблематики настоятельно требуют подведения итогов сделанному, иначе говоря — рассмотрения историографии вопроса. Здесь существуют две грани.

С одной стороны, следует обратиться к критическому рассмотрению представлений о типах культуры в немарксистских концепциях для выявления тех элементов, которые могли бы оказаться полезными в дальнейшей позитивной разработке проблемы. В советской философской литературе справедливо подчеркивалось, что «марксизм-ленинизм всегда рационально подходил к другим направлениям общественной мысли, беспощадно обнажая заблуждения, но стремясь использовать всякую крупницу истинного знания».¹ С другой стороны, чрезвычайно важно проанализировать опыт советской культурологии. Работы по интересующей нас теме, публикуемые нередко в малотиражных ведомственных изданиях, не всегда легко выявляются библиографически. До сих пор они не только не стали предметом специального рассмотрения, но в ряде случаев даже не попали

в поле зрения ученых, занимающихся соответствующей проблематикой. На обе грани названной темы мы и хотели бы обратить внимание в данной статье.*

1

Ключевое значение понятия «исторический тип культуры» для типологизации культурно-исторического процесса определяет актуальность критического анализа его трактовки в немарксистских концепциях культуры.² Впервые наиболее четко представление о культурно-историческом типе было сформулировано русским философом, публицистом и естествоиспытателем Н. Я. Данилевским в трактате «Россия и Европа» (1869, отд. изд. — 1871). Как уже отмечалось в советской историко-философской литературе, в позиции Данилевского реакционные панславистские и националистические идеи причудливо соседствовали со справедливой по замыслу критикой европоцентризма и социал-дарвинизма, с попыткой критики буржуазной цивилизации, которую он, впрочем, вел с правых, консервативно-романтических позиций.³ По мысли Данилевского, «естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее деления, от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться».⁴ Данилевский видел свою заслугу не в перечислении этих типов, известных и ранее, а в выдвижении их в качестве базы, ядра истолкования историко-культурного процесса. Квинтэссенцией его подхода служат пять «законов», которыми определяется существо культурно-исторических типов. Первый и главный из этих «законов» Данилевский формулирует следующим образом: «Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий — составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще, по своим духовным задаткам, способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества». Согласно второму «закону», народы,

* Статья продолжает цикл работ автора по теоретическим вопросам истории мировой культуры: (1) Культура как предмет исторического исследования (Проблемы культурно-исторической типологии). — В кн.: Методологические проблемы изучения культуры. Л., 1978, с. 43—63; (2) Об исторических типах личности. — В кн.: Роль духовной культуры в развитии личности. Л., 1979, с. 50—56; (3) Сравнительное изучение цивилизаций: некоторые вопросы критического анализа современных западных концепций мирового культурно-исторического процесса. — В кн.: Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. — Л., Наука, 1979, с. 41—67; (4) Основы исторической типологии культуры. Учебное пособие. Л., 1979. 94 с. — Мы оставляем пока в стороне вопрос об освещении теоретических аспектов исторических типов культуры в зарубежной марксистской литературе, требующий дополнительных изысканий.

принадлежащие к данному культурно-историческому типу, порождают цивилизацию только при наличии политической независимости. При этом каждый культурный тип вырабатывает культуру только для себя: начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам, относящимся к другим типам, хотя определенное воздействие «чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций» и не исключается (третий «закон»). В соответствии с четвертым «законом», полнота разнообразия и богатства культурно-исторического типа прямо пропорциональны разнообразию составляющих его элементов в форме федерации или политической системы взаимосвязанных государств. Наконец, пятый «закон» касается внутренней эволюции культурно-исторического типа: «Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжительным, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу».⁵ Иными словами, Данилевский, по справедливому наблюдению И. А. Голосенко, «рассматривал исторические культуры не как стадии общего развития и не как продукты внешних природных влияний, а в качестве самостоятельных духовных целостностей, типов, которые могут быть поняты в их внутреннем единстве и циклическом измерении».⁶ Перечисляя десять культурно-исторических типов, сыгравших решающую роль в истории («египетский», «китайский», «ассиро-вавилонно-халдейский», «индийский» и другие) и предсказывая становление нового, одиннадцатого по счету, славянского типа культуры, Данилевский обосновывает морфологический принцип культурно-исторического типа как такового. Важное место занимает в концепции Данилевского уподобление культуры биологическим организмам, в связи с чем он доказывал возможность приложения принципов сравнительной морфологии в естествознании к изучению истории культуры. Решительно отбрасывая принятое в науке того времени деление истории на древнюю, среднюю и новую, Данилевский взамен предлагал выделять фазы внутри каждого культурно-исторического типа по отдельности. Он намечает четыре таких фазы — подготовительную (или этнографическую), государственную, собственно культурную (плодоношение) и заключительную, означающую гибель данного культурного типа, который либо окостеневае,т, либо готовит почву для нового культурно-исторического типа. Отсюда он конструирует два вида культур — замкнутых и преемственных. Не исключая, таким образом, возможностей культурной преемственности, Данилевский сводил ее к трем возможным способам — «колонизация», т. е. механическая пересадка элементов одной культуры в другую, «прививка», т. е. скрещивание культур, не приносящее, по его мнению, пользы «дичку», и «удобрение», т. е. усвоение опыта другой цивилиза-

ции, подобное влиянию «почвенного удобрения на растительный организм».⁷ Последний способ культурных контактов Данилевский считал единственно плодотворным. Высказываясь на основании таких рассуждений против представлений о прямолинейности прогресса, Данилевский заключал, что «ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития в сравнении с ее предшественницами или современницами».⁸

Таким образом, постановка вопроса о морфологии культуры и рассмотрение в связи с этим проблемы культурно-исторического типа составляют суть культурологической концепции Данилевского, что в свое время справедливо было отмечено приверженцем Данилевского — русским историком К. Н. Бестужевым-Рюминым.⁹ Однако взгляды Данилевского, оказавшие, как известно, сильное воздействие на последующую немарксистскую историософию культуры, сами во многом зависели от традиций европейской философско-исторической мысли нового времени. Его непосредственным предшественником был немецкий историк середины XIX в. Генрих Рюккерт — на это в предисловии к третьему изданию книги «Россия и Европа» (1888) обращал внимание еще Н. Н. Страхов. Он был прав, предостерегая против презренного отождествления воззрений Данилевского и Рюккерта, хотя и по иной причине. Дело заключалось вовсе не в том, что теория Рюккерта, как полагал Страхов, носила искусственный характер, а теория Данилевского — «система естественная».¹⁰ Если уж говорить о предшественниках Данилевского, то несравненно больше сходства обнаруживается между ним и **Джамбаттисто Вико**. На первый взгляд такое утверждение может показаться неожиданным. Ведь замечательный итальянский мыслитель конца XVII—начала XVIII вв., в отличие от Данилевского, доказывал, что история человечества подчиняется вечным и неизблемым законам, согласно которым все народы мира проходят в своем развитии одни и те же стадии. Очередной цикл повторяет предыдущий, однако на более высокой ступени, и в этом, по мнению Вико, реализуется общественный прогресс.¹¹ Такое понимание, казалось бы, в корне противоречило позиции Данилевского, который писал, что прогресс «состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях».¹² И тем не менее исходная позиция Данилевского во многом зависела от Вико, хотя в его концепции зависимость эта своеобразно трансформирована.

В самом деле, Вико полагал, что каждый исторический цикл состоит из трех основных фаз — «детства человечества», «юности» и «зрелости». Исходным является «звериное состояние», с которого начинается каждый очередной цикл. Видоизменяя конструкцию Вико, Данилевский отрицает всеобщность деления

истории человечества на древний, средний и новый периоды, объявляя их бессодержательными понятиями, не имеющими всеобщего значения. Он как бы дробит это деление, расплющивает его и вкладывает в структуру конкретного культурно-исторического типа. По Данилевскому, указанные три стадии (независимо от их наименования) характеризуют не всеобщность человеческой истории и культуры, а наоборот, их локальность, ибо отныне они оказывались действительными только в пределах изолированных культурно-исторических типов. Тем самым Данилевский сделал крупный шаг на пути отказа от прогрессивных представлений предшествующего времени о единстве и закономерности человечества и культуры. В период нарастания кризиса буржуазной общественной мысли XX в. это нашло гипертрофированное воплощение в концепциях цикличности и локальности культур.

Первым в их ряду считается двухтомная работа Шпенглера «Закат Западного мира» (1920—1922), над которой он начал трудиться в канун первой мировой войны.¹³ Известно, что Шпенглер, подобно Данилевскому, отвергал идею однолинейного прогрессивного развития, трактуя всемирную историю как совокупность изолированных культур, еще более, нежели русский философ, подчеркивая их замкнутость и несвязанность друг с другом. Вслед за Данилевским, Шпенглер видел путь к пониманию внутреннего смысла каждой культуры в сравнительном изучении ее морфологических признаков. Как и Данилевский, Шпенглер полагал, что каждая из этих культур переживает свой витальный цикл. В связи с этим он был склонен, если не хронологически, то с точки зрения механизма внутренней динамики, трактовать все выделенные им локальные типы культур — от египетской и индийской до «фаустовской» (или западноевропейской) — как сосуществующие и тем самым как бы современные одна другой. Кроме того, советские и зарубежные исследователи неоднократно обращали внимание на почти дословные заимствования из трактата Данилевского в «Закате Западного мира». Да и содержащаяся здесь конструкция культурно-исторического процесса от построений Данилевского отличалась скорее количественно — у Шпенглера вместо 11 типов культур названо восемь, кроме того, он назвал три неразвившихся типа и один — русский, находящийся в стадии формирования; несколько иначе определена им длительность фаз витального цикла и пр.

Необычайное сходство главных положений, сформулированных в 1860-х гг. Данилевским, с системой взглядов Шпенглера, сложившейся в 1910-х гг., давно уже обратило на себя внимание и породило значительную литературу. Существует, в частности, мнение, что в процессе работы над «Закатом Западного мира» Шпенглер использовал французский перевод книги Данилевского, изданный в 1890 г.¹⁴ Однако, на наш взгляд, во-

прос не сводится к установлению факта прямого или, хотя бы, косвенного знакомства Шпенглера в период написания его труда с идеями Данилевского (то, что «Россия и Европа» позднее, в немецком переводе 1920 г., стала ему известна, сомнений не вызывает). Не менее важно установить обихий контекст умонастроений, бытовавших в той научно-литературной среде, с которой накануне создания своего труда Шпенглер был в первую очередь связан. Разумеется, рассмотрение этой обширной и самостоятельной темы выходило бы за рамки стоящих перед нами в данном случае задач. Поэтому, ограничимся лишь одним ее аспектом, попытавшись ответить на вопрос: существовало ли в немецкой историко-культурологической мысли начала XX в. некое «промежуточное звено», перекидывавшее мост между Шпенглером и Данилевским и концептуально непосредственно предварявшее схемы культурных типов автора «Заката Западного мира»? Насколько нам известно, подобным образом вопрос еще не ставился. Между тем он заслуживает специального внимания, ибо такое «промежуточное звено» существовало — им была двухтомная «История культуры» (1905) и некоторые другие работы немецкого историка Курта Брайзига (1886—1940).¹⁵

Хотя этими вопросами Брайзиг продолжал заниматься до конца жизни, его имя, в отличие от Шпенглера, в широкой публике оставалось малоизвестным. Взгляды Брайзига во многом сформировались на фоне полемики реакционных немецких историков рубежа XIX—XX вв. с историко-позитивистскими воззрениями К. Лампрехта, который уделял значительное внимание истории культуры и пытался, хотя и с идеалистических позиций, выявить закономерности и причинные связи исторического процесса. Правда, сам Брайзиг остался тогда как бы между двух берегов: не отрицая полностью социологических представлений Лампрехта, он не верил в возможность рационалистического объяснения истории.¹⁶ Такой подход нашел выражение и во взглядах, развивавшихся Брайзигом. В его концепции представления о всеобщих законах истории человечества и об их проявлении у отдельных народов совмещались с трактовкой исторического процесса в духе локальных циклов: подобно Шпенглеру, он испытал на себе влияние не только буржуазного позитивизма, но и идей «великого возвращения» Ф. Ницше. Позднее сам Брайзиг объяснял, что исследование истории народов Европы, Азии и других континентов привело его к мысли: наибольшие возможности к пониманию этих процессов открывает биологический подход. «Только исходя из этого стремления, — писал он, — смог я достичь того, чтобы чисто хронологический отсчет форм организации заменить историко-эволюционным исчислением, которое отталкивается от определенных этапов развития и которое впервые в 1905 г. привело меня к пониманию взаимной связи историй народов — историй всех народов — как протекающих в одинаковом направлении, парал-

дельно». ¹⁷ Современный западногерманский историк Н. Фогт не без оснований замечает, что такое понимание, позднее примененное Шпенглером, свидетельствует о приоритете Брайзига. ¹⁸ Думается, однако, что точек соприкосновения между ними было куда больше.

Действительно, на первый взгляд, Брайзиг, в отличие от Шпенглера, прокламирует универсальность действия исторических законов, разумеется, так, как он их понимал. Опираясь на традиционные для западноевропейской историографии категории «древней», «средней» и «новой» истории, против которых, как известно, резко выступали до него Данилевский, а после него Шпенглер, Брайзиг рассматривал две первые категории как ступени, подготавливающие новую историю. Но на этом, пожалуй, сходство Брайзига с историографической традицией и несходство его с Данилевским-Шпенглером и заканчивается. Ибо дело не в привычных для той эпохи наименованиях, а в их содержании и осмыслении. Обратим, в частности, внимание на только что цитировавшиеся строки, в которых Брайзиг подчеркивал взаимную связь «историй» всех народов. Применение им не единственного («история»), а множительного числа (*Völkergeschichten*) дакеко не случайно. За небольшим, на первый взгляд, грамматическим различием скрывался смысл воззрений Брайзига на мировую историю. Она рисовалась ему не как единый процесс, а как сумма автономных процессов, хотя и проходящих в обязательном порядке указанные ступени, но по отдельности у разных народов. Место универсализации локальности заступила локализация универсума. Брайзиг, например, полагал, что своего средневековья достигли античная Греция и Рим, Индия, Китай и Япония, тогда как, скажем, Египет остановился на стадии древней истории. Как раз отличие Европы от других частей света Брайзиг усматривал в том, что проживавшие здесь народы дважды проделали цикл «древней»—«средней»—«новой» истории: сперва в рамках греко-римского античного мира, а затем в рамках «историй» ведущих народов этого континента, к которому, между прочим, Брайзиг относил не только германо-романские, но и славянские народы. В специально приводимой хронологической таблице Брайзиг следующим образом локализовал во времени ступени развития античности и германо-романских народов. У греков, согласно этой таблице, период древности продолжался с 1800 г. по 1000 г. до н. э., период раннего средневековья — с 1000 г. по 750 г., а период позднего средневековья — с 750 г. по 510 г. до н. э., период нового и новейшего времени — с 510 г. до н. э. по 27 г. н. э. Те же этапы Римом были пройдены с 753 г. до н. э. до 476 г. н. э. Наконец, у германо-романских народов «древность» датирована 410—911 гг. н. э., раннее и позднее средневековье 911—1494 гг., новое время ограничивается 1789 г., после чего наступает период «новейшей» истории. ¹⁹

Заимствуя подобный подход, без ссылки на Брайзига, как впрочем и на других предшественников, Шпенглер объявлял себя первооткрывателем многолинейной концепции мирового культурно-исторического развития. «Я вижу, — провозглашал он в «Закате Западного мира», — на месте монотонной картины однолинейной мировой истории... феномен множества мощных культур, со стихийной силой расцветающих из лона материнской почвы, к которой каждая из них строго прикреплена на протяжении всего своего существования; культур, каждая из которых придает своему материалу, человеческой природе, свою собственную форму, каждая из которых обладает своей собственной идеей, своими собственными страстями, своей собственной жизнью, волей, манерой воспринимать вещи, своей собственной смертью».²⁰ Из сказанного можно заключить, что широкоизвестный «коперниковский переворот», якобы произведенный Шпенглером, по его собственным словам, в понимании историко-культурного процесса, на деле оказывается заостренной перелицовкой многих тезисов, выдвинутых ранее Данилевским (а до него — Г. Рюккертом), Брайзигом и рядом других представителей буржуазно-идеалистической мысли конца XIX—начала XX вв., включая философов позитивистов и Ницше, зависимости от которого Шпенглер, впрочем, и не скрывал. Другое дело, почему именно на долю Шпенглера выпал шумный, почти скандальный успех в буржуазной аудитории, заслонивший на первых порах его сильную зависимость от ближайших предшественников? Вопрос этот, заслуживающий дополнительного рассмотрения, увел бы нас в сторону от непосредственно интересующей нас темы. Отметим лишь, что не последнюю роль сыграл итоговый характер концепции Шпенглера, в концентрированном виде отразившей многие ключевые положения буржуазной общественной мысли в годы, ознаменованные началом краха мировой системы капитализма. На эту сторону книги Шпенглера, как известно, уже в 1922 г. обращал внимание В. И. Ленин.²¹

2

Важнейшей составной частью концепций локальности культурно-исторических типов была разработка вопросов морфологии культуры. Для Шпенглера, как и для Данилевского, который ввел само это понятие, культура представлялась своего рода живым организмом, обладающим жестким «сквозным единством», обособляющим его от других организмов, своеобразной растительной душой сплотившегося в народ коллектива.²² Такое понимание вытекало из смысла воззрений Шпенглера с характерной для них культурологической интерпретацией органической жизни. Насколько важным это казалось Шпенглеру, можно судить по тому, что над этими вопросами он продолжал размышлять до конца жизни. С. С. Аверинцев первым в нашей литературе обратил внимание на посмертно опубликованные материалы архива автора «Заката Западного мира», в которых

органическая жизнь определяется как «первофеномен, идея, которая разворачивает себя из составной возможности; перед нашим видящим оком процесс, который всецело есть тайна. Идея жизни повсеместно наделена сходной внутренней формой: зачатие, рождение, рост, старение, гибель идентичны от малейшей инфузории до великой культуры». ²³ К этому можно добавить, что среди посмертно опубликованных фрагментов другой работы Шпенглера «Ранняя эпоха мировой истории» сохранилась «Сводная таблица четырех ступеней культуры», где явления неорганической, органической и общественной жизни разделены на символические формы, эпохи, внутренние формы, воплощения, личности (противопоставление «я» и «мы») и т. д. ²⁴ Но подобное понимание, усложненное последующими размышлениями Шпенглера, лежало, в сущности, уже в основе концепции «Заката Западного мира», поскольку автор его считал, что идеальный структурный тип культуры (или так называемая «высокая культура») заключается в нахождении обязательного для него жизненного («витального») цикла: начало, подъем, падение. Поскольку жизненный цикл устанавливался для каждой культуры как изолированного и непознаваемого феномена, вопрос о поступательном движении, очевидно, попросту снимался и заменялся феерической картиной пространственного существования отдельных «высоких культур», безотносительно к их реальной хронологии. Можно заметить, что здесь Шпенглер заимствует идею «ступеней» Брайзига, сводя ее к гипертрофии локальности истории отдельных народов (лучше сказать — историй). Примечательно, что в позднейших набросках он прямо оперирует терминологией Брайзига, когда рассуждает о «ступенях культуры». «На каждой ступени по своему содержанию и форме культура составляет нечто иное», — читаем мы в набросках к «Коренным вопросам». ²⁵

Витальный цикл каждой «высокой культуры» имеет, по Шпенглеру, три ступени: (1) докультурную, или этнографическую, (2) собственно культурную и (3) стадию цивилизации, когда культура дряхлеет и уже неспособна к дальнейшим творческим актам. Таким образом, для Шпенглера цивилизация в стадийном отношении составляет часть (или третью ступень) культурного типа как биологического организма, формирующего все стороны человеческой природы как свой материал. «Что такое человек?» — ставил Шпенглер вопрос в набросках к «Ранней эпохе мировой истории» и конспективно указывал: «Хвостатый хищник. Инстинкт, мышление. Толпа, орда, маленький». К вопросу «Что такое культура?» Шпенглер записывает: «Внутренняя форма, растение, жизнь» и т. п. ²⁶ Согласно Шпенглеру, феномен культуры, как и всякий биологический организм, существует ограниченно во времени: протяженность витального цикла определяется им около тысячи лет (Данилевский называл приблизительно полторы тысячи лет). «Когда, — писал ав-

тор «Заката Западного мира», — цель достигнута и идея, т. е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг застывает, отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются — она становится цивилизацией. И она, огромное засохшее дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья. Мы наблюдаем это на примерах Египта, Китая, Индии и мусульманского мира».²⁷ По-видимому, в последующий период Шпенглер делал попытки несколько смягчить, скорректировать столь прямолинейное и категорическое суждение. Сохранились два варианта набросков к «Ранней эпохе мировой истории». В первом из них, в частности, Шпенглер намечает следующие ступени культурного развития: «Три ранних культуры» (подразумевается в основном первобытная культура). «Оседлая и кочевая жизнь, «Египет и Вавилония», «Боевая колесница», «Три северные культуры на юге» (карфагеняне, этруски, арийско-дравидийские народы), «Племена наездников» (персы, скифы, киммерийцы, гунны и др.), «Арабская культура: ложное образование. Первое тысячелетие», «Запад: нации, динамика. Второе тысячелетие», «Современность: цивилизация. XIX—XX в.» Во втором варианте набросков в наименование и порядок расположения разделов внесены изменения. Так, после «Египта и Вавилонии» следуют: «Пробуждение Севера к действию: боевые колесницы. Второе тысячелетие», «Три культуры: Китай, Индия, Античность. Первое тысячелетие», «Промежуточные племена кочевников», «Арабская культура. Первое тысячелетие», «Запад. Второе тысячелетие», «Положение в XIX—XX вв.» Каждый раздел кратко аннотирован, что позволяет представить общую направленность замыслов Шпенглера. Так, в разделе «Современность», относящемся к первому варианту набросков, значилось: «Опасность. Все или ничего. Феллахи, непродуктивность. Кризис, техника. Новое оружие. Достоевский. Конец мировой истории. Религиозная буря. Цветные. Россия. Исламская цивилизация...» Несколько изменив редакцию наброска во втором варианте, Шпенглер добавил в этот раздел Японию и Африку и исключил упоминание о Достоевском.²⁸

Хотя в целом взгляды Шпенглера к исходу жизни качественных изменений и не претерпели, нельзя все же не обратить внимания на настойчивые попытки автора «Заката Западного мира» если не устранить, то по крайней мере сгладить наиболее уязвимые и одиозные места концепции, исходившей из признания исторически значимыми лишь восьми культурно-исторических типов. В самом деле, Шпенглер заметно расширяет ареал истории культуры, вводит ее четырехчленное деление, основанное на мутантных признаках самосознания культуры, привлекает данные о материальных формах культурного процесса, уточняет длительность витальных циклов типов культуры каждой из ступеней (срок жизни культуры третьей ступени опре-

делен им теперь около 3,5 тысяч лет), прогнозирует возрастание в XX в. мирового значения русской, японской и африканской культур и т. п. Несмотря на то, что сам Шпенглер не подвергал сомнению исходных принципов своей концепции замкнутых культурных типов, отмеченные коррективы на деле подрывали изнутри морфологическую дискретность структуры первоначально намеченных им «высоких культур».

В понимании культурно-исторического типа **А. Тойнби** многое унаследовал от Шпенглера. Исходную единицу историко-культурного процесса Тойнби называл «цивилизацией», что можно рассматривать как синоним «высоких культур» Шпенглера. В отличие от последнего, Тойнби увеличивает количество «цивилизаций», которые конструируются им по конфессионально-региональным признакам. С точки зрения происхождения он разделял их на первичные, вторичные и третичные цивилизации.²⁹ Так же в отличие от Шпенглера он выделил не три, а четыре фазы витального цикла — генезис, рост, надлом и дезинтеграцию. В некоторых случаях жизненный цикл той или иной цивилизации может оказаться неполным, порождая так называемые «абортивные» (эскимосская, полинезийская, османская, спартанская, кочевая) цивилизации. Вместе с тем, как и Шпенглер, Тойнби подчеркивал, что ни одна цивилизация не может иметь более одного творческого цикла. В итоге, история цивилизаций закончится, по Тойнби, созданием «универсального государства» как некоей новой всемирной религии, которая породит универсальную «цивилизацию цивилизаций».

Один из современных последователей этого историософского направления, американский культур-антрополог и историк культуры **Филипп Бэгби** в своей книге «Культура и история» много внимания уделил трактовке понятия культурно-исторического типа. Он определяет культуру в целом как «регулятор внутреннего и внешнего поведения членов общества, исключая то, что относится к наследственности их происхождения».³⁰ В данном случае, согласно Бэгби, культура является общим понятием, причем грамматически оно употребляется в единственном числе — например, в сочетаниях «культура эскимосов», «китайская культура», «примитивная культура», «культура британского среднего класса» и т. п. При этом объем понятия «культура» будет различным. По отношению к культуре всего народа культура отдельных классов или, по определению Бэгби, сегментов общества выступает в качестве субкультуры: терминологию западной культур-антропологии Бэгби стремится распространить и на историю мировой культуры.³¹ Вообще, по его мнению, интеграция культурологического и этнологического подходов к истории культуры чрезвычайно полезна, принимая во внимание усвоение культур одних этносов другими и наличие процессов ассимиляции.³² Эти мысли Бэгби стоит подчеркнуть, поскольку они противоположны тому, о чем писал Шпенглер, а после него,

хотя и с оговорками, Тойнби. Бэгби как раз уделяет внимание историческим примерам ассимиляции в культурах завоевателей и завоеванных народов. Так, английская культура, пишет он, возникла в результате взаимодействия норманской и саксонской культур. Наоборот, деление наций по политическим признакам может повлечь за собой процесс культурной дифференциации. Этот случай Бэгби иллюстрирует примерами культурного развития Великобритании и США с конца XVIII в.³³

Несмотря на ряд интересных и заслуживающих внимания конкретных наблюдений, в своих основных параметрах концепция Бэгби основывается на тех же философско-идеалистических принципах, что и построения Шпенглера-Тойнби. Несмотря на все оговорки и даже критику своих предшественников (особенно Тойнби), Бэгби, в конечном счете, приходит к выделению в качестве единицы измерения культурно-исторического процесса понятия «цивилизация». Если культура определена им как регулятор поведения, как совокупность черт, присутствующих в групповой или локальной системе коммуникаций, то цивилизацию Бэгби характеризует как сложную культуру с наличием городской жизни. Для него цивилизация олицетворяет наиболее широкие, комплексные культуры, на базе сравнительного изучения которых и строится здание истории культуры. Этим он отличает цивилизацию от более узких, простых или традиционных культурных целостностей, составляющих, по словам Бэгби, предмет этнологии.³⁴ Поскольку нам уже приходилось подробнее затрагивать существо концепции Бэгби,³⁵ ограничимся упоминанием, что выделяемые культурно-исторические типы (цивилизации) он делит на «великие общности» или первичные цивилизации, определявшие ход мировой истории (он называет девять таких типов), и на вторичные, находившиеся под их влиянием, или периферийные цивилизации. Бэгби оговаривается, что некоторые из них со временем обнаруживают тенденцию к превращению в «великие общности» (например, русская и японская).

Вопреки вынужденному признанию многих пороков концепций замкнутых культурно-исторических типов, в подходе к их осмыслению Бэгби фактически солидаризируется с субъективно-иррационалистическими воззрениями Шпенглера, видя главное проявление культуры в неизменности ее стиля. «Стиль есть судьба. Он дается, но его нельзя приобрести. Сознательный, намеренный, надуманный стиль есть ложный стиль, как это доказывается примером всех позднейших эпох, а в особенности нашей современности», — подчеркивал автор «Заката Западного мира».³⁶ «Комплекс или сочетание базиса идеи и ценности у культуры я всегда именовал как стиль», — подчеркивает автор «Культуры и истории».³⁷ Рассматривая культуру в качестве интеллектуального аспекта истории человечества, Бэгби соглашается со Шпенглером и в том, что культура идентична биоло-

гическому организму.³⁸ Но это впрочем, уже и не Шпенглер — это Данилевский! В итоге, круг рассуждений замыкается, свидетельствуя о своего рода «цикличности» мышления буржуазных культурологов, оперировавших сходным для них понятием «культурно-исторический тип» как локальной, неповторимой и в этом смысле единичной общности.

При сопоставлении взглядов ряда ведущих представителей указанного направления обнаруживается, что изменения претерпевали в основном лишь частные аспекты выдвигавшихся ими схем: менялись численность культурно-исторических типов, количество фаз их внутреннего развития, отдельные морфологические элементы культурных типов, степень их дискретности, контактности и коммуникативности. Даже при максимально допустимой добросовестности все эти схемы ни на шаг не способны приблизиться к верному осмыслению и отражению реального хода культурно-исторического процесса. Классовый смысл и социальная обусловленность подобных концепций получили обоснованное раскрытие в работах С. С. Аверинцева, Э. С. Маркаряна и других советских ученых. Не менее важным для истории науки представляется выяснение гносеологических корней теории цикличности.

На основании анализа взглядов Данилевского, Шпенглера, Брайзига и других сторонников этого направления можно заключить, что здесь не последнюю роль сыграло воздействие идей биологизации общественного развития. Для сравнения сошлемся на взгляды русского естествоиспытателя и философа **А. Л. Чижевского**, который в 1920-х гг. развивал гипотезу о влиянии космических факторов, прежде всего солнцедейтельности, на «поведение организованных человеческих масс». В данном случае, впрочем, нас занимают не столько вопросы общей оценки позиции Чижевского (она, вероятно, могла бы составить предмет специального рассмотрения), сколько те ее аспекты, которые непосредственно относятся к морфологии цикличности. Чижевский в целом сочувственно относился к Шпенглеру, хотя понятие цикла трактовал не как локальный феномен, а как определенное повторение стадий исторического развития. В основе формулируемого им подхода лежало представление об измерении исторического времени посредством физических единиц (историометрия). За «первую и основную измерительную единицу отсчета» он принимал «один цикл солнцедейтельности, равный в среднем арифметическом 11 годам». Единицу отсчета он именовал «историометрическим временем».³⁹ По мнению Чижевского, каждый историометрический цикл претерпевал «следующие ясно обнаруживаемые этапы: первый — период минимальной возбудимости, второй — период нарастания возбудимости, третий — период максимальной возбудимости, четвертый — период падения возбудимости».⁴⁰ Здесь, хотя и выраженные другими словами, мы видим сходные элементы морфологии

культурно-исторических типов у Данилевского, Шпенглера, Тойнби и их последователей. Приведенный пример показывает, что отказ от материалистического подхода, замена или подмена его биологизацией процесса культурно-исторического развития неизбежно приводят к выводу о его цикличности как повторяемости, фактически снимающей проблему прогресса — важнейшую черту мировой истории и культуры.

Но, подвергая справедливой критике подобные взгляды, было бы неверным ограничиваться только их неприятием. За философско-идеалистической шелухой и игрой в терминологию, концепции эти заключали немало частных верных наблюдений, а главное — представление о необходимости выделения какой-то исходной единицы для построения системы исторической типологии культуры. В итоге, независимо от конкретного решения, сама по себе идея культурно-исторического типа и изучение его морфологии и стиля имели объективно плодотворный характер.⁴¹ Но неразрешимое противоречие заключается в том, что буржуазно мыслящие культурологи в рамках применяемой ими идеалистической методологии бессильны разорвать замкнутую цепь своих рассуждений, не в состоянии использовать выдвинутые идеи для подлинно научной разработки исторической типологии культуры. Решение этой задачи возможно только на базе исторического материализма.

3

Обращение к различным теоретическим аспектам истории культуры имеет в советской науке давнюю традицию,⁴² хотя рассмотрение культурной типологии как комплексной проблемы относится к сравнительно недавнему времени. Приоритет в этом отношении принадлежит этнографам. В 1955 г., исходя из опыта, накопленного советской этнографической наукой, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров поставили вопрос о хозяйственно-культурных типах, под которыми, как они писали, «следует понимать исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитавших в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития».⁴³ Это понятие, выработанное в рамках методологии этнографических исследований, не покрывало собой, однако, всей проблематики исторической типологии культуры в целом. С учетом этой оговорки, можно согласиться с М. С. Каганом, который в 1974 г. констатировал, что «в советской науке проблема культурной типологии до последнего времени не ставилась».⁴⁴ С тех пор в этой области многое изменилось. Прямым следствием продолжавшегося активного обсуждения широкого круга вопросов методологии культуры явилось повышение роли комплексного, междисциплинарного подхода к проблемам теории и истории культуры в целом.⁴⁵ Важное место заняли исследования типо-

логических черт некоторых периодов истории мировой культуры⁴⁶ и отдельных ее компонентов, например художественной культуры.⁴⁷

Следует подчеркнуть, что во многих работах такого рода содержатся важные, с теоретической точки зрения, положения, непосредственно относящиеся к разработке проблемы культурно-исторического типа. Так, основываясь на сформулированном В. И. Лениным «общенаучном критерии повторяемости», Д. Ф. Марков указывал: «Речь идет о закономерном возникновении сходных, однотипных тенденций в историческом процессе разных стран. Тенденции эти могут возникать независимо друг от друга, причем синхронно или с интервалами во времени. Они то и являются объектом сравнительного анализа, который призван обобщить характерные явления в отдельных странах и привести к раскрытию более общих закономерностей мирового общественно-культурного процесса, основных тенденций его исторической поступательности».⁴⁸ Весьма плодотворный характер имеют размышления А. Н. Робинсона относительно типологической сопоставимости раннефеодальных культур в Европе (империя Каролингов и Киевская Русь), об идеологических предпосылках средних веков и нового времени, об особенностях переходных эпох в истории мировой культуры.⁴⁹ Эти и другие наблюдения, основанные на изучении конкретно-исторического материала, открывают дополнительные возможности к раскрытию содержания культурно-исторического типа как формационно-стадиального явления.⁵⁰

Наконец, в последние годы были предприняты первые опыты теоретической разработки общих проблем культурно-исторической типологии. Далеко не равноценные по содержанию, они заслуживают внимания и оценки, поскольку знаменуют становление нового направления в советской культурологии.

В общетеоретическом плане вопрос о культурном типе был впервые поставлен Э. С. Маркаряном, предложившим в 1969 г. выделить общие и локальные типы культуры как исходные для разработки культурно-исторической типологии.⁵¹ Подчеркивая позднее, что «исторически данная культура логически не поддается однозначному определению», Э. С. Маркарян конкретизировал эти понятия, указав, что они «приобретают различный смысл в зависимости от того, имеются ли в виду **общие типы культур** (например, типы палеолитической, неолитической и т. п. культур) или же **локальные типы культур** (например, типы культур австралийских аборигенов, эскимосов и т. д.). Смешение этих двух качественных систем следует считать в качестве одного из фундаментальных недостатков западной культурологии XX века, особенно его первой половины».⁵² Более подробно эти идеи были обоснованы им в докладе на симпозиуме «Методологические проблемы исследования этнических культур», который состоялся в Ереване в 1978 г. Если кратко суммировать

взгляды Э. С. Маркаряна в интересующей нас части, то они сводятся к следующему. Руководствуясь разработанным им пониманием культуры как «специфического способа человеческой деятельности, способа существования идей, имеющего конечную адаптивную и негэнтропийную природу», Э. С. Маркарян полагает целесообразным, наряду с понятием исторического (или «общего») типа культуры учитывать ее «локальный» тип. Первый характеризует определенную историческую стадию развития культуры, второй — ее местные варианты (этнические, субэтнические, надэтнические и иные).⁵³

В основе своей этот тезис верно отражает черты общего и особенного в мировом культурно-историческом процессе и справедливо направлен против имеющих место попыток односторонней универсализации этого процесса за счет его регионально-локального и этнического своеобразия.⁵⁴ Сложность, однако, состоит в том, что Э. С. Маркарян недостаточно ясно раскрывает заложенные в предлагаемом им подходе возможности практической реализации сформулированных суждений на конкретном историко-культурном материале. В нашей печати уже высказывались сомнения относительно плодотворности определения культуры как специфического способа человеческой деятельности для нужд исторического исследования.⁵⁵ И хотя Э. С. Маркарян такие сомнения отвергает, они его докладом все же не снимаются. И в первую очередь потому, что данная им формула улавливает функциональные особенности культуры, а не ее содержание, которое одно только и может быть положено в основу историко-культурного исследования. Для раскрытия морфологии культурно-исторического типа и выработки на основе этого системы исторической типологизации культуры необходимо прежде всего знать объем интерпретируемого предмета. На этот вопрос концепция Э. С. Маркаряна в том виде, как она изложена, ответа пока не дает.⁵⁶

Первыми среди советских ученых, кто, не ограничиваясь общими теоретическими посылами, сделал шаг к построению схемы исторической типологии культуры, были М. С. Каган и Г. Ф. Сунягин. Примечательно, что в печати их соображения появились почти одновременно — книга М. С. Кагана «Человеческая деятельность» была подписана к печати в апреле 1974 г., доклад Г. Ф. Сунягина «Проблема исторических типов культуры» был сделан в декабре того же года. Нам уже приходилось отмечать затруднительность анализа позиции Г. Ф. Сунягина, сформулированной лишь в самом общем виде. Но исходные его принципы достаточно ясны. Он, например, подчеркивал, что «мировую культуру следует типологизировать не только по пространственному, но и по временному признаку, выделяя не только культурные регионы, но и определенные исторические типы культуры, которые фактически пространственно нейтральны».⁵⁷ По-видимому, Г. Ф. Сунягин подразумевает здесь те же

две категории, которые Э. С. Маркарян соответственно именует «локальными» и «общими» типами культуры. Если отвлечься от чрезмерно категорического представления о пространственной нейтральности «общих», т. е. стадияльных типов культуры, то Г. Ф. Сунягин прав, что именно они «образуют собой определенную последовательность исторических этапов развития мировой культуры». К сожалению, содержание исторического типа культуры, как его понимает Г. Ф. Сунягин, осталось не раскрытым, а предложенная им четырехчленная формула исторической типологии культуры (доклассовое общество — докапиталистические классовые общества — капиталистическое общество — коммунистическое общество) носит чрезмерно абстрактный характер. Во-первых, намеченные им типы-этапы нуждаются в дальнейшем, более детальном делении; во-вторых, открытым остается вопрос о нахождении оптимальной зависимости между культурой и общественным производством и о выявлении на основе этого регионального и этнического своеобразия культуры.

Более плодотворным представляется нам подход М. С. Кагана, хотя и он отмечен рядом весьма спорных и противоречивых положений. «Исходя из понимания культуры как сложной динамической системы, изменения состояния которой зависят от соотношения составляющих ее элементов, — пишет М. С. Каган, — мы полагаем, что типология культуры должна покоиться на двух рядах переменных: с одной стороны, на изменчивости содержания всех видов человеческой деятельности, а с другой — на изменении их соотношения в общей системе культуры».⁵⁸ Для того, чтобы прояснить авторскую позицию, напомним, что М. С. Каган, принимая определение культуры Э. С. Маркаряна, выделяет технико-технологические и предметно-продуктивные грани культуры и намечает «слоевое деление культуры на материальную, духовную и художественную».⁵⁹ В качестве примеров он называл типы первобытной культуры, культуры Древнего Египта, античного мира, эпохи европейского феодализма, Ренессанса, буржуазной культуры, социалистической культуры. Можно было бы спорить относительно логического основания такого перечня. Но М. С. Каган, по его словам, в книге 1974 г. и не ставил перед собой «задачи разработать сколько-нибудь полную типологию культур, представленных в истории человечества».⁶⁰ К ее решению он обратился в статье «Принципы построения историко-культурной типологии», написанной на базе доклада, сделанного на научном симпозиуме по проблемам теории культуры в Ростове-на-Дону (1975).⁶¹

Основываясь на выдвинутом им ранее положении о «трех слоях культуры», М. С. Каган указывал, что «первая задача заключается в том, чтобы определить основные исторические типы материальной культуры, а затем выяснить, как из них вырастают основные типы духовной и художественной культуры». Не менее важной задачей считал он и выделение господствующего

в каждую эпоху психологического типа личности. Примечательно, что наряду с основными, М. С. Каган намечает и переходные типы культуры. При этом он отмечает, что отнесение той или иной культуры к переходному типу «не означает умаление ее ценности и ее исторического значения», а лишь означает определение «места данной культуры в цепи сменяющих друг друга качественно своеобразных систем».⁶² Он намечает два критерия отнесения тех или иных культур к числу переходных типов: их факультативность, т. е. необязательность, и наличие в их содержании «различных вариаций сочетания былого и грядущего». К основным типам М. С. Каган отнес культуры первобытности (или мифологический тип), феодализма (или религиозно-спиритуалистический тип), капитализма (или сциентистский тип), коммунистического общества (или личностно-коллективистский тип). Переходных типов культуры, согласно М. С. Кагану, было два: период рабовладельческого общества и эпоха Возрождения.⁶³

В целом, сформулированные М. С. Каганом положения означали шаг на пути практического рассмотрения проблем типологии истории культуры с позиций исторического материализма. Поэтому обратим внимание сперва на те аспекты аргументации М. С. Кагана, которые представляются нам наиболее уязвимыми. Прежде всего, это крайняя спорность тезиса о «трех слоях культуры», при котором, дополнительно к делению культуры на материальную и духовную (что дискуссионно само по себе),⁶⁴ вводится еще самостоятельный «слой» культуры художественной. Далее, трудно согласиться с многими чертами конкретной схемы культурно-исторической типологии, в частности с отнесением к переходным типам культуры рабовладельческого общества и Ренессанса. Начнем с рабовладельческой формации. Хотя она, как справедливо отмечает М. С. Каган, действительно складывалась «лишь в некоторых районах земного шара», эту формацию никак нельзя считать «необязательной». Дело вообще заключается не в географической распространенности того или иного способа производства (в данном случае — рабовладельческого), а в его месте и роли в общеисторическом процессе. Напомним, в частности, известные слова Ф. Энгельса: «Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы современной Европы».⁶⁵ Поэтому появление рабовладельческого способа производства у одних народов и отсутствие его у других было отнюдь не случайностью, а в свою очередь диктовалось общеисторическими закономерностями. Элементы двух исторически ранних «великих форм порабощения»⁶⁶ — рабства и крепостничества эмбрионально обнаруживаются уже в социальном строе предклассового общества. Но развитие той или иной из них до уровня ведущего способа произ-

водства у конкретных народов во многом зависело от того, какие производственные отношения преобладали во всемирно-историческом масштабе. Все раннеклассовые общества, возникавшие в обстановке сохранения первобытной периферии, по тенденциям своего развития носили рабовладельческий характер. Выбор в пользу исторически первой «формы порабощения» происходил не только в странах Древнего Востока, но и в древних индейских цивилизациях Южной и Центральной Америки. Наоборот, народы, приобщавшиеся к цивилизации в условиях господства в мировом масштабе последующих общественно-экономических формаций, получали возможность, не повторяя уже пройденных человечеством этапов, переходить к следующему фазису общественного производства, минуя предшествующие, в данном случае — рабовладельческий строй.⁶⁷ Поэтому мнение М. С. Кагана о «необязательности» этого строя представляется с фактической стороны неверным, а терминологически — неудачным. К тому же, как можно судить из текста статьи, автор считает своего рода двойником рабовладельческого общества так называемый азиатский способ производства, существование которого вообще нельзя считать доказанным.

Внутренне противоречивым оказывается и отнесение М. С. Каганом к категории переходных типов культуры эпохи Ренессанса. И дело не только в том, что эпоха эта, в отличие от рабовладельческого общества, не составляет самостоятельной общественно-экономической формации. Существеннее то, что отнесение ее к разряду переходных типов культуры, как их понимает М. С. Каган, противоречит им же сформулированным требованиям. В самом деле, один из решающих признаков переходных типов культуры, согласно М. С. Кагану, состоит в их факультативности, необязательности. Иными словами, они могут быть, но могут и не быть. Но что такое эпоха Возрождения как не одна из форм общественно-культурного развития периода перехода от феодализма к капитализму? Ф. Энгельс с полным основанием именовал западноевропейский гуманизм XV—XVI вв. и рационализм XVIII в. двумя формами буржуазного просвещения.⁶⁸ В других частях земного шара, при достижении соответствующего уровня развития, переход от феодализма к капитализму порождал другие формы культурной жизни. Но, как бы они ни именовались, какими бы отличительными чертами они ни были отмечены, типологически они оказывались не просто «обязательными», но и неизбежными. Следовательно, в данном случае признак, по которому М. С. Каган вычленяет эпоху Возрождения в переходный тип культуры, не срабатывает. Наконец, еще одно замечание. В пределах каждой общественно-экономической формации культура претерпевает значительные изменения, что делает сомнительной плодотворность рассмотрения ее в рамках одного исторического типа (например, культура раннеклассовых цивилизаций и культура зрелой античности в

рамках рабовладельческой формации, культура раннего и позднего феодализма и т. д.). И попытка М. С. Кагана выделить Ренессанс в качестве особого (переходного) типа культуры, хотя с исторической точки зрения эпоха Возрождения составляет определенный этап феодальной общественно-экономической формации, лишний раз свидетельствует в пользу высказанных нами сомнений.

Тем не менее, в истории разработки основ исторической типологии культуры концепция М. С. Кагана представляет несомненный интерес. Здесь следует отметить постановку автором вопроса о внутренней структуре культурного типа, о выделении на основе этого стадияльных уровней мирового культурно-исторического процесса и отвечающих им типов личности, введение категорий основных и переходных типов культуры, хотя их понимание, на наш взгляд, и оказывается спорным.

Некоторые аспекты этой проблематики получили освещение в докладе З. И. Файнбурга «К вопросу понятия культуры и периодизации ее исторического развития», с которым автор выступил на том же Ростовском симпозиуме 1975 г. Оговоримся сразу: непосредственно вопросов периодизации, во всяком случае в статье, написанной по материалам доклада, автор не касается. Основное внимание он обращает на теоретические требования, которые, по его мнению, должны лежать в основе типологического анализа историко-культурного процесса и суть которых состоит в интерпретации этой проблемы «одновременно и взаимосвязанно на трех главных уровнях абстракции». Это, во-первых, всеобщее определение культуры как синонима производства вообще, во-вторых, «исторический тип культуры, соотносимый с понятием общественно-экономической формации, способа производства, исторического типа труда и т. п.», и, наконец, культура «как черта локальных общностей: страны, племени, народности, нации, региона и т. п.».⁶⁹ Если оставить в стороне синонимизацию культуры и общественного производства (в этом случае категориальный смысл понятия культуры утрачивал бы необходимость), то следующие два уровня в несколько иной форме повторяют наблюдения Э. С. Маркаряна, хотя, по замечанию последнего, З. И. Файнбург и не придает культуре как черте локальных общностей «статуса типологических понятий».⁷⁰

Вопросы исторической типологии культуры продолжали привлекать к себе внимание и позднее. В 1978 г., например, Л. К. Круглова, используя терминологию М. С. Кагана, попыталась связать развитие типов культуры с преобладающим влиянием на них мифологического, религиозного, сциентистского и гуманистического принципов, по-видимому, трактуемых ею как культуuroобразующие факторы. Она полагает, что мифологический принцип был господствующим в первобытной культуре, отчасти сохранив свою роль в культуре рабовладельческого обще-

ства, где, вместе с тем, находили проявления и другие, называемые ею принципы. Религиозный тип культуры, по мнению Л. К. Кругловой, был характерен для феодализма, сциентистский принцип — для капитализма, а гуманистический принцип — полное развитие получит в культуре коммунистического общества. При этом автор выдвигает предположение, что «каждый способ производства, пока не станут ясны его истинные возможности, высвобождает имманентную культуре человечность, т. е. на какой-то момент делает более явной гуманистическую природу культуры».⁷¹ В качестве примеров Л. К. Круглова приводит культуру античной Греции и эпохи Возрождения. Если оставить в стороне первый пример как неудачный, то надо признать, что Л. К. Круглова улавливает отдельные черты своеобразия культурного развития переходных эпох. Однако ссылка на «имманентную культуре человечность» не убеждает, а наоборот, создает иллюзию существования некоего извечного и неизменного принципа гуманизма. Несравненно более глубокое объяснение отмеченному феномену дал А. Н. Робинсон, отметивший на примере деятельности идеологов раннего христианства и гуманистов XV—XVI вв., что «перспективные идеологии, создававшиеся в межформационные эпохи на почве критической модификации старых духовных культур, обычно строились, как казалось новаторам, на общечеловеческих основаниях. Социальные силы переходных эпох, как отживавшие свой исторический век, так и нарождавшиеся, не стремились воспрепятствовать духовному размаху этих идейных течений».⁷² Возвращаясь к рассуждениям Л. К. Кругловой, отметим, что предложенная ею схема исторической типологии культуры не является плодотворной. Это скорее попытка метафорической универсализации систем культуры, последовательно сменявшихся общественно-экономических формаций, причем сами принципы, этим формациям атрибутируемые, рассматриваются вне учета их внутреннего развития и изменения их содержания. Едва ли, например, правомерно уравнивать первобытный мифологизм с чертами мифологизма культуры античности или полагать, что содержание принципа гуманизма одинаково для культуры античного мира, эпохи Возрождения и коммунистического общества. Точно так же и М. С. Киселева (1979), правильно подчеркивая, что «реальный анализ каждого типа культуры предполагает рассмотрение отношения человека в его преобразующей деятельности к природе, к обществу и самому себе как субъекту этой деятельности»,⁷³ существа вопроса, к сожалению, не касается. А сами исторические типы культуры она сводит к пяти общественно-экономическим формациям, не останавливаясь на проблемах стадийного и этнического своеобразия мирового культурно-исторического процесса.

Непосредственное отношение к разработке теоретических аспектов проблем исторических типов культуры имеет постановка

вопроса о стиле культуры. Этот вопрос, получивший, как известно, в немарксистской культурологии иррационально-идеалистическую трактовку, на принципиально ином методологическом уровне привлекает к себе в последнее время внимание не только ряда советских историков, литературоведов и искусствоведов,⁷⁴ но и специалистов по философии и истории науки.⁷⁵ Эта проблема получила плодотворное освещение в исследованиях Е. Н. Устюговой, которая справедливо отмечала, что категория стиля обладает реальным содержанием применительно не только к сфере искусства, но и к научно-познавательной деятельности, и поэтому может считаться «эстетическим параметром человеческой деятельности».⁷⁶

4

Несмотря на наличие многих спорных или недостаточно обоснованных, с нашей точки зрения, положений, работы советских ученых последних лет продвинули вперед разработку общих проблем типологии культуры, в том числе и культурно-исторического типа. Совокупное обозрение этих работ способствует ориентации дальнейших размышлений в этом направлении. Прежде всего, это касается обоснования понятия «культурно-исторический тип».

Не подлежит сомнению, что различные общественно-экономические формации «порождают разные исторически определенные типы культуры (разные и в своем содержании, и в своей организации, и в характере взаимосвязи своих элементов)».⁷⁷ Но что представляет собой культурно-исторический тип? Как можно заключить из сказанного выше, он трактуется в советской культурологии в качестве определенного стадийного уровня культуры. Э. С. Маркарян и З. И. Файнбург предлагают дополнить такое понимание анализом региональной общности историко-культурных систем. Но при этом существует тенденция проводить знак равенства между типами культуры и типами общественно-экономических формаций (правда, М. С. Каган и вслед за ним Л. К. Круглова делают исключение для эпохи Ренессанса). Такой подход вызывает сомнение. Если объем содержания типа культуры целиком покрывается соответствующей общественно-экономической формацией, то вопрос о выработке системы культурно-исторической типологии следовало бы считать давно решенным и снять с повестки дня. Однако это не так. Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали сложную зависимость, существующую между материальным и духовным производством, между социальным базисом общества и культурой. Именно это и диктует необходимость продолжить усилия по дальнейшей разработке проблем исторической типологии культуры. Именно это делает проблему исторического типа культуры необычно сложной и не поддающейся быстрому и упрощенному решению.

Наше понимание этих вопросов в общих чертах было изложено в работах 1978—1979 гг., возникших в результате чтения автором курсов для студентов, аспирантов и стажеров Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской, начиная с 1974 г.⁷⁸ Руководствуясь материалистическим пониманием исторического процесса, мы рассматриваем культурно-исторический тип как стадильную систему, в сфере культуры отвечающую определенному уровню материального и духовного производства, взятого в его динамике и диалектическом единстве. Система культуры, которая отражает жизнь определенной общественно-экономической формации в ее наиболее развитом виде, составляет основной культурно-исторический тип. Соответственно, система культуры, складывающаяся в периоды разложения старой общественно-экономической формации и вызревания новых общественных отношений, носит переходный характер. Такие эпохи для истории культуры имели особое значение и с этой точки зрения мы вполне согласны с мнением М. С. Кагана, что «содержательное богатство культуры переходного типа оказывается большим, чем в «чистых» культурах».⁷⁹ Действительно, этот период культурного развития отмечен сложными коллизиями и глубокими противоречиями — с одной стороны, кризисом старого видения мира и, с другой стороны, поисками и выработкой нового. Но термин «переходный», употреблявшийся нами для такого типа культуры ранее, не вполне точно передает суть происходящих здесь процессов, создавая впечатление их промежуточности, системной гетерогенности. Кроме того, этот термин может породить ошибочное представление, будто бы основной тип культуры представляет собой нечто застывшее, неизменное, тогда как и он находится в состоянии постоянного развития, хотя и на своей собственной основе. Поэтому представляется целесообразным для так называемого «переходного» типа культуры ввести обозначение «транзитивный тип».*

С учетом сказанного, к основным историческим типам относятся системы культуры, соответствующие развитым периодам общинно-родовой, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций. К транзитивным историческим типам относятся культура периода разложения общинно-родового строя и классовообразования (этот тип многовариантен, поскольку предполагает возможность перехода к одному из последующих типов культуры); культура периода разложения рабовладельческого строя и становления феодализма; культура периода перехода от феодализма к капитализму; культура периода борьбы за победу социалистических отношений (в истории советской культуры это первый этап развития).

* Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность за консультацию Ю. Е. Копелевич.

Однако выявление формационно-стадиальной обусловленности соответствующих типов культуры улавливает механизм культурного развития, не затрагивая непосредственно его этнического и регионального своеобразия. Последнее реализуется в форме культурной преемственности, традиций и новаторства и получают черты неповторимости «благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.»⁸⁰

Если стадиальные типы культуры схематически представить в качестве типологической горизонтали (именно типологической, поскольку хронологическая неравномерность развития находила проявление и в сфере культуры), то локальные проявления выглядели бы как временная вертикаль. Пересечение этих двух линий — горизонтальной и вертикальной — и раскрывает ту специфику, в которой сочетаются формационно-стадиальные и локальные факторы, придающие этническое и региональное своеобразие культурному процессу. В этом смысле культурно-исторический тип является реальной моделью, синтезирующей главные особенности культуры соответствующих эпох и народов. Сердцевиной исторического типа культуры является отвечающий ей тип личности, а одним из важнейших внешних проявлений системного единства отдельных компонентов культуры — ее стиль. Теоретическое построение модели исторического типа культуры составляет задачу культурно-исторического моделирования.

Сформулированный подход менее всего претендует на то, чтобы быть заранее данной, жесткой схемой. Наоборот, он является лишь исходным рубежом, призванным помочь исследователю в квалификации стадиального и локального уровня той или иной системы культуры, требующей в каждом случае конкретного изучения. Более подробно этого круга вопросов мы коснемся в следующей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шахназаров Г. Х. Фиаско футурологии. Критический очерк немарксистских теорий общественного развития. — М.: Политиздат, 1979. с. 12.

² Общий критический анализ этих концепций содержится в работах С. С. Аверинцева, С. Н. Артановского, Н. И. Конрада, Э. С. Маркаряна, Б. И. Рутенбурга, Ю. Н. Семенова, К. В. Султанова, Г. Д. Чеснокова и ряда других советских ученых. Данный раздел статьи непосредственно продолжает названную выше работу автора — «Культура как предмет исторического исследования», в которой приведена и библиография вопроса.

³ Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX—начала XX века. Под ред. Б. А. Чагина. — Л.: Наука, 1978, с. 228—244.

⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871, с. 90.

⁵ Данилевский Н. Я. Указ. соч., с. 94—95.

⁶ Социологическая мысль в России, с. 229.

⁷ Данилевский Н. Я. Указ. соч., с. 103.

⁸ Данилевский Н. Я. Указ. соч., с. 113.

⁹ Бестужев-Рюмин К. Теория культурно-исторических типов. — Русский вестник, 1888, май, с. 269.

¹⁰ Страхов Н. Н. Взгляды Г. Рюккерта и Н. Данилевского. — Русский вестник, 1894, № 10, с. 169—170. Подробнее анализ воззрений Рюккерта см. в нашей статье «Сравнительное изучение цивилизаций».

¹¹ Рутенбург В. И. Прогресс и его противники. — В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. — Л.: Наука, 1967, с. 33.

¹² Данилевский Н. Я. Указ. соч., с. 113.

¹³ Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Bd. 1—2. München, 1920—22. Мы употребляем точный перевод заглавия труда Шпенглера, первый том которого был переведен на русский язык под далеко не адекватным авторскому замыслу заглавием «Закат Европы» — на это справедливо уже обращал внимание С. С. Аверинцев.

¹⁴ Социологическая мысль в России, с. 233; Рутенбург В. И. Указ. соч., с. 50.

¹⁵ Vogt I. Wege zum historischen Universum. Von Ranke bis Toynbee. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1961, S. 47—50.

¹⁶ Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. — 1917 г.). — М.: Высшая школа, 1974, с. 135—136.

¹⁷ Breysig K. Der Stufenbau der Weltgeschichte. Berlin: Walter de Gruyter, 1950, S. 1.

¹⁸ Vogt I. Op. cit., S. 47.

¹⁹ Breysig K. Der Stufenbau, S. 55. Мы не касаемся в данном случае вопроса о месте концепции Брайзига в буржуазной исторической науке тех лет, хотя упускать из вида наличие подобной зависимости и не следует. В качестве примера сошлемся, в частности, на представления австрийского историка А. Допша (1868—1953) об известном сосуществовании в истории человечества разных хозяйственных форм, утверждавшего на основании такого допущения о наличии капитализма в античности и раннем средневековье. Так называемая школа Допша получила в 20—30-х гг. широкое распространение в буржуазной науке и, по-видимому, оказала определенное влияние на формирование концепций цикличности истории и культуры. Этот аспект заслуживает более подробного рассмотрения.

²⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. — М.—Пг., 1923, с. 20. Цит. по переводу С. С. Аверинцева, исправленному по немецкому оригиналу. См.: Аверинцев С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера. — Вопросы литературы, 1968, № 1.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 174.

²² Аверинцев С. С. Указ. соч., с. 143, 147.

²³ Аверинцев С. С. Указ. соч., с. 147.

²⁴ Spengler O. Frühzeit der Weltgeschichte. Fragmente aus dem Nachlass. Hg. von A. M. Kocktanek. München: Verlag C. H. Beck, 1965, S. 492—493.

²⁵ Spengler O. Urfragen. Fragmente aus dem Nachlass. Hg. von A. M. Kocktanek. München: Verlag C. H. Beck, 1965, S. 355.

²⁶ Spengler O. Frühzeit der Weltgeschichte, S. 494.

²⁷ Шпенглер О. Указ. соч., с. 118—119.

²⁸ Spengler O. Frühzeit der Weltgeschichte, S. 495—496, 499.

²⁹ Семенов Ю. Н. Социальная философия А. Тойнби. Критический очерк. — М.: Наука, 1980, с. 45—46.

³⁰ Bagby Ph. Culture and History. Prologomen to the Comparative Study of Civilization. Berkeley; Los Angeles, 1963, p. 84.

³¹ Bagby Ph. Op. cit., p. 95—97.

³² Bagby Ph. Op. cit., p. 100.

³³ Bagby Ph. Op. cit., p. 107.

³⁴ Bagby Ph. Op. cit., p. 114, 159.

³⁵ Мыльников А. С. Сравнительное изучение цивилизаций. с. 60—63. По этой же причине мы не упоминаем теорий других западных культурологов (в частности, П. Сорокина, Ф. Нортропа, Н. Бердяева и К. Квили), которые рассматриваемой теме уделяют меньшее внимание.

³⁶ Шпенглер О. Указ. соч., с. 211.

³⁷ Bagby Ph. Op. cit., p. 112.

³⁸ Bagby Ph. Op. cit., p. 116.

³⁹ Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924, с. 33.

⁴⁰ Чижевский А. Л. Указ. соч., с. 28.

⁴¹ В современной западной историографии все большее распространение получает морфологический анализ отдельных феноменов истории культуры. Сошлемся в качестве примера на статью американского историка-медиевиста Л. Литла, рассматривающего морфологию формул монашеских проклятий в практике западноевропейского раннего средневековья: Little L. K. La Morphologie des malédictions monastiques. — Annales. Economics, Sociétés, Civilisations, 1979, N 1, p. 43—60.

⁴² Напомним хотя бы работы И. И. Иоффе «Культура и стиль» (Л., 1927) и «Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления» (Л., 1933). Обзор истории изучения морфологии культуры на материалах истории искусства в советской и зарубежной марксистской литературе см. в кн.: Каган М. С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусства. — Л.: Искусство, 1972, с. 130—157.

⁴³ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-географические области. — Советская этнография. 1955. № 4, с. 4. В несколько уточненном виде данное определение см. в кн.: Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. — М.: Наука, 1971, с. 169.

⁴⁴ Каган М. С. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. — М.: Политиздат, 1974, с. 239.

⁴⁵ Дополнительно к работам, упомянутым в нашей статье «Культура как предмет исторического исследования», назовем, например, книги: Межуев В. М. Культура и история. Проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма. — М.: Политиздат, 1977. — 200 с.; Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. гос. ун-та. 1979. — 264 с.; Культура и общественное развитие. Сборник. — Тбилиси: Мецниереба, 1979. — 178 с.; Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и топологии в социально-исторических и антропологических науках/Отв. ред. Л. С. Клейн. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. — 184 с.

⁴⁶ См., например: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы/Отв. ред. В. И. Злыднев. — М.: Наука, 1977. — 324 с. Типология и периодизация культуры Возрождения/Под ред. В. И. Рутенбурга. — М.: Наука, 1978. — 280 с.

⁴⁷ Неупокоева И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. — М.: Наука, 1976. — 360 с.; Марков Л. Ф. Проблемы теории социалистического реализма. — Изд. 2-е. — М.: Худож. лит., 1978. — 413 с.; Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. — М.: Наука, 1980. — 336 с.

⁴⁸ Марков Д. Ф. Указ. соч., с. 197—198.

⁴⁹ Робинсон А. Н. Указ. соч., с. 5—26.

⁵⁰ Из работ более раннего времени сошлемся на кн.: Гуревич А. Я. Категории феодальной культуры. — М.: Искусство, 1972, — 318 с.

⁵¹ Маркарян Э. С. Очерки истории культуры. — Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1969, с. 113—114. В том же году была опубликована статья: Баткин Л. М. Тип культуры как историческая целостность. Методологические заметки в связи с итальянским Возрождением. — Вопросы философии, 1969, № 9, с. 99—108. См. также: Баткин Л. М. Замечания о границах Возрождения. — В кн.: Советское искусствознание-78. Вып. 2. — М.: Сов. художник, 1979, с. 94—122.

⁵² Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. — Ереван: Изд-во АН Арм. СССР, 1973, с. 133.

⁵³ Маркарян Э. С. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. — Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1978, с. 14—15.

⁵⁴ Там же, с. 11. Э. Л. Мелконян предложил использовать понятия «локальный» и «общий» типы культуры «в качестве основы для интеграции критериев построения типологических понятий в этнографии и археологии». См.: Мелконян Э. Л. Типологические обобщения в этнографии и археологии. — Вестник общественных наук АН Армянской ССР, 1976, № 10, с. 14.

⁵⁵ Кертман Л. Е. К методологии изучения культуры и критике ее идеалистических концепций. — Новая и новейшая история, 1973, № 3, с. 39. Сходные сомнения были высказаны и нами в статье «Культура как предмет исторического исследования».

⁵⁶ Это замечание можно было бы адресовать и авторам ряда работ о методологических принципах построения истории культуры. См., например: Челидзе Л. Л. История и культура. — В кн.: Культура в свете философии. — Тбилиси: Хеловнеба, 1979, с. 226—285.

⁵⁷ Материалы научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Высшей профсоюзной школы культуры. 18—19 дек. 1974 г. Л., 1974, с. 57.

⁵⁸ Каган М. С. Человеческая деятельность, с. 240.

⁵⁹ Там же, с. 188.

⁶⁰ Там же, с. 246.

⁶¹ Экспресс-информация. Серия «Общие проблемы культуры и культурного строительства». Вып. 1. М., 1976.

⁶² Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки, 1976, № 3, с. 40.

⁶³ Там же, с. 40.

⁶⁴ Яковлев Б. Д. Методологические проблемы исследования истории социалистической духовной культуры. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, с. 22—23.

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 185.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 175.

⁶⁷ О методологических проблемах переходных периодов между классово-антагонистическими формациями см. в кн.: Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. — М.: Наука, 1979. — 332 с.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 21.

⁶⁹ Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки, 1976, № 3, с. 38—39.

⁷⁰ Методологические проблемы исследования этнических культур, с. 14.

⁷¹ Круглова Л. К. К вопросу об историко-культурной типологии. — В кн.: Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности: Материалы Всесоюзной научной конференции. Ч. 1. — М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 90.

⁷² Робинсон А. Н. Указ. соч., с. 20.

⁷³ Киселева М. С. К вопросу о культурно-исторической типологии. — В кн.: Роль духовной культуры в развитии личности. Сб. научн. трудов. Л., 1979, с. 58.

⁷⁴ Гуковский М. А. Еще к вопросу о русском барокко. — Русская литература, 1963, № 2, с. 108; Ливанова Т. Н. На пути от Возрождения к Просвещению XVIII века. — В кн.: От эпохи Возрождения к XX веку. М., 1963, с. 135; Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. — Л.: Наука, 1973, с. 177. Вопрос о стиле культуры ставился нами на конкретном материале духовной жизни чешского общества XVIII в.: Мыльников А. С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. — М.: Наука, 1977, с. 171—172.

⁷⁵ См., например: Сачков Ю. Проблемы стиля мышления в естествознании. — В кн.: Философия и естествознание. — М.: Наука, 1974, с. 75; Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. Жизнь, смерть, бессмертие. Изд. 5-е. — М.: Наука, 1980, с. 626—654.

⁷⁶ Устюгова Е. Н. Проблемы стиля в контексте теории деятельности. — В кн.: Понятие деятельности в философской науке. — Томск, 1978, с. 190.

⁷⁷ Яковлев Б. Д. Указ. соч., с. 23.

⁷⁸ Мы обращались к этой проблематике в докладах и выступлениях на ряде научных конференций и симпозиумов (см. например: Советская этнография, 1975, № 3, с. 140), а также и в спецкурсах, прочитанных на филологическом (1975) и историческом (1977) факультетах ЛГУ и в ряде статей, опубликованных между 1974—1980 гг.

⁷⁹ Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки, 1976, № 3, с. 42.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 354.

А. З. СВЕРДЛОВ

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ ЭЛИТАРНЫХ КОНЦЕПЦИЙ КУЛЬТУРЫ

На XXVI съезде КПСС было отмечено то очень важное обстоятельство, что между социализмом и капитализмом идет острая идеологическая борьба, находящая свое проявление и в сфере культуры. Достаточно характерно в этом плане распространение элитарных теорий. Критика этих теорий необходима, ибо они входят в общую структуру буржуазной идеологии, основанной на отрицании поступательного развития человечества, смены социальных систем. В то же время критика элитарных концепций представляется актуальной в условиях обострившейся классовой борьбы в странах капитала, необратимости процесса демократизации культуры.

Элитарные концепции имеют сложную внутреннюю структуру со своими течениями и оттенками. Ведущее положение в современных элитарных течениях принадлежит концепции под общим названием «циркуляция элит», предполагающей в государственном управлении сочетание любых средств воздействия на массы — от иезуитских до откровенно жестоких и отличающейся откровенно циничным взглядом на массы как пассивный объект социально-духовного манипулирования. Эта теория разработана итальянским философом В. Парето.

В конце XIX—начале XX столетия итальянский социолог В. Парето выступил с открыто элитарными концепциями общества и культуры. Эти идеи, по сути своей не новые в буржуазной социологии, получили у него законченное выражение; они были подхвачены рядом буржуазных авторов, которые дали им различную интерпретацию. Здесь была и открыто апологетическая по отношению к капитализму интерпретация и буржуазно-либеральная интерпретация; наконец, была и критика элитарных концепций, но такая критика, которая всецело оставалась в рамках буржуазного мышления. Хотя труды Парето написаны довольно давно, они и сегодня остаются в поле зрения буржуазных социологов; их изучают, о них спорят, имя Парето встре-

чается во всех социологических словарях, энциклопедиях, социологических трудах, посвященных проблеме социальной стратификации. Современные элитарные теории, современную буржуазную критику элитаризма и те из теорий «массового общества», которые примыкают к элитаризму, нельзя понять, не обратившись к их подлинному первоисточнику — к работам В. Парето.¹

Основные работы В. Парето были написаны в начале нашего столетия. В них он выдвинул следующие положения. В каждом обществе есть элита и есть управляемые. Хотя в обществе происходит постоянный процесс замены одной правящей элиты другой, это лишь вечный круговорот, не меняющий суть дела. Люди меняются — общественная, иерархическая пирамида остается. В момент, когда в правящей элите накапливаются изжившие себя элементы, происходит смена руководства. Молодой элите свойственна жестокость, решительность, твердость политической линии; дряхлеющая элита становится либеральной. Первый вариант Парето называет политикой «львов», второй вариант — политикой «лис». Парето предлагает в системе управления сочетать и то и другое, но в особо трудные периоды он рекомендует откровенное насилие; считает, что любые формы социального воздействия господствующего меньшинства допустимы. По мнению Парето, культурные ценности являются достоянием элиты; класс «управляемых», согласно Парето, не способен к культурному творчеству.

Идеи Парето имели большой резонанс в буржуазной социальной науке. Вслед за Парето с элитарными идеями выступил Г. Моска.²

Его работы увидели свет в тридцатых годах нашего столетия. Власть элит, сохраняющаяся навечно; иерархия из безукоризненных чиновников — вот что вслед за Парето предлагал Моска. Появление работ Моска вряд ли случайно совпало с периодом наибольшего распространения фашистских социальных экспериментов, направленных на подчинение народных масс интересам империалистической буржуазии. Правда, и Парето и Моска отрицали свою духовную близость к фашизму, и, может быть, в этом была доля истины. Оба они — типичные представители буржуазной интеллигенции — не могли не испытывать некоторого замешательства при виде откровенных бесчинств, которые творили молодчики Муссолини и Гитлера, при виде насилия и террора в фашистских странах. Тем не менее, реакционный смысл концепций Парето и Моска очевиден.

Современные элитарные концепции продолжают реакционную линию Парето и Моска. Сложнее обстоит дело с современной критикой элитаризма. Здесь мы находим и замаскированные элитарные концепции и попытки некоторых передовых социологов буржуазных стран преодолеть элитаризм. В марксистской литературе были подвергнуты критике современные

элитарные теории.³ В нашей работе, не пытаясь исчерпать все разнообразие элитарных концепций, мы остановимся преимущественно на трех течениях в буржуазном элитаризме. **Первое** — это современное либеральное течение с технократическим оттенком, которое отрицает классовые конфликты и выдвигает на первый план борьбу политических и технократических элит, прибегающих для защиты своих привилегий к помощи правительственной элиты. В его русле находятся концепции Д. Белла, Д. Рисмэна и несколько выходящие за пределы буржуазного элитаризма идеи Р. Миллса; к числу авторов этого направления принадлежат и многие менее известные лица. **Второе** направление буржуазного элитаризма — концепция элитарной культуры, претендующая на утонченность и рафинированность, предполагающая аристократизацию культуры группой избранных по социальному происхождению и создание культуры низшего сорта для других слоев. Его главный представитель — Г. Элиот и некоторые другие «высоколобые» авторы. **К третьему** направлению буржуазного элитаризма относятся жесткая волюнтаристическая концепция, стремящаяся сохранить буржуазный строй с помощью насилия, откровенной демагогии, открытой фашизации всей системы управления, навязывающая модель «политической элиты» всем социальным системам, в том числе и социалистическому обществу; концепции буржуазных «советологов», стремящихся исказить систему управления социалистического общества, представить ее как «олигархическое окаменение», «плюралистическую эволюцию», «технологическую адаптацию», «политическую дезинтеграцию», «жесткую бюрократическую структуру».

Либеральное направление с технократическим оттенком достаточно полно представлено в концепциях видного американского социолога Д. Белла. В работах этого ученого иллюзии, свойственные буржуазной интеллигенции, уповающей на научно-техническую революцию, ведущую, якобы, к полному уничтожению социальных антагонизмов, уживаются с объективным анализом сложившейся ситуации в жизни американского общества, с выводом о том, что научно-техническая революция в условиях капиталистической системы не является решающим фактором в борьбе за социальный прогресс. Это особенно проявилось в его статье «Неустойчивая Америка». Его либеральные взгляды претерпели сильное изменение, в концепциях зазвучали консервативные нотки, проявилось стремление затормозить поступательное развитие общества, создать некую абсолютную модель, лишенную катаклизмов, социальных потрясений. Трансформация взглядов Д. Белла связана с усилением роли рабочего класса на исторической арене, с обострением классовой борьбы, с боязнью идеолога буржуазного мира лишиться своего социального статуса, материального благополучия, комфорта. Даже самый либеральный из буржуазных уче-

ных в острой исторической ситуации, когда возникает явная угроза существующей системе, переходит на реакционные, консервативные позиции, связанные с отрицанием буржуазной демократии и свобод, с требованием откровенного террора по отношению к трудящимся массам, чтобы сохранить исторически изживший себя строй любым способом, вплоть до, открытой фашизации всей системы управления.

Д. Белл в своих работах не упоминает о теориях В. Парето, но в его трудах можно заметить ряд положений, совпадающих с мыслями итальянского философа. Современные технократические концепции, преувеличивающие значение технической революции, доказывающие, что техническая революция уничтожает все классовые антагонизмы, приводит все социальные системы к единой модели с постоянным равновесием всех социальных групп, осуществляемым технократической элитой, имеют много общего с концепциями Парето. Как известно, Парето уделял большое внимание менеджерам-управляющим, видел в них главную техническую силу. В то же время современные буржуазные теоретики доказывают, что в капиталистическом обществе существует постоянный конфликт между политическими и технократическими кругами.⁴ В свое время В. Парето отрицал существование антагонистических классов в капиталистической системе производства; основной акцент он делал на борьбе, взаимодействии политических элит, которые весьма произвольно называл классами, но за этим понятием видел не группы людей, имеющих определенное отношение к системе производства, а некие объединения лиц высокого социального происхождения, по своему усмотрению моделирующих любую социальную структуру. Вслед за ним Белл замечает, что правительственная элита занимает ведущее место в социальной жизни капиталистического общества. В то же время политические, технократические, капиталистические элиты, находясь в постоянной борьбе за власть, для защиты своих привилегий прибегают к помощи правительственной элиты, привлекая ее на свою сторону.

В этих рассуждениях сочетаются две линии паретовской теории. Политическая элита прибегает к жесткому руководству, дабы сохранить свою власть, а правительственная элита прибегает к демагогии, к созданию иллюзии «открытого» общества. Д. Белл подчеркивает гибкость подчиненных элит, оказывающих влияние на политику правительственной элиты. В правительственную элиту входит административный штат служащих государства, правительственный кабинет министров, сословие судей. Марксистская концепция классовой борьбы, с точки зрения буржуазных идеологов, «устарела», нет никаких классовых конфликтов — идет борьба между техническими, политическими и государственными элитами. Каждый может попасть в данную группу. Что это, если не теория «государства равных возмож-

ностей» — ретроспективно «открытого общества» по Парето. Данной концепции придерживается и Р. Дарендорф.⁵

Правильно подчеркивая важность технической организации и индустриального управления, буржуазные идеологи делают этот принцип основой, фундаментом социальной структуры и тем самым подменяют классовый анализ общества технократической схемой. Теоретические выкладки Д. Белла совпадают с технократическими принципами, абсолютизируемыми Т. Вебленом.⁶

В то же время, несмотря на ряд ретроспективных совпадений концепций Д. Белла и других буржуазных ученых с теориями В. Парето, в них можно усмотреть и ряд принципиальных отличий. Современные буржуазные теоретики в своих работах, подчас независимо от своих субъективных устремлений, приходят к весьма неутешительным выводам относительно развития буржуазной цивилизации. И если В. Парето считал свою концепцию политического элитизма под общим названием «циркуляция элит» — универсальной моделью социального устройства, обеспечивающей стабильность существования буржуазного общества, то сегодняшние буржуазные социологи, отражающие в своих теориях новый этап развития капиталистической системы, начинают понимать всю шаткость каких бы то ни было теоретических построений подобного типа. Выше мы отмечали противоречия во взглядах Д. Белла, а они весьма характерны.

Технократическая утопия предельно обедняет духовное «я» человека. Технократы отрицают целый мир духовных ценностей, вульгаризуют понятие «культура», отделяют непреходящей гранью материальные компоненты от духовных. Идеалом личности для представителей технократической концепции является не всесторонне развитый индивидуум, разбирающийся в различных областях культуры, а специалист узкого профиля, придаток машины. Технократы отрицают процесс демократизации производства культурных ценностей и их потребления. Технократы пытаются воспитать массы в прагматистском духе, привить им бездушие, сделать материальное благополучие самоцелью в ущерб духовным потребностям личности.

Советские авторы дают обоснованную критику концепции «постиндустриального общества»,⁷ на конкретных примерах доказывают несостоятельность попыток ортодоксальных идеологов капиталистической формации «выстроить» некую особую модель развития буржуазного общества, лишенную катаклизмов и социальных потрясений, преодолевшую, благодаря научно-технической революции, все социальные антагонизмы. Этот очередной социальный камуфляж разоблачается всей практикой функционирования буржуазного аппарата.

Трудящиеся массы буржуазного общества не могут пользоваться благами духовной и материальной культуры, несмотря

на достижения научно-технической революции. На их долю остаются суррогат, примитивные образцы «массовой культуры», рассчитанные на самый низменный вкус, на неразвитого потребителя. Отсутствие равных условий для творческого развития индивидуумов различных социальных групп, способствует созданию барьера между трудящимися массами и выдающимися произведениями духовной и материальной культуры. Возникает парадоксальная ситуация: создатели материальных и духовных богатств лишены возможности пользоваться благами цивилизации, обречены на творческую пассивность и духовную нищету. «Культурная политика», проводимая правящей кастой, основана на создании иллюзии «государства равных возможностей», «государства народного благоденствия». На самом деле доступ к благам цивилизации открыт лишь небольшой группе привилегированных, выступающих против демократизации культуры, против процесса демократизации производства культурных ценностей и их потребления.

Кроме технократических концепций, прямое отношение к элитарным теориям В. Парето под общим названием «циркуляция элит» имеет концепция «баланса элит». В современных условиях буржуазные теоретики применяют термин «баланс» или «равновесие элит» (в частности Ф. Танненбаум), хотя ученица Парето — М. Колабинская сохраняет в своих работах прежнее название, данное Парето. «Баланс элит» — достаточно популярная концепция, создающая иллюзию стабильности господствующей системы. К этой же концепции можно отнести теорию «демократического элитизма», подразумевающую равновесие элиты и подчиненного большинства с некоторым допуском в господствующую группу лиц из социальных низов. Подробный критический анализ данной концепции делает прогрессивный американский ученый П. Бахрах.

Один из представителей концепции «баланса элит» — Ф. Танненбаум полностью отрицает социалистическую форму правления,⁸ считая, что диалектический материализм — досадное недоразумение. В условиях капиталистической формации происходит постоянная борьба социальных институтов, но она не носит антагонистического характера. Данная система мобильна, жизнеспособна. Основной прогресс общества, с точки зрения Ф. Танненбаума, в сохранении равновесия политических групп. Идеалы социалистического общества, воспитание всесторонне развитой личности, процесс демократизации культуры — вещи невыполнимые. Танненбаум отрицает законы диалектики, смену исторических формаций. Таким образом, принцип баланса элит, основанный на их циркуляции, продолжает концепцию Парето.

Буржуазные теоретики западных стран выдвигают тезис о «независимых элитах», уравнивающих друг друга и предотвращающих «тоталитаризм». Демократические свободы обеспечиваются взаимным балансом, равновесием элит. Основные

функции в государстве выполняют пять элит: политическая, экономическая, военная, религиозная и культурная; в то же время они представляют закрытые группы, по своей иерархии, кастовости не допускающие лиц низкого социального положения.

Принцип деления общества на ряд элит занимает достаточно важное место в буржуазной социологии. С. Келлер относит к основным формам социального управления: 1) руководящую касту, 2) аристократическую группу, 3) руководящий класс, 4) стратегические элиты.⁹ Но если первые группы образуются на основе социального происхождения, то стратегические элиты — на основе дарований, заслуг. С. Келлер считает, что стратегические элиты обеспечивают равновесие всех других социальных групп, способствуют стабилизации общества.

Автор ссылается на Моска, Парето; отмечает их большой вклад в социологию, в дело создания гибкой социальной модели, построенной на множественности элит.

Концепция «баланса элит» носит ярко выраженный антидемократический характер. Изолированные кастовые группы отделены непреодолимой стеной от социальных интересов трудящихся масс. Нетрудно заметить, что политические, экономические, религиозные элиты служат интересам социального меньшинства. Так называемые культурные и стратегические элиты, складывающиеся, с точки зрения буржуазных социологов, на основе природных дарований, на самом деле включают в себя лиц с высоким социальным статусом — трудящимся массам нет доступа в эти группы. Высшие достижения материальной и духовной культуры по-прежнему достаются «избранным» по социальному происхождению. Таким образом, представители концепции баланса элит отрицают процесс демократизации культуры. Народ, по данной концепции, не может быть ни создателем культурных ценностей, ни их сознательным потребителем.

Одним из современных направлений элитарного образа мышления является и концепция демократического элитизма, подразумевающая равновесие элиты и подчиненного большинства с некоторым допуском в господствующую группу лиц с низким социальным происхождением. По этой концепции, элиты рекрутируются якобы из низших слоев, и в результате создается свободная циркуляция элит «открытого» общества, способствующая прогрессивному развитию данной системы. Между тем, П. Бахрах¹⁰ правильно считает, что, несмотря на кажущийся демократизм этой концепции, в основе ее лежит стремление увековечить существующий строй, представить господствующие элиты, навязывающие свой стиль правления, в виде открытых групп. Бахрах доказывает, что современные концепции демократического элитизма основаны на теориях Парето и Моска с элементами социальных иллюзий, политики «лис» и т. п.¹¹ Данная концепция, отмечает он, в перспективе стремится к плюрализму элит, к ослаблению социальных противоречий с помощью эли-

тарной модели, приобретающей якобы всеобщий характер взамен классовой структуры.

Концепция «демократического элитизма» является очередной попыткой социального камуфляжа; ее появление продиктовано стремлением правящих социальных групп доказать, что процесс демократизации культуры идет в капиталистическом обществе полным ходом и близок к завершению. На самом деле, в «открытые» правящие группы закрыт доступ лицам низкого социального происхождения. Стремясь создать иллюзию «классового мира», представители правящего меньшинства предлагают широким трудящимся массам такие «блага» цивилизации, которые затемняют классовое сознание, тормозят духовное развитие социальных групп, отвлекают народ от сложных социальных конфликтов.

Разновидностью концепции баланса элит является и концепция элитарной модели, разработанной буржуазными социологами для слаборазвитых стран, освободившихся от колониального гнета.¹² Выше мы отмечали, что буржуазные теоретики разбивают всю буржуазную цивилизацию на ряд элит. Такой же принцип социального деления буржуазные идеологи пытаются перенести и на социальные системы слаборазвитых стран. Английский социолог Т. Боттоморэ предлагает в данном случае сочетание воинственного национализма и баланса элит, заимствуя эту схему политического руководства у В. Парето. Он насчитывает пять типов элит, руководящих социальным процессом в этих странах: 1) династическая элита; 2) средний класс; 3) революционные интеллектуалы; 4) колониальные администраторы; 5) националистические лидеры.

На первое место выдвигается комплекс элит — средний класс (революция управляющих), интеллектуалы, получившие европейское образование, и националистические лидеры, так как, по мнению автора, воинствующий национализм находится в неразрывном единстве с освободительным движением в этих странах.

Социальное равновесие и дальнейший прогресс общества осуществляется тремя элитами. Правда, Боттоморэ делает оговорку: интеллектуальная элита, получившая образование, вышла из династической элиты, так как представители последней располагали материальными ресурсами, дающими возможность обучаться в европейских колледжах. Большое внимание автор уделяет офицерской элите, способной, по его мнению, осуществить важнейшие преобразования в стране и направить деятельность элит по нужному руслу.

Бесспорно, в конкретных исторических ситуациях группы военных, опирающиеся на поддержку народа, могут стать прогрессивной силой. Но Боттоморэ отделяет группу офицеров от интересов нации, противопоставляет ее массам, подчеркивает иерархический, кастовый характер данного объединения.

Можно отметить в данной концепции сочетание двух моментов: баланса элит, напоминающего циркуляцию элит в рамках данной системы, и власти милитаризованной элиты, напоминающей политическую элиту и действующую в стиле «политики львов». Совпадение концепции Боттоморэ с теориями В. Парето далеко не случайно. Он уделяет большое внимание концепциям Парето и Моска в книге «Элиты и общество», причем отзывается о них в явно сочувственном тоне. Небезынтересно мнение Д. Белла в связи с вопросом о дальнейшей судьбе слаборазвитых стран. Он не знает по какому пути пойдут эти страны, но особо подчеркивает, что независимо от социальной системы, от того, будут ли эти государства особо трансформированы политическими, военными, другими элитами или преобразованы массами, элитарный принцип останется преобладающим. С точки зрения Д. Белла, идет процесс диффузии элит. Причем особо подчеркивается, что индустриализация общества приведет все системы к единой социальной структуре. В данном случае можно говорить о плюрализме элит и теории конвергенции. В основе этих концепций лежит стремление подвести развивающиеся страны под единую модель технократического общества.

Американский философ Р. Миллс в книге «Властвующая элита», анализируя сущность руководства государственной буржуазной машины, отмечает иллюзорность равновесия элит, так как данная теория пытается прикрыть истинную сущность классовых отношений, создает иллюзию классового мира и благополучия. Критикуя концепцию «баланса элит», Миллс невольно разоблачает и концепцию «циркуляции элит», так как данные теории имеют общие точки соприкосновения. В то же время работы Р. Миллса были подвергнуты критике «слева» и «справа». Марксисты критиковали его за то, что он не шел до конца в разоблачении элитаризма, не мог предложить другой модели социального устройства. Правая печать критиковала его за разоблачительные тенденции в вопросах управления, руководства буржуазного общества.

Отдельные реакционные буржуазные авторы пытаются свести на нет критику Миллсом буржуазного общества, пытаются представить его «продолжателем» дел Парето и Моска. Например, Боттоморэ отмечает, что Р. Миллс определяет властвующую элиту теми же терминами, что и Парето.¹³ Боттоморэ пишет, что Миллс, подобно Парето и Моска, считает, что все современные общества, несмотря на их демократические конституции, управляются властвующей политической элитой. На лицо явная попытка навязать Миллсу критику всех обществ, а не конкретного капиталистического устройства.

Буржуазное общество эпохи империализма создало не только элитарные концепции политического типа, но и элитаризм «культурного» профиля, претендовавший на утонченность и ра-

финированность. Ведущее место в обосновании этого направления принадлежит английскому поэту и критику Т. Элиоту.*

Идеи Элиота во многом использовал на современном этапе развития капиталистического общества испанский философ Ортега-и-Гассет. Он выдвинул концепцию, по которой искусство в будущем обществе может развиваться только при условии сохранения элиты, способной на познание тончайших нюансов культуры; в противном случае — при слиянии элиты с демократическими массами — произойдет деградация искусства. В философии Ортеги-и-Гассета есть моменты критического отношения к современной буржуазной действительности. Он понимает, что антагонистическая система стремится к уничтожению человеческого содержания в произведениях искусства, к нивелировке сознания трудящихся масс. Ортега-и-Гассет вводит термин «дегуманизация», который является достаточно показательным для иллюстрации вышеприведенного положения, но философ придает этому процессу абсолютный характер, отрицая демократические моменты в культуре буржуазного общества. Испанский философ не видит выхода из создавшегося кризиса, он далек от масс, не верит в творческие силы народа и замечает в нем только разрушительную стихию. Путь спасения цивилизации, по мнению Ортеги-и-Гассета, в создании особых групп художников и мыслителей, охраняющих высшие достижения творческой мысли от грядущих катаклизмов. Ортега-и-Гассет — тонкий философ, который отдает себе отчет в том, что на смену правящему меньшинству неизбежно придут массы. Он вводит термин «восстание масс», но придает ему негативный характер, предсказывает гибель культуры в момент перехода власти в руки народа.

Итак, мы можем говорить о двух тенденциях в его философии. С одной стороны, Ортега-и-Гассет выступает с объективной критикой буржуазной действительности: «В ходе этого процесса (регуманизации. — А. С.) будет достигнута такая точка, когда человеческий элемент произведения искусства будет столь ничтожно скудным, что его едва можно будет заметить. Это будет искусство для художников, а не для масс людей. Это будет искусство касты, а не демократическое искусство». С другой стороны, в появлении средств массовой коммуникации, в слиянии элитарных и демократических компонентов культуры Ортега-и-Гассет видит только отрицательную сторону, ведущую к власти массы, не способные распоряжаться духовными ценностями. «Человек теряется в своем собственном богатстве: его собственная культура, бурно произрастая вокруг него, в конце концов задушит его. И именно это явление представляет собой

* Критика концепции Т. С. Элиота дана в работе С. Н. Артановского «Критика современных буржуазных теорий культуры и проблемы идеологической борьбы» (Л., 1981, с. 7—12).

в конечном счете так называемые кризисы истории. Человек не может быть чрезмерно богатым, всякий избыток способностей, возможностей, имеющихся в его распоряжении, приводит к тому, что он тонет в них и теряет чувство необходимого».¹⁴

Таким образом, Ортега-и-Гассет отрицает процесс демократизации культуры. По этой концепции, массы не способны ни к творческому процессу созидания духовных и материальных благ культуры, ни к процессу познания высочайших достижений творческой мысли. Элитарная концепция Ортеги-и-Гассета является еще одной попыткой буржуазной социологии приостановить необратимый процесс демократизации культуры, сохранить узкую касту привилегированных, владеющих всеми благами и достижениями цивилизации.

К числу элитарных концепций в известном смысле относятся «советологические» рассуждения, которые находят много общего между буржуазным государством элитарного типа и социалистическим государством. Элитарный характер собственных концепций буржуазная наука пытается замаскировать обвинениями в адрес социалистического общества. Отсюда вымыслы буржуазных «советологов», стремящихся представить систему управления социалистического общества в виде замкнутых каст. К числу авторов этого круга принадлежит и откровенный антикоммунист З. Бжезинский.

Стремление показать социалистическую систему в виде конфликтующих элит весьма симптоматично. В этом можно увидеть разновидность теорий конвергенции: все высокоразвитые индустриальные общества отличаются якобы постоянной борьбой элит и не имеют по существу никаких классовых отличий. Современные буржуазные социологи пытаются прогнозировать некие социальные модели социалистического общества. В работах З. Бжезинского дается пять возможных моделей элит будущего развития социалистического общества.¹⁵ К **первой** модели относится «олигархическое окаменение». Партия сохраняет господствующее положение, но идеология носит догматический характер. Правление навязывается с помощью демагогии и насилия. Бжезинский безуспешно пытается доказать, что деятельность коммунистической партии основана на идеологических воззрениях В. Парето. **Вторая** модель носит название «плюралистическая эволюция». Партия выступает только в роли морально-идеологического воспитателя. На смену ей идет множество элит. Бжезинский не может не понимать значимости идей социализма и огромной роли коммунистической партии в реализации марксистско-ленинских принципов. Отрицая руководящую роль партии в построении бесклассового общества, он стремится желаемое выдать за действительное. Это одна из примитивных попыток деидеологизации, отрицания острейшей борьбы полярных идеологий двух лагерей. К **третьей** модели относится «технологическая адаптация» — трансформация бюрократической

партии в технократическую группу. Эта модель явно заимствована у приверженцев технократического образа мышления, пытающихся подменить важнейшие социальные проблемы технократической схемой. **Четвертая** модель называется «политической дезинтеграцией». Гибель творческого меньшинства наступает в результате недостаточной мобильности и респонсивности. В данном случае налицо явный плагиат: Бжезинский почти дословно переносит, сохраняя терминологию, основной принцип руководства государственной буржуазной машиной, разработанный В. Парето и А. Тойнби, на жизнь социалистического общества. К **пятой** модели относится жесткая бюрократическая структура, выдвигающая воинствующий принцип руководства. Для этой модели характерно отчаянное стремление свести многогранную творческую жизнь индивидов социалистического общества к мертвым догмам бюрократического стиля правления капиталистического строя. Идеальным вариантом, с точки зрения Бжезинского, является равновесие между политической и технократической группами. Как ни парадоксально, все построение свелось к проповеди концепции баланса элит, стабильности, или, говоря языком Парето, к циркуляции элит. Бжезинский не верит в творческие, созидательные силы народа, отрицает процесс демократизации культуры. Считает, что трудящиеся массы не способны к познанию выдающихся достижений культуры. По его концепции, народ является примитивным потребителем тех благ культуры, которые предлагает ему господствующая каста. Познание сложных явлений в социальной, культурной жизни доступно только представителям правящего меньшинства. Элитарные концепции З. Бжезинского и других советологов опровергаются всей практикой культурного строительства социалистического общества. Массы, выступающие как творцы культуры в условиях широчайшего процесса демократизации производства культурных ценностей и их потребления, всей своей деятельностью доказывают, что создание равных условий для максимального проявления творческих богатств личности приводит к колоссальному подъему народной инициативы, духовному и интеллектуальному росту представителей всех социальных групп.

В свое время Парето уделял большое внимание ревизии марксизма. Несмотря на формальное признание заслуг Маркса в разработке теории классовой борьбы, Парето подчеркивает политическую пассивность масс и динамизм властвующей элиты.¹⁶ Современные буржуазные теоретики П. Сорокин, М. Вебер, Дюркгейм, Т. Парсонс, занимающиеся ревизией марксизма, считают, что Парето «обогатил» концепцию Маркса. В современной буржуазной социологии существует тенденция навязывания модели «политической элиты» всем социальным системам.

Советские авторы Н. Алексеев, И. Кравченко, Е. Плимак, Б. Шабад, В. Пархоменко, Е. Вятр, А. Каренин и другие под-

вергают критике эту тенденцию.¹⁷ Они убедительно доказывают отличие социалистических форм управления обществом от капиталистических, дают объемную картину взаимодействия всех звеньев социальной структуры социалистического общества, способствующего развитию творческой инициативы масс в деле общественного самоуправления сложнейшими социальными процессами.

Марксистско-ленинская идеология, рассматривающая народные массы как решающую силу исторического процесса, вступает в конфликт с современными элитарными теориями, отрицающими творческую созидательную роль народных масс. КПСС стремится связать все социальные группы, объединить их творчество единой идеологической программой, воспитать в каждом индивидууме полноценную творческую личность, вносящую посильный вклад в общий духовно-материальный комплекс культуры. «Советский человек — это добросовестный труженик, человек высшей политической культуры, патриот и интернационалист. Он воспитан партией, георической историей страны, всем нашим строем. Он живет полнокровной жизнью созидателя нового мира».¹⁸

КПСС стремится к созданию равных условий для максимального развития неповторимых творческих индивидуальностей, открывает доступ широким трудящимся массам к постижению выдающихся образцов материальной и духовной культуры, она воспитывает не пассивных потребителей культурных ценностей, а сознательных, целеустремленных, критически мыслящих индивидуумов будущего бесклассового общества. При социализме перед всеми социальными группами открывается реальная возможность производства духовных и материальных ценностей, их потребления, с сохранением выдающихся дарований в любой области творческой мысли, способствующих выработке критериев, которые определяют специфику данной профессии, предотвращают деградацию творческого процесса. Деятельность КПСС, основанная на марксистско-ленинских положениях, предусматривает бесконечное творческое многообразие индивидуумов, постоянное интеллектуальное совершенствование всех культурных групп, при сохранении ведущей роли рабочего класса в политической жизни общества. В то же время культурная политика социалистического государства исходит из понимания неразрывной связи ведущих деятелей во всех областях со всеми культурными группами. В социалистическом обществе обращается самое пристальное внимание на неповторимый внутренний мир каждого индивидуума, для социалистического общества характерна тенденция к созданию интеллектуальной атмосферы, способствующей пробуждению народных талантов при разных социальных условиях для их выявления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Pareto V. Sociological writings. New York, Praeger, 1966. 335 p.; Pareto V. The mind and Society. N. Y., 1935, vol. 4, p. 2029. 2031; Pareto V. Trattato di sociologia generale, vol. 1—3, Florence, 1916.

² Moska G. Storia della dottrine politiche. Roma, 1933; Moska G. The Ruling Class. N. Y., 1939, p. 30.

³ Ашин Г. К. Миф об элите и массовом обществе. — М.: Международные отношения, 1966. 160 с.; Косминский С. Реакционная историософия А. Тойнби. — М.: Наука, 1966, 76 с.; Чесноков Д. И. Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. — М.: Мысль, 1973. 319 с.; Одуев С. Ф. Тропами Заратустры. — М.: Мысль, 1971. 429 с.; Митрохин Л. Н. «Социальная терапия» Билли Грейза. — Вопросы философии, 1973, № 6, с. 130—142; Френкин А. А. Неофашизм и культура. — Вопросы философии, 1975, № 4, с. 25—34; Мяло К. Г. Левый фрейдизм и современная леворадикальная идеология. — Вопросы философии, 1976, № 8, с. 122—134; Арзамасцев А. Казарменный коммунизм. Критический очерк. — М.: Политиздат, 1974, с. 168; Критика идеологии неофашизма. — М.: Мысль, 1976. 464 с.

⁴ Bell D. The Post industrial society. The Evolution of an Idea. L., 1972, p. 104.

⁵ Dahrendorf R. Class and Class Conflict in on Industrial Society (Stanford, 1959), ch. VII and VIII. Classes in Post-Capitalist Society (I); Industrial conflict (II) Political Conflict; p. 272, 275—276, 301—303.

⁶ Thorstein Veblen. The Engineers and the Price System. Harbinger edition with an introduction by D. Bell. N. Y., 1963, p. 4.

⁷ Кормёр В. Ф., Сенокосов Ю. П. От «технологического детерминизма» к «посттехническому видению». — Вопросы философии, 1972, № 7, с. 33—45; Араб-Оглы Э. А. В лабиринте пророчеств. — М.: Молодая гвардия, 1973. 304 с.; Легостаев В. М. Наука в рамках технократической утопии Жана Фурастье. — Вопросы философии, 1974, № 12, с. 149—156; Кейзеров Н. М. Социальные противоречия капитализма и их отражение в современной буржуазной идеологии. — Вопросы философии, 1975, № 3, с. 35—47.

⁸ Tannenbaum F. The Balance of Power in Society and other essays including on Political Stability. N. Y., 1969, p. 1—27.

⁹ International encyclopedia of the social sciences. L., 1968; Dalid L. Silis editor vol. 5. The Macmillan Companos and the Free Press. 26. Elites. 5. Keller.

¹⁰ Bachrach P. The theory of Democratic Elitism. Boston, 1967, 109 p.

¹¹ Bachrach P., Morton Baratz S. Two Faces of Power. American Political Science Review (vol. 36, december 1962, p. 447—448).

¹² Bottomore T. Elites and Society. L., 1965. Y. Tradition and Modernity. Elites in the Developing Countries, p. 89—102.

¹³ Bottomore T. Elites and Society. Wotts. 1964, p. 27; Wright Mills C. Mills and the Power Elite. — The liberal, radical and highbrow—reviews of the Power Elite and Mills. Rep. by Boston, 1968, p. 17.

¹⁴ Ortega y Gasset I. El Libro de las misiones ed opase. Calpe Buenos Aires, 1940, p. 39.

¹⁵ Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. P. III especially, N. Y., 1940, p. 164—172.

¹⁶ Pareto V. Les systemes socialistes. 2 vol. Paris, 1902, II, p. 405.

¹⁷ Алексеев Н. И., Кравченко И. И., Плимак Е. Г. Мифы этатизма и социализм без мифов. — Вопросы философии, 1971, № 5, с. 45—63; Шабад Б. А. Кризис идеологии антикоммунизма. Политический и фи-

лософский анализ новых тенденций. — М., 1973, с. 79—83; Каренин А. А. Доктрина баланса сил и современный мир. — Вопросы философии, 1973, № 9, с. 29—41; Мельвиль А. Ю. Контркультура, ее эволюция и ее современные критики на Западе. — Вопросы философии, 1974, № 8, с. 153—161.

¹⁸ Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — М.: Политиздат, 1981, с. 75.

С. Н. АРТАНОВСКИЙ

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

В западноевропейской и американской науке понятия этноса, этнической группы, этнической идентификации являются традиционными. В отличие от этого, понятие «этничность» стало встречаться недавно. Оно получило распространение в этнографии США лишь с начала семидесятых годов. Подробный его анализ был впервые дан в 1975 г. в сборнике «Этничность. Теория и практика».¹ С тех пор им все чаще пользуются ученые за рубежом. Не соглашаясь со многим из того, что пишут об этничности в США, мы полагаем, что это понятие имеет серьезное объективное содержание, отражает динамику современности и является полезным методологическим инструментом этнографического и социологического исследования. А это требует тщательного критического анализа концепции этничности в зарубежной науке. Стремясь показать широкий исторический и идейно-теоретический фон, на котором вырисовывается этничность, начнем нашу статью с изложения и критического рассмотрения концепции этничности в том виде, в каком она изложена в статье Д. Бэлла и других авторов сборника, о котором мы только что упомянули.

Понятие этничности понимается в этой книге (как и в других американских трудах, например в вышедшей ранее книге Ван ден Берге) следующим образом: 1) как группа, не характеризующаяся языком, цветом кожи или религией, но скорее общей историей и сплоченностью вокруг общих символов; 2) как любая группа меньшинства в рамках господствующей конгломерации, даже если данная группа по происхождению национальная (например, ирландцы, итальянцы в США).²

Понятия «класс», «нация» и сегодня остаются центральными для понимания современного общества, говорится во введении к сборнику; к ним прибавилось понятие «этничность».³ Это произошло потому, утверждают американские социологи Глейзер и Аойниган, что в современном мире значительно возросла тенденция многих людей во многих обстоятельствах настаивать на значении их групповой принадлежности и группового своеоб-

разия и на правах, которые из этого иронистекают. Они называют этот процесс «массовой ретрайбализацией», которая идет вразрез со всеми воздействиями современной технологии и коммуникаций, создающими глобальность. По их словам, этническая группа стала сегодня «убежищем, в которое, во всяком случае, большие массы людей отступают сегодня, очищая арену перед лицом крушения или несостоятельности всех более крупных конгломератов или систем власти и социальной организации». По словам других авторов, «... этнические деления внутри наций процветают и угрожают национальному единству». В современном мире, по мысли западногерманского социолога фон Шёка, усиливается этноцентризм.

Если американские буржуазные социологи пишут о «ретрайбализации» современного мира, их западногерманский коллега Р. Дарендорф говорит о «рефеодализации» — возврате к изначально данным в противоположность приобретенным в социальной жизни характеристикам как определителям социальной стратификации.

Этот процесс, пишут авторы сборника «Этничность», развернулся в наши дни в противоположность «либеральным ожиданиям», согласно которым этнические различия в нашем все более едином мире должны были вот-вот потерять всякое значение в плане политическом и культурном. Однако вопреки «либеральным ожиданиям», произошло нечто совсем другое. В последнюю декаду нашего столетия имел место подъем этнической идентификации как основы эффективного политического действия в весьма различных сообществах,⁷ — заявляет Д. Белл, статья которого в сборнике является попыткой «связать этничность с важнейшими микросоциальными тенденциями в современном мире» — что, на наш взгляд, является главной задачей в анализе «этничности».

В своей работе Д. Белл руководствуется такой методологической процедурой: он сначала дает общий обзор основных тенденций современности, затем уточняет понятие «этничность», наконец, связывает основные тенденции с мировыми этническими процессами. Последуем за ним в его анализе.

В современном мире, утверждает Д. Белл, внутри обществ и между ними возникают все новые и всеобъемлющие системы связей. потрясения воспринимаются все более непосредственно, реакция на социальное изменение стала более быстрой. Масштаб изменений стал куда более широким, чем раньше, теперь изменения затрагивают самую сущность социальных институтов.

Основных тенденций современности Д. Белл видит много, можно даже сказать, утомительно много. (1) Тенденция к отождествлению себя со все более широкими общностями. Раньше, замечает Д. Белл, от периферии к культурному центру двигались единицы, теперь это движение приняло массовый характер, сегодня все новое число людей находит «устаревшим» тра-

диционный образ жизни, но то, что идет ему на смену, не обладает ясной убедительностью. Это способствует широкому распространению чувства потери корней, опустошенности. (2) Переход от модели рынка к политическим решениям. Организация вытесняет рынок; «...экономические и неэкономические решения, которые раньше были предоставлены рынку или были результатом частных сделок, теперь переходят под эгиду политических сил...»⁸ Распространение политических способов решения проблем способствует становлению групп, стремящихся защитить свой статус и свои привилегии или достичь таковых. Возникает «коммунальное общество», часто приобретающее этнический характер.⁹ (3) Понятие равенства приобретает новое значение — теперь это не только равенство возможностей, но и равенство результатов. (4) Приход постиндустриального общества — растущий акцент на умениях и знаниях как основе социального положения и привилегий, на образовании как способе прийти к знаниям и навыкам. Это, однако, означает, что, по мере того как механизмы профессионального продвижения становятся все более специализированными и формализованными, политический путь становится почти единственной возможностью для индивидов и групп, не имеющих специальных технических умений для обеспечения положения в обществе, «пробиться наверх». Это вновь поднимает значение политических решений в обществе.¹⁰ (5) Упадок всяческих авторитетов. Например, в искусстве имеет место отказ от оценок и разрушение идеи жанра; в системе ценностей — отрицание уважения к возрасту и опытности, так как стремительное изменение общества якобы ведет к тому, что старые не знают того, что известно молодым. Все это порождает чувство дезориентации в обществе.¹¹ (6) Конец традиционной западной идеологии — с перспективой перехода к нарождающимся идеологиям «третьего мира» в последней трети XX в. Если в середине и конце шестидесятых годов и были вспышки идеологического рвения в связи со студенческими движениями, то они несли на себе отпечаток влияния идеологии освободительного движения третьего мира. Сегодня главная идеологическая страсть — антиимпериализм. В современном мире империализм — не столько экономическая, сколько политическая и символическая реальность: имеется в виду гегемония силы США и то, что рассматривается как их культурное превосходство.¹² (7) Формирование «внешнего пролетариата» — расширяющаяся пропасть между богатыми и бедными нациями. Хотя мир становится все более единым, «разделение труда» между странами, использование своих стратегических ресурсов, миграция квалифицированной и неквалифицированной армии труда закрепляют экономическое неравенство. «...В то время как водораздел между индустриально развитыми и развивающимися или отсталыми странами носит номинально экономический характер, страсти, таящиеся позади атак на экономиче-

скую эксплуатацию, часто скрывают расовые, этнические и культурные интересы, так же как политические и идеологические цели».¹³

Но наиболее важным представляется Д. Беллу другой процесс — упадок значения нации, религии, класса. Всячески акцентируя излюбленную мысль буржуазных идеологов второй половины XX в. о том, что в современном мире классовые различия и классовая борьба якобы теряют свое бывшее значение. Д. Белл именно в этом видит главную причину возрождения расы, цвета кожи, языка и этничности как политических факторов современности. Особенно важным считает Д. Белл третий из этих факторов. Исходя из принятого в американской науке определения этничности, Белл подчеркивает, что рост ее значения протекает в обстановке все большей политизации мира. Сегодня, по Д. Беллу, соревнование между различными этническими группами происходит в основном на политической арене. Экономические интересы все больше подчиняются политическим соображениям, процесс ускоренной модернизации, характерный для современности, имеет политический характер и направляется верхами общества.

В чем же причина самого роста значения этничности? В мире, рассуждает Д. Белл, происходит все большее смешение народов, расширение сообществ различного типа; социальные структуры становятся все более бюрократическими, культура — все более синкретической. В этих условиях «...стремление обрести особые или изначальные корни становится весьма интенсивным. Люди хотят принадлежать к «меньшим» группам и находят в этничности простое средство осуществить свои желания».¹⁴ Привязанность к этносу становится тем большей ценностью, что увлечение национализмом, классовые страсти поутихли в наше время, — пишет Д. Белл. Кроме того, «политизация решений, которая отражается на коммунальной жизни индивидов, делает групповую организацию особенно существенной. Этническая группа становится удобным средством добиваться групповых прав или средством защиты от притязаний других групп».¹⁵

«Этничность, — пишет Д. Белл, — это не изначальный феномен: в рамках которого вновь появляются глубоко укоренившиеся привязанности, но стратегический выбор индивидов, которые в другом случае выбрали бы другое групповое членство как способ добиться некоторой власти и привилегий».¹⁶ Этнические группы, конституированные по религиозному, расовому или коммунальному признаку, являются «индустриальными единицами, которые с ростом индустрии оказались расчлененными экономическими и классовыми интересами. Пытаясь объяснить подъем этничности сегодня, надо рассматривать эту этничность как ныне возникающее выражение изначальных чувств, в течение долгого периода подавленных, но теперь вновь оживших, или

как «стратегическое место», выбранное обездоленными индивидами как новый способ стремиться к политической реабилитации в обществе». ¹⁷

Этничность соединяет интересы с эмоциональными привязанностями — и в этом ее сила. Этничность опирается на осязаемый набор групповых идентификаций — в языке, книге, музыке, именах — в то время как другие социальные роли становятся все более абстрактными и безличными.

Росту этничности способствует процесс крушения денежных элит и империалистических притязаний старинных наций на культурное превосходство. Возврат к этничности, в этом плане, часть более широкого восстания против империализма в сфере культуры. Сегодня каждая группа может считать, что их язык, религия и культура обладают самодовлеющей ценностью, и видеть в этом источник гордости. Этничность сегодня способствует самоутверждению.

Этничность, пишет в конце своей статьи Д. Белл, это один из ответов, которые группы, во многих случаях до сих пор обездоленные группы, дают на крушение старых, исторически слившихся социальных и культурных, политических и экономических структур. Этничность есть усилие этих групп использовать культурную форму для экономического и политического продвижения. ¹⁸

Как бы предвидя возражения, Д. Белл в примечании к своей статье замечает, что, хотя этничность стала более заметной, чем раньше, она не стала господствующей силой в современном обществе. В определенных обстоятельствах экономические интересы класса или устремления нации, ныне латентные, могут стать определяющим моментом в политике. ¹⁹

Эти оговорки не меняют основного тезиса Д. Белла и его коллег: этничность заменила или постепенно заменяет класс и нацию. Однако это в корне неверно. Этничность возникает в обстановке классовой и антиимпериалистической борьбы, вплетается в нее, усложняет мировую политическую ситуацию, в конечном счете способствует обострению противоречий между классами, национально-освободительным движением и империализмом. Этничность в ее политическом выражении тесно связана с классовыми и национальными боями. Этничность в основе своей есть «протест обездоленных групп» в условиях капитализма и как таковой имеет прямое отношение к классовой борьбе. Вопреки мнению Д. Белла и его западных коллег, есть все основания утверждать, что классовая борьба в современном мире не только не утихает, но приобретает все больший размах. И с этим-то связано возрождение этничности. В капиталистическом мире, как известно, растет пропасть между «богатыми» и «бедными» странами, экологический кризис обостряет противоречия между странами, обладающими богатыми природными ресурсами, и странами, которым остро не хватает своих природных ре-

сурсов. В высокоразвитых в экономическом отношении странах, этническое большинство, как правило лучше подготовленное к участию в хозяйственно-культурной жизни современного индустриального общества (впрочем, существует и доминирующее меньшинство — например в ЮАР), эксплуатирует другие этнические группы. Этничность чаще всего становится знаменем борьбы за лучшую участь обездоленных этнических групп в капиталистическом мире.

Другой своей гранью этничность соприкасается с национализмом стран «третьего мира». Вспомним, что национализм Африки, Азии и Латинской Америки уже в шестидесятые годы нашего столетия в своем идеологическом аспекте включал концепции, по существу выходявшие за национальные рамки. Это *negritude*, «мусульманский персонализм» и другие теории, постулировавшие расовую, религиозную и иную общность. Однако в практике культурного строительства в развивающихся странах, в быте их народов эти концепции непосредственно смыкались с реакционным национализмом. Причина этого ясна: все концепции национальной, религиозной, расовой исключительности питались одними корнями — стремлением противопоставить местное, традиционное мировому прогрессу. Этничность в своем культурном аспекте имеет, по-видимому, двойственный смысл. С одной стороны, это законное желание отстоять культурные ценности, культурную традицию своей этнической группы. С другой — она может включать в себя культивацию отсталого, отжившего, реакционного в культуре и быте. В попытке отгородиться от мирового культурного прогресса этничность и реакционный национализм едины. После достижения политической независимости подавляющим большинством стран «третьего мира», прогрессивные общественно-политические силы этих стран продолжают борьбу за национальное возрождение в экономическом и культурном плане, за коренные социальные преобразования. Последнего реакционный национализм вовсе не желает, и потому он стремится отвлечь внимание народных масс в другую сторону. В частности, этничность дает возможность как бы расширить поле освободительной борьбы, не углубляя ее, не затрагивая традиционных социальных основ.

Тесная связь этничности со старыми формами конфликта в мире не означает, что в ней нет ничего нового. Новое есть, и это накладывает отпечаток на события современности. Об этом, в частности, свидетельствует большой конкретный материал, собранный в основной части сборника «Этничность». В исследовательской практике этнографов понятие «этничность» является полезным инструментом, который вовсе не заменил центральные понятия «класс» и «нация», он способен сделать анализ социальной сущности явлений более тонким и гибким. Понятие «этничность» необходимо и для современной политической науки. Все возрастающая политизация событий современности — факт

действительности. Вопреки мнению Д. Белла, экономические стимулы империализма в нашу эпоху, когда появился призрак исчерпания естественных ресурсов, нисколько не потеряли своей действенности. Однако в условиях, когда противоречия между двумя системами и растущая мощь антиимпериалистического лагеря мешают империализму в деле беззастенчивого грабежа, политическая сторона дела приобретает все большее значение.

Понять причины «возврата к этничности» не означает дать ему положительную оценку. Современная американская социология и «культурная антропология» стоят на позициях релятивизма, отрицания широко очерченного общечеловеческого прогресса.²⁰ Естественно, что они не могут даже поставить вопрос о месте этничности в мировом процессе. Марксизм-ленинизм в основу социального анализа кладет идею прогресса, представление о различных уровнях развития, каждый из которых имеет однопорядковое значение для различных этносов. То обстоятельство, что некоторые этносы и этнические группы ищут защиты от капиталистической эксплуатации в традиционном, устоявшемся механизме этнической сплоченности, свидетельствует об исторической незрелости их революционных сил. Более зрелые революционные силы стремятся перейти к участию в международном рабочем и коммунистическом движении, понимая, что есть лишь одно средство раз и навсегда покончить с империалистической эксплуатацией во всех ее видах, включая самые утонченные. В этом отношении характерен пример кубинской революции, переросшей из национально-освободительного движения в социалистическую революцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ethnicity. Theory and Experience. Harvard, 1975.

² Там же, с. 156.

³ Там же, с. 18.

⁴ Там же, с. 30.

⁵ Vine L., Campbell R. Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior. N. Y., 1972, p. 113.

⁶ Shoeck von. Kleines soziologisches Wörterbuch. Freiburg, 1969, S. 110.

⁷ Ethnicity, p. 141—142.

⁸ Там же, с. 143.

⁹ Там же, с. 145.

¹⁰ Там же, с. 148.

¹¹ Там же, с. 149.

¹² Там же, с. 150.

¹³ Там же, с. 152.

¹⁴ Там же, с. 171.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 169.

¹⁸ Там же, с. 172.

¹⁹ Там же, с. 173—174.

²⁰ Немногие исключения (нельзя не вспомнить о Лесли Уайте) не меняют общей картины.

В. И. КАМИНСКИЙ

К ВОПРОСУ О МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XIX в. БЕЛЛЕТРИСТЫ-НАТУРАЛИСТЫ

Вопрос о массовой литературе — важном звене так называемой «массовой культуры» — в России впервые остро и драматично встал в 1880-е гг. Последовательное и широкое изучение сложных и запутанных проблем художественного развития «переходного времени» и полная ясность в вопросе о «кризисе» русской классической литературы, «кризисе» реализма достижимы лишь в том случае, когда предметом исследования оказывается не только «верхний», но и «средний» и «нижний» литературные потоки. Ибо именно там, в некотором отдалении от идейно-творческих вершин, но зато в непосредственной близости к новому «массовому» читателю, к вкусам «толпы», «улицы», кризисные явления действительно протекали интенсивно и все нарастая. Причем в данном случае вопрос стоит не только и не столько о писателях «второго» и «третьего» плана, уступающих классикам в мощи таланта и широте идейного кругозора. Речь идет об исторически своеобразной литературной, да в сущности и культурной формации, которую современная ей критика называла «новым литературным поколением» (Р. А. Листерло), молодой А. П. Чехов — «артелью восьмидесятников», а в настоящее время определяют как «массовую беллетристику», которая ознаменовала собой формирование в условиях реакции 1880-х гг. буржуазно-мещанских, «массовых» литературно-эстетических потребностей и вкусов.

Изучение «массовой беллетристики» конца XIX в. только еще начинается. Различные аспекты этой проблемы привлекали внимание (главным образом за последние годы) Г. А. Бялого, Е. Б. Тагера, С. И. Чупринина, В. И. Кулешова, Л. Д. Усманова, Л. П. Громова, Е. Я. Поддубной и других исследователей. Но многое здесь еще неясно. До сих пор непроясненными или спорными остаются вопросы о составе и структуре «массовой беллетристики», об историко-литературном месте, которое она занимает в литературном процессе второй половины XIX и на-

чала XX в., об отношении ее к классическому литературному «наследству». Не все ясно и в вопросе о художественном методе массовой литературы 1880—1890-х гг. В настоящей статье намечена общая постановка этих вопросов с учетом некоторых новых акцентов и возможных решений.

Критика правонароднической «Недели» в 1880-е гг. причисляла к так называемому «новому литературному поколению» И. Н. Потапенко, И. И. Ясинского, М. Н. Альбова, К. С. Баранцевича, А. А. Лугового, И. Л. Щеглова (Леонтьева), В. Л. Дедлова (Кинга) и некоторых других молодых беллетристов. Гораздо раньше (в 60-е гг.) основные художественные тенденции, которые рельефно выступили в массовой литературе конца XIX в., обнаружились в творчестве П. Д. Боборыкина. В 1880-е гг. он стал наиболее заметной фигурой среди беллетристов-натуралистов. Желая укрепить авторитет этого литературного течения, критик «Недели» Р. А. Дистерло включил в его состав и А. П. Чехова, а духовным вождем русских писателей-натуралистов столь же бездоказательно объявил Л. Н. Толстого с его «евангелием пантеизма» — романом «Война и мир».¹

Отдельные мотивы (например, тема «маленького человека» и пошлых «мелочей» жизни), а также художественные приемы творчества Боборыкина, Потапенко, Щеглова, Альбова, Баранцевича действительно перекликались с художественной манерой Чехова и позволяли сопоставлять ее со стилем «беллетристов-натуралистов». В их лучших произведениях отрицательно изображались реакция и ренегатство, выражались демократические симпатии, возникали творческие попытки эстетически освоить будничную прозу «мелочей» жизни. Молодой Чехов одно время причислял себя и Короленко к этой группе писателей-«восьмидесятников», которых он называл «артелью», подчеркивая, тем самым, массовый и по своим социальным корням относительно демократический состав этого литературного поколения. Чехов положительно отзывался о познавательной ценности творчества Боборыкина. По воспоминаниям М. К. Куприной-Иорданской, он утверждал, что романы писателя-натуралиста «дают большой материал для изучения эпохи».²

Но к концу 1880-х гг. Чехов осознает мещанскую ограниченность «артели», и его отзывы о русских писателях-натуралистах приобретают все более критический характер. В повести «Скучная история» Чехов литературную продукцию «артели» иронически именует «кустарными промыслами», высмеивая этим определением ремесленный характер произведений русских «золаистов», выступавших нередко в роли эпигонов писателей-народников. В письме к А. С. Суворину от 15 августа 1894 г. Чехов точно «характеризовал» типичного представителя «артели» — Баранцевича и его круг читателей: «Это буржуазный писатель, пишущий для чистой публики, едущей в III классе... Станьте на ее точку зрения, вообразите серый, скучный двор,

интеллигентных дам, похожих на кухарок, запах керосинки, скудность интересов и вкусов — и Вы поймете Баранцевича и его читателей. Он не колоритен: это отчасти потому, что жизнь, которую он рисует, не колоритна. Он фальшив..., потому что буржуазные писатели не могут быть не фальшивы. Это усовершенствованные бульварные писатели. Бульварные грешат вместе со своей публикой, а буржуазные лицемерят с ней вместе и льстят ее узенькой добродетели».³

Аналитический критицизм, тонкая поэзия и глубокий гуманистический пафос чеховского реализма объективно противостояли натуралистической манере «артели восьмидесятников», хотя в отдельных случаях отдаленно и опосредованно соприкасались с ее демократическими и реалистическими элементами.⁴ Чеховские суждения о видных представителях «артели» — Потапенко, Альбове, Баранцевиче, Ясинском — заключают в себе объективные критерии, позволяющие судить о составе «массовой беллетристики».

Этой литературной среде нельзя отказать в своеобразной мещанской «демократичности». «Для этой публики Толстой и Тургенев слишком роскошны, аристократичны, немножко чужды и неудобоваримы».⁵ Не в силах подняться до идейного уровня классиков и не обладая их огромным талантом, «беллетристы» в то же время не порывают творческую связь с «большой» литературой; они лишь упрощают и приспособливают ее нравственно-эстетический мир к восприятию мелкобуржуазной читательской публики, сознание которой формировалось в «плохие» 80-е гг. Такие откровенно реакционные писатели, как Б. М. Маркевич, К. Ф. Головин (Орловский), В. Г. Авсеенко и им подобные, стоят за пределами массовой литературы, как по своей общественно-литературной позиции, так и по характеру творчества. Чеховское разграничение «буржуазных» и «бульварных» писателей передает нравственно-эстетическую сущность этой дефиниции. Но граница между теми и другими зыбка, исторически подвижна, а порой и условна: реакционные идеи оказывают значительное непосредственное воздействие на некоторых представителей «массовой беллетристики» (В. Л. Дедлова, Ю. Н. Говорухо-Отрока, Я. В. Абрамова и др.). Да и все «беллетристы» отнюдь не были застрахованы от подобного рода влияний.

Вместе с тем к «массовой беллетристике» конца XIX в. едва ли справедливо причислять таких писателей «второго плана», как А. И. Эртель, К. М. Станюкович, С. Н. Терпигорев, И. А. Салов. И отличие их от «беллетристов» не в размерах таланта, весьма значительного, скажем, у Эртеля и Станюковича и более скромного у Салова. Все они — писатели-реалисты, в творчестве которых демократическая позиция и гуманистический пафос являются типологическими чертами. Это представители, так сказать, «второго эшелона» «большой» русской лите-

ратуры, с которой они не только связаны, но и к которой они принадлежат. Отсюда вытекают и стиливые различия. Е. Я. Поддубная на примере интерпретации идей толстовства в произведениях Эртеля, Лугового и Потапенко проследила принципиальное отличие реализма первого из них от художественной манеры «беллетристов-натуралистов». У Эртеля преобладает поэтическое осмысление толстовской темы, а для Лугового и Потапенко характерны подражание и стиливая эклектика.⁶ К тому же реалист Эртель ориентируется на передового интеллигентного читателя и читателя-«народ» как «воплотителя идеи демократизма», в то время как беллетристы-натуралисты пишут для «образованной публики» или, пользуясь терминологией Щедрина, для «народа исторического».

Нуждается в дальнейшей разработке вопрос об историко-литературных связях «беллетристов» конца XIX в. Довольно часто их сопоставляют с выдающимися русскими реалистами, предшественниками и современниками. Наиболее плодотворно это сравнение в работах С. И. Чуприна.⁷ Исследователь утверждает, что в их творчестве с непосредственностью «активного деятеля» этого процесса изображено, как бы «изнутри», «утверждение норм буржуазной морали, внедрение денежного туза во все сферы жизни...» Капитализм, который у «старых» реалистов был признан «чумаемым», у беллетристов-натуралистов возведен в ранг «сиятельного». Позднее, когда за эту тему возьмутся реалисты Чехов, Короленко, Куприн, Горький, беллетристам-натуралистам «придется поступиться своей монополией, а вскоре и вовсе сойти на нет».⁸

Механизм подражания беллетристов «старым» реалистам исследован в диссертации Е. Я. Поддубной. Их «приверженность классическим образцам, воспроизведение тем, идей, проблем «большой» литературы на сниженном, упрощенном, а зачастую и опошленном уровне способствовали популярности беллетристики в среде буржуазно-мещанского «массового» читателя».⁹ Поддубная также сопоставила русских «золаистов» с «классиками» западноевропейского натурализма, подчеркнув при этом не только наличие преемственности, но и своеобразие русского варианта этого «явления, общего для европейских литератур конца XIX в.». Безусловный интерес в этом отношении представляют также соображения Е. Б. Тагера и В. П. Вильчинского.

И все же в целом линия историко-литературной преемственности и размежевания здесь прочерчивается недостаточно определенно. И прежде всего потому, что и те и другие художественные явления оказываются типологически разнопорядковыми, относятся к качественно различным процессам и уровням литературного развития. От Золя, с одной стороны, и Л. Толстого и Чехова, с другой, до Боборыкина и прочих «беллетристов» эстетическая «дистанция огромного размера». Зато давно уже на-

зрела необходимость сопоставить «массовую беллетристику» конца XIX в. с типологически родственной ей массовой литературой 1860—1870-х гг.

Творчество Н. Ф. Бажина, И. В. Омулевского, Д. Л. Мордовцева, А. К. Шеллера-Михайлова и некоторых других беллетристов получило в критике название «тенденциозного направления» в русской литературе пореформенного периода. К нему принадлежал в своем раннем творчестве К. М. Станюкович, который в 1880-е гг. занял почетное место в «большой» классической литературе своими морскими рассказами и повестями. В рядах «тенденциозного» семидесятничества начинал свой творческий путь и выдающийся писатель-реалист Д. Н. Мамин-Сибиряк. Сопоставление массовой литературы конца XIX в. с «тенденциозной» важно хотя бы потому, что некоторые беллетристы-восьмидесятники также прошли ее школу или хотя бы делали свои первые шаги на литературном поприще в ее окружении (Боборыкин, Ясинский, Альбов, Баранцевич). Если бы это сопоставление было проведено, стало бы очевидно, откуда у большинства русских беллетристов конца XIX в., даже в эпоху реакции и идейной «смуты», столь явные претензии на «высокие» идеалы и общественно-нравственные «программы», почему они, как правило, несмотря на свои декларации, не могут удержаться в рамках «золаистской» анонимности и объективизации художественного изображения. Во многом прояснилось бы при этом противоречивое отношение массовой литературы конца XIX в. к великому классическому наследию критического реализма.

Массовая литература 1860—1870-х гг., с ее воинствующим демократизмом и несколько даже афишированной «радикальной» тенденциозностью, была в основном однородна в идейном и эстетическом отношении. Она соприкасалась, с одной стороны, с творчеством писателей-шестидесятников, а с другой — с литературным народничеством. Естественно было и тяготение «тенденциозных» беллетристов к гражданской, героической проблематике. В 1880-е гг. в период реакционного «бездорожья», массовая литература утрачивает боевой демократизм; произведения беллетристов, как правило, приобретают «безгеройный» полемический характер по отношению к героическим идеалам минувшего периода литературного развития. «Новое литературное поколение» не признает обязанности человека быть непременно героем, не верит в возможность идеальных людей.¹⁰ Отказавшись от критического пафоса своих предшественников, оно приемлет «судьбу спокойно и безропотно» и взамен гражданского идеала утверждает в сущности эстетский принцип — «все одинаково прекрасно для свободного художественного созерцания мира».¹¹ В. М. Гаршин имел основания упрекать русских «золаистов» в том, что они возродили тенденцию безыдейного искусства, для которого «нет ни правды (в смысле спра-

ведливости), ни добра, ни красоты», а «есть только интересное и неинтересное».¹²

В отличие от «тенденциозных» беллетристов среда восьмидесятников «нового литературного поколения» идеологически неоднородна. Между ними заметны значительные идейные расхождения, осложняемые чертами ренегатства, перехода от «крайнего» радикализма к реакции (например, эволюция Ясинского от левонароднического «Слова» к «Новому времени» А. С. Суворина и «Русскому вестнику» М. М. Каткова). Общественно-литературная позиция Вас. И. Немировича-Данченко или, скажем, М. Н. Альбова, обнаруживающих «левые» симпатии, во многом отличается от идейной направленности творчества В. И. Бибикова, а тем более В. Л. Кинга-Дедлова, тяготеющих к реакционному лагерю и соприкасающихся с бульварными литераторами. В то же время всем им в той или иной мере присущи идейная неустойчивость, текучесть и расплывчатая неопределенность взглядов.

Идейная неоднородность «беллетристов» конца XIX в. переплетается с развитием в их среде качественно различных художественно-эстетических тенденций. Для некоторых из них наиболее всего характерны черты так называемого русского «золаизма»: фактографизм, протокольность, репортажно-хроникальная манера (Боборыкин, Ясинский); другие следуют сниженным и опошленным традициям Достоевского (Альбов, отчасти Баранцевич); встречаются среди них и те, кому ближе всего сентиментально-романтический пафос (Вас. И. Немирович-Данченко). Впрочем, чаще всего неоднородно в эстетическом отношении и творчество отдельно взятого писателя этого круга.

Таким образом, вопрос о структуре массовой литературы конца XIX в. тесно связан с проблемой ее художественного метода. Распространенное мнение, будто в качестве художественного метода «массовой беллетристики» конца XIX в. утвердился натурализм, представляется далеко не бесспорным или во всяком случае нуждающимся в уточнении. Даже те современные исследователи, которые наиболее последовательно отстаивают концепцию русского натурализма как «литературного движения», делают примечательные оговорки. Так, Е. Б. Тагер соглашается с тем, что нет «полного соответствия термина «натурализм» сущности процессов художественного развития конца века».¹³ С большим тактом С. И. Чупринин, вскрывая социально-эстетическую природу русского натурализма, предпочитает говорить о нем как о тенденции художественного развития конца XIX в., а не как о «школе» или, тем более, «направлении». Как он справедливо подчеркивает, «Россия практически не знала «чистого» натурализма, «натуралистическая тенденция прошла по касательной к магистральному — реалистическому — пути русской литературы».¹⁴

Действительно, разве лишь в творчестве Боборыкина натуралистические принципы реализованы были широко и последовательно, хотя и в своеобразном национальном варианте. Для большинства других «беллетристов» характерны отсутствие объективации, претензии на «тенденциозность», стремление создать «положительную программу», хотя и идейно убогую, мешански ограниченную, но заявленную художественно недвусмысленно. Порой это вело даже к морализаторству (особенно часто — в произведениях Лугового). В сущности в этом уже проявились отступления от канонов натуралистической эстетики. Еще более заметны эти отступления в области поэтики и стиля.

В массовую литературу конца XIX в. широко проникают черты сентиментально-романтического мелодраматизма (Вас. Немирович-Данченко), струя декадентских влияний (Ясинский), особенности дидактическо-морализаторского стиля (Луговой). В творчестве таких беллетристов, как Потапенко, Щеглов, все же преобладает реализм, особенно в их лучших произведениях. К сниженному реализму тяготеют Альбов и Баранцевич, хотя в отдельных произведениях первого из них доминируют натурализм («Конец Неведомой улицы»), стилистика другого напоминает скорее художественную манеру экспрессионистов («День итога»), а порой встречаются и формы эпигонского романтизма («Кольцо и желудь»).

Дело здесь, думается, не только в нарушении «чистоты» натуралистических принципов. Художественный метод массовой литературы конца XIX в. по своей эстетической природе эклектичен, причем у отдельных групп беллетристов этого периода или даже в отдельных их произведениях преобладают то натуралистические тенденции, то сниженные реалистические, то сентиментально-романтические, то декадентские и т. п. Тем не менее эта эстетическая эклектичность является по-своему единой, целостной художественной системой, выступая в качестве «особой художественной данности» (Е. Я. Поддубная). По-видимому натурализм играет все же в этой художественной системе роль цементирующего начала, которое в конечном счете определяет общественно-эстетическую направленность всей системы и характер ее связей с читательскими потребностями и вкусами. Об этом свидетельствует и судьба массовой литературы 1880—1890-х гг. Ее прямым наследником выступает «неонатурализм» начала XX в.

Эклектичность своего художественного метода массовая литература сохранила на всех последующих этапах своего развития. Но в дальнейшем, наряду с натурализмом, в художественной системе массовой литературы все большее влияние приобретают модернистские тенденции, преимущественно авангардистского толка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Р. А. Дистерло. Новое литературное поколение. (Опыт «психологической критики»). — Неделя, 1888, № 15, 10 апреля, стб. 486.

² Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М., 1960, с. 17.

³ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах. Т. 16. М., 1949, с. 160.

⁴ См.: Громов Л. П. Реализм А. П. Чехова второй половины 80-х годов. Ростов-на-Дону, 1958.

⁵ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах. Т. 16, с. 160.

⁶ Поддубная Е. Я. Отражение идей толстовства в романах А. И. Эртеля, А. А. Лугового и И. Н. Потапенко. — В кн.: Русская литература 1870—1890 годов. Сб. 11. Свердловск, 1978, с. 80.

⁷ Чупринин С. Чехов и Боборыкин. — В кн.: Чехов и его время. М., 1977. Его же. «Фигуранты» — среды — реальность. (К характеристике русского натурализма). — Вопросы литературы, 1979, № 7.

⁸ Чупринин С. «Фигуранты» — среда — реальность, с. 142.

⁹ Поддубная Е. Я. Творчество И. Н. Потапенко и основные закономерности «массовой» литературы: Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филолог. наук. Л., 1979, с. 5.

¹⁰ Р. Д. Новое литературное поколение, стб. 483.

¹¹ Там же.

¹² Гаршин В. М. Письма. М.—Л., 1934, с. 357.

¹³ Русская литература конца XIX—начала XX в. (Девяностые годы). М., 1968, с. 146, 151.

¹⁴ Чупринин С. «Фигуранты» — среда — реальность, с. 131.

Раздел II

РОЛЬ СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ДЕЛЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

А. П. КУПАЙГОРОДСКАЯ
(Институт истории СССР АН СССР)

СОВЕТСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Высшая школа — один из необходимых элементов культуры, важнейшее достижение поступательного развития человеческого общества. Система высшего образования, содержание и методы преподавания, ступень доступности для широких слоев населения, связь с различными государственными и народнохозяйственными учреждениями — необходимые показатели уровня культурного развития общества в целом. Задача высшей школы — готовить высококвалифицированные кадры работников для всех областей государственного управления, хозяйства, науки, просвещения, здравоохранения. Выполняя эту практическую задачу, высшая школа призвана поддерживать и развивать научный и технический прогресс и культурное строительство в самом широком смысле слова.

Партийные и государственные органы постоянно уделяют особое внимание развитию советской высшей школы, поскольку, как писал В. И. Ленин, «без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом».¹

Задачам высшей школы на современном этапе были посвящены постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» (апрель 1978 г.) и «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов» (июль 1979 г.), постановление Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования подготовки специалистов и улучшении использования выпускников высших и средних специальных учебных заведений в народном хозяйстве» (1978 г.). Первые итоги выполнения этих постановлений были подведены на проходившем в феврале 1980 г. Всесоюзном совещании работников высших учебных заведений. Особое внимание уделяется идеологическому воспитанию студенчества. Постанов-

ление ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании системы повышения квалификации преподавателей общественных наук высших учебных заведений» (сентябрь 1982 г.) требует постоянного углубления теоретических знаний преподавателей с учетом достижений современной марксистской мысли, ведения научно аргументированной критики антикоммунизма и ревизионизма.

Работа по строительству советской высшей школы, ее демократизации, созданию фактических условий для обучения в ней рабочих и беднейших крестьян, организации преподавания дисциплин, формирующих мировоззрение учащихся, началась под непосредственным руководством В. И. Ленина. Председатель Совнаркома постоянно, несмотря на все трудности первых послереволюционных лет, вникал в дела и заботы высшей школы, оказывал ей максимальное содействие.²

Проблемы развития высшей школы неизбежно рассматриваются при изучении общих вопросов культуры, в особенности когда речь идет о формировании, воспитании, деятельности советской интеллигенции. Следует сразу отметить, что студенты, как правило, рассматриваются как члены той социальной группы, из которой они вышли, их принадлежность к интеллигенции зачастую определяется лишь с того момента, когда они начинают работать по полученной в вузе специальности. Разумеется, сам факт поступления в вуз еще не делает человека сразу и незамедлительно интеллигентом, но нельзя не учитывать при рассмотрении специфики студенческой массы особенностей ее труда (учения), образа жизни, интересов для определения характера и причин протекающих в ней процессов.

Наиболее распространенной формой публикации материалов о развитии советской высшей школы являются очерки по истории отдельных высших учебных заведений. Специфической особенностью таких изданий является то, что в подготовке их обычно принимают участие сами изучаемые учреждения — отпускают средства на ведение работы, создают авторские коллективы, предоставляют полиграфическую базу и т. п. Поводом для создания отдельных книг по истории вузов, как правило, являются юбилейные даты, что определяет характер публикации — она сама приобретает парадный или чисто справочный характер.

Деятельность многих вузов отражена в посвященных им книгах, но далеко не всех. Причем нельзя сказать, что таким образом показано развитие важнейших учебных заведений, а в тени остались менее существенные. Поскольку же инициатива и материальные возможности самих вузов здесь играют первостепенную, если не решающую роль, то между значением вуза в развитии народного хозяйства и культуры — с одной стороны — и числом, объемом, научной и информационной ценностью посвященных ему публикаций — с другой — существует лишь некоторая, а не полная зависимость.

Этот вывод подтверждается тем фактом, что отдельным

крупнейшим высшим учебным заведениям, масштабы и содержание работы которых имеют всесоюзное значение, посвящены только отдельные статьи. Не созданы обобщающие труды, в которых всесторонне, на большом фактическом материале была бы показана их учебная и научная деятельность, общественно-политическая жизнь. К таким вузам, еще ожидающим своих историографов, относятся Ленинградский Политехнический институт, Педагогический институт им. А. И. Герцена, Институт культуры им. Н. К. Крупской и многие другие.

Издания, освещающие путь высших учебных заведений, неравноценны по своему содержанию, различны по структуре. Одни представляют собой сборники статей, показывающие этапы развития вузов, разные стороны их деятельности. Наиболее распространенная тематика таких статей — история развития вуза до революции и в советское время, постановка научной и учебной работы, участие его воспитанников в революционном движении, жизненный путь преподавателей и выпускников института, их профессиональная деятельность. Характерный пример — «Очерки по истории Ленинградского университета» (т. I—III, Л., 1962—1976), состоящие из статей на самые различные темы: по истории партийной и комсомольской организации, изучения и преподавания отдельных дисциплин, международных связей русских и зарубежных ученых, персоналий и воспоминаний. «Статейный» характер носит также «Сборник, посвященный тридцатилетию деятельности Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена» (Л., 1948). В него включены описания научно-исследовательской деятельности института в 1918—1925 гг. и многочисленные приложения, где представлены различные таблицы, списки, перечни научных работ. Очевидно, что сборники статей, освещая ряд важных вопросов, в то же время многие оставляют без внимания, не рискуя при этом получить упреки в неполноте или односторонности.

К работам другого рода относятся такие, в которых вслед за очерком истории института в целом дается характеристика всех его факультетов и кафедр, с описанием их развития, деятельности крупнейших ученых и преподавателей и т. п. Ценнейшее качество подобных публикаций — их насыщенность материалом, фактами, поэтому как справочное издание они незаменимы. Таковым является, например, капитальное издание «50 лет Первого Ленинградского медицинского института им. акад. И. П. Павлова» (Л., 1947). И, наконец, наиболее разработанными по форме и аналитическими по содержанию являются исторические очерки о деятельности вузов, начиная с их основания, данные в проблемно-хронологическом аспекте, где различные стороны деятельности учреждения показываются во взаимосвязи и взаимодействии. Из трудов такого рода наиболее полную картину дает «История Ленинградского университета. 1819—1969» (Л.,

1969), хотя эта работа и имеет осторожный подзаголовок «Очерки». К этому же типу относится обстоятельный, хорошо документированный труд «150 лет Ленинградского ордена Трудового Красного знамени Технологического института им. Ленсовета» (Л., 1978). Существуют и работы смешанного жанра, где наряду с очерками исторического и проблемного характера, охватывающими, в основном, хотя бы кратко, все периоды и стороны деятельности института, имеются пространные деловые справки о работе кафедр или о разработке преподаваемых дисциплин. К такому типу принадлежит книга «Ленинградский Горный институт за годы Советской власти. Очерки» (Л., 1971). Здесь вслед за краткой исторической справкой в специальных разделах освещается учебная деятельность института, работа партийной организации, деятельность института в годы Великой Отечественной войны, а также развитие факультетов и кафедр, состояние главной библиотеки и горного музея. В издании «Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина) 1886—1961» (Л., 1963) материал разделен на несколько частей. В первой — «История и итоги за три четверти века» — пятнадцать глав, построенных по проблемно-хронологическому принципу, во второй — «Развитие отдельных дисциплин» — восемнадцать глав, третьей — «Очерки истории общественной жизни института» — двенадцать глав и четвертой — «Студенческая жизнь» — семь глав.

Богатый материал, показывающий научную и учебную жизнь вузов, содержится в трудах по истории отдельных кафедр и факультетов, по вопросам изучения и преподавания научных дисциплин. Они в большом количестве рассыпаны в разнообразных сборниках, периодических изданиях, иногда опубликованы отдельно. Исследования по истории становления научных дисциплин, школ, научно-организационных единиц (кафедр, факультетов, обществ и т. п.), как правило, не отделяют вопросов развития науки от ее преподавания и отводят формам и методам последнего гораздо меньше места.

Очевидно, что каждый вид исследования деятельности вузов имеет как свои достоинства, так и недостатки. В статьях по отдельным вопросам нередко дается такой детальный анализ различных проблем, который в обобщающем труде может присутствовать лишь в виде выводов, заключений. Невозможно и включение даже в обстоятельное историческое исследование материалов обо всех сторонах деятельности института в равной мере — о всех кафедрах, службах, студенческих организациях и др. В то же время только развернутый исторический анализ деятельности вуза способен дать более менее полную картину развития его как учебного и научного учреждения, его роли и места в подготовке руководящих кадров для всех отраслей народного хозяйства и культуры, в общественно-политической жизни страны.

Интерес к вопросам развития советской высшей школы, к различным сторонам ее деятельности заметно возрос в послевоенные годы и продолжает расти в наше время. Был создан целый ряд обобщающих работ, показывающих путь и состояние системы высшего образования Советского государства.³ В отдельных работах освещается деятельность высших учебных заведений по подготовке специалистов различных профилей.⁴

Важным направлением деятельности советских историков является исследование процесса создания советской высшей школы — учреждения, принципиально отличного как от заведений царской России, так и от зарубежных. В центре внимания таких работ — руководящая роль большевистской партии — вдохновителя и организатора в деле создания советской системы высшего образования.⁵ Особое внимание уделяется проблемам зарождения, становления и развития вузовских партийных организаций.⁶

Предметом специального рассмотрения является идейно-политическая борьба в высшей школе в первые годы Советской власти и укрепление руководящей роли большевистских партийных организаций в учебной и воспитательной работе.⁷

Особое внимание уделяется проблемам изменения социального состава советской высшей школы, мероприятиям, которые были направлены на облегчение доступа в высшую школу представителям рабочих и беднейших крестьян. На первом месте среди этих мероприятий стоит организация рабочих факультетов. Теме привлечения рабочих и крестьян в высшую школу посвящены специальные работы.⁸ В дальнейшем тема изменения социального состава высших учебных заведений получила углубленное развитие в трудах целого ряда историков и социологов, научных коллективов. В настоящее время она разрабатывается как часть проблемы социального развития советского общества.⁹

Можно с уверенностью сказать, что с течением времени не угасает интерес к проблемам начального периода существования советской высшей школы. Эти проблемы вновь и вновь рассматриваются как в работах по истории отдельных учебных заведений, так и в трудах по различным вопросам становления высшего образования, развития советской интеллигенции, советской культуры в целом. Вместе с тем все более широко и основательно, с привлечением разнообразного материала освещаются различные стороны деятельности высшей школы в разное время: в годы первых пятилеток, во время Великой Отечественной войны, в период завершения строительства социализма и на современном этапе. Предметом специального рассмотрения становится высшая школа отдельных регионов — крупных культурных центров, республик и областей. Труды последних лет выгодно отличается основательная документальная база, использо-

ванне широкого круга разнообразных источников — архивных фондов, периодической печати, статистических данных и т. п.

Изучение различных сторон развития высшей школы имеет большое значение в особенности потому, что этот вопрос является важнейшей составной частью проблемы формирования советской интеллигенции. По справедливому замечанию видного исследователя С. А. Федюкина, она разработана более, чем другие разделы этого комплекса, в который входят также «история ее конкретной деятельности по экономическому и культурному строительству Советского государства; история ее духовной жизни, идеологической и общественно-политической деятельности».¹⁰ Но более полная по сравнению с другими разработка данной проблемы не гарантирует должной глубины и равномерности в изучении различных ее сторон. В цитированной выше статье С. А. Федюкина отмечаются некоторые стереотипы, мешающие историкам подойти к освещению изучаемых вопросов отталкиваясь от первоисточников, критически пересматривая сложившиеся штампы. С. А. Федюкин обоснованно критикует отдельные слабые стороны изучения этой проблемы: неоправданное преувеличение роли выдвиженчества в процессе формирования кадров советской интеллигенции; упрощенное, а потому неверное изложение мотивов, привлекавших старую интеллигенцию к сотрудничеству с Советской властью; забвение историками факторов морального порядка — профессиональных интересов и демократических традиций; тенденцию «оставлять за рамками исследования трудности, сложности, недостатки, упущения и ошибки в организации и осуществлении формирования кадров интеллигенции»; невнимание к проблеме качества подготовки кадров; неверное представление о темпах изменения социального состава студенчества, разноречивой и неточность применения терминов, отражающих этот процесс.

Нельзя не согласиться с замечаниями, высказанными С. А. Федюкиным. В то же время очевидно, что определенная поверхностность в изложении ряда вопросов, пристрастие к неточным стандартным формулировкам происходят от недостаточного внимания к изучению основного исходного материала, в данном случае — источников, отражающих сложную и противоречивую жизнь высшей школы во всей ее полноте и многообразии. Скупое исследование и сопоставление фактического материала показывает, что отдельные, часто повторяющиеся положения в голословной форме, кочующие из одной публикации в другую, нуждаются в обоснованной увязке с предшествовавшими, сопутствующими, последующими событиями, чтобы стала ясна истинная, внутренняя связь явлений. Процесс демократизации советской высшей школы может быть научно объяснен только при детальном исследовании его корней, уходящих в до-революционный период. Особого внимания требуют постановления партийных и советских органов о высшей школе: необходи-

мо не только разъяснять декларируемые в них цели и задачи, но и, в неменьшей степени, показывать породившие их причины и близкие и отдаленные результаты в практическом и идеологическом плане.

Исследование процесса демократизации высшей школы охватывает не все его стороны и элементы — в частности, не анализируется богатый цифровой материал, показывающий классовую направленность стипендиальной системы и порядка платности, а также роль этих важных рычагов в распределении учащихся по вузам различных категорий. Историк обходит вниманием и такие вопросы, как колебания притягательной силы различных вузов в разные периоды; побудительные причины, привлекающие молодежь получать высшее образование; не прослеживаются отдаленные результаты их учебы; мера соответствия их практической деятельности полученным в вузе навыкам и знаниям.

Исследование отдельных аспектов развития высшей школы в различные периоды обедняется тем, что оно нередко проводится безотносительно к предыдущему и последующим историческим этапам.

Очевидно, что дальнейшее углубленное изучение истории советской высшей школы необходимо для детального освещения ее роли как важного фактора, активно влияющего на изменение социальной структуры советского общества, на развитие народного хозяйства, науки, культуры, идеологии, для конкретного, делового использования всего накопленного ею опыта при решении актуальных задач социалистического строительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 178.

² Организаторская деятельность В. И. Ленина по юридическому оформлению советской системы высшего образования показана в ст.: Ш и л о в Л. А. Ленинские декреты — законодательная основа организации высшей школы в СССР. — Вестник ЛГУ, 1964, № 5. Серия экономики, философии и права, вып. 1.

³ Синецкий А. Л. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М., 1950; Б у т я г и н А. С., С а л т а н о в Ю. А. Университетское образование в СССР. М., 1957; Г а л к и н К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М., 1958; Ч у т к е р а ш в и л и Е. В. Развитие высшего образования в СССР. М., 1961; Высшая школа СССР за 50 лет. 1917—1967. М., 1967; К р у г л я н с к и й М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; Ч а н б а р и с о в Ш. Х. Формирование советской университетской системы. 1917—1938. Уфа, 1973; Е л ю т и н В. П. Высшая школа общества развитого социализма. М., 1980, и др.

⁴ И в а н о в и ч К. А. Высшая сельскохозяйственная школа в СССР. М., 1948; К о р о п о в В. М. Ветеринарное образование в СССР. М., 1949; В а с и л ь е в К. И. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР (1918—1932). Воронеж, 1966; П а н а ч и н Ф. Г. Педагогическое образование в СССР. М., 1975; Т ю р и н а А. П. Формирование кадров спе-

циалистов и организаторов колхозного производства. 1946—1958 гг. М., 1973; Чикин С. Я., Исаков Ю. Ф., Чекнев Б. М. Здравоохранение и подготовка врачебных кадров в СССР. М., 1980; и др.

⁵ Украинцев В. В. КПСС — организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1963; Заузолков Ф. Н. Коммунистическая партия — организатор создания научной и производственно-технической интеллигенции СССР. М., 1973; Сандрин Б. И., Волков В. С. и др. Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров (1928—1937). Л., 1973; Иовлев А. М. Деятельность КПСС по подготовке военных кадров. М., 1976; Сафразьян Н. Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы. 1921—1927 гг. М., 1977; и др.

⁶ Шилов Л. А. Создание и укрепление партийных организаций вузов и их участие в борьбе за политическое завоевание высшей школы в первые годы Советской власти (1917—1921). — Вестник ЛГУ, 1965, № 8. Серия истории, языка, литературы, вып. 2; Красникова А. В. Из истории работы большевиков со студенчеством накануне Октября и в первые годы Советской власти. — В кн.: Из истории трех революций. Л., 1976; Ее же. Первые вые коллективы РКП(б) Петроградского государственного университета. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. III. Л., 1976; Фортунатов В. В. Борьба петроградских большевиков за руководящие органы вузов в 1921—1925 гг. — XXX Герценовские чтения. История КПСС. Л., 1977; Его же. Система партийного руководства вузами в Петрограде—Ленинграде в восстановительный период (1921—1925). — В кн.: Вопросы развития социалистической культуры (на материалах Ленинградской партийной организации). Л., 1977, и др.

⁷ Кривенький А. И. Деятельность партии по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи в годы первой пятилетки (1928—1932): Автореферат. М., 1972; Лейкин А. Я. Из истории борьбы за преодоление влияния буржуазных партий на студенчество (1921—1925). — В кн.: Интеллигенция и социалистическая культурная революция. Л., 1975; Его же. Против ложных друзей молодежи. (Из истории борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными партиями за молодежь. 1917—1924). М., 1980; Волков В. С. Коммунистическая партия и студенчество в период строительства социализма в СССР (к историографии проблемы). — В кн.: Великий Октябрь и молодежь. Л., 1978; Курепин А. А. Из истории борьбы партии против влияния троцкизма на коммунистическое студенчество. 1923—1924 гг. (на материалах партийных организаций вузов Петрограда—Ленинграда). — В кн.: Исторический опыт борьбы КПСС против буржуазной идеологии, оппортунизма и современность. Л., 1979; Пшенко К. А. Значение борьбы Коммунистической партии против буржуазной идеологии для упрочения социалистического образа жизни в студенческой среде (1926—1932). — Там же; Шмелев А. Н. Борьба РКП(б) против троцкизма за студенческую молодежь (1923—1924). — В кн.: Борьба ленинской партии против оппортунизма. Л., 1980, и др.

⁸ Катунцева Н. М. Роль рабочих факультетов в формировании кадров народной интеллигенции в СССР. М., 1966; Ее же. Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян. М., 1977; Борисов Ю. С. Изменение социального состава учащихся в высших и средних специальных учебных заведениях (1917—1940 гг.). — В кн.: Культурная революция в СССР. 1917—1965. М., 1967; и др.

⁹ Социология и высшая школа. Горький, 1969—1978, вып. 1—6; Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М., 1978; Филиппов Ф. Р. Социология образования. М., 1980; и др.

¹⁰ Федюкин С. А. Некоторые аспекты изучения истории советской интеллигенции. — Вопросы истории, 1980, № 9, с. 18.

А. В. ГОГОЛЕВСКИЙ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ДЕКРЕТОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ О ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ

Одно из важнейших положений методологии исторической науки — принцип историзма в исследовании событий прошлого, требующий конкретно-исторического рассмотрения изучаемых явлений и процессов, выявления их взаимосвязи и взаимозависимости, имеет существенное значение для исследования такой стороны культурной революции в СССР, как ликвидация массовой неграмотности населения страны, в частности ее начального этапа.

Ликвидация неграмотности, составившая важный этап культурной революции, отражена в научной литературе весьма широко.¹ Изучение первых шагов Советской власти в деле повышения уровня грамотности трудящихся ведется, как правило, от декрета Совета Народных Комиссаров о ликвидации неграмотности населения РСФСР, принятого на заседании Малого Совнаркома 26 декабря 1919 г. и подписанного В. И. Лениным.² Но не менее известно, что декрету Совнаркома о ликвидации неграмотности предшествовал аналогичный документ Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, датированный 24 сентября 1919 г. Между тем, анализ декрета Петросовета о всеобщей грамотности в Петрограде позволяет не только более полно восстановить начальный этап культурного строительства после победы Великого Октября, но и проследить правовое творчество широких масс в условиях их приобщения к новой, социалистической культуре.

Из методологических требований закономерно вытекает необходимость тщательного и специального источниковедческого анализа немногих сохранившихся документов и газетных сообщений, затрагивающих такую сторону деятельности партийных и советских органов Петрограда, как работа по ликвидации неграмотности населения. Важное значение здесь приобретает выяснение репрезентативности и характера таких источников, их авторства.

Вопрос о ликвидации неграмотности среди трудящихся Советской России органически вытекал из программы большевистской партии, принятой в марте 1919 г. Впервые он практически обсуждался на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию, проходившем в Москве в мае того же года. Материалы съезда были опубликованы в официальном издании внешкольного отдела Народного комиссариата просвещения — журнале «Внешкольное образование».³ Из них следует, что съезд высказался за необходимость скорейшего издания общероссийского декрета о ликвидации неграмотности.

Поскольку аппарат Наркомпроса вплоть до середины 1919 г. находился в Петрограде, то вполне объяснимо, почему именно там были предприняты первые попытки осуществить рекомендации I Всероссийского съезда по внешкольному образованию в отношении ликвидации неграмотности среди трудящихся. О характере работы, проводившейся Наркомпросом в этом направлении, можно судить по заметке (без подписи), опубликованной в официальном органе Петросовета — газете «Известия Петроградского Совета» 23 июня 1919 г.

В заметке сообщалось о решении Наркомпроса приступить к работе по ликвидации неграмотности населения бывшей Северной области, которая включала 8 губерний, придерживаясь при этом определенного порядка: начинать обучение предполагалось вначале в Петрограде, потом в других губернских и уездных городах. Указывалось также, что работе по ликвидации неграмотности в деревне должна была предшествовать организация изб-читален.

Установить источник сведений, сообщавшихся в «Известиях Петроградского Совета», затруднительно. Ясно, что заметка в газете не может рассматриваться как официальное заявление тех или иных лиц или учреждений. Не представляется возможным уточнить и такое весьма важное обстоятельство — принимал ли Наркомпрос специальное решение по вопросам, затронутым в упомянутой записке? Установить это на основе сохранившихся протоколов не удалось. Таким образом, не исключена возможность, что сообщение о решении Наркомпроса приступить к работе по обучению неграмотных было составлено не на основании соответствующего постановления этого центрального органа государственного управления в области культуры и народного образования, а со слов его сотрудников, либо с учетом разрабатывавшихся в Наркомпросе проектов. Все это, однако, не снижает информативной ценности газетного сообщения о начале работы по ликвидации неграмотности на территории Северной области. Тем более, что в официальном органе — «Известиях Петроградского Совета» публиковались, как правило, хорошо проверенные материалы, особенно связанные с деятельностью учреждений, находившихся в Петрограде. Значение рассмотренной заметки существенно еще и потому, что ввиду ост-

рой нехватки бумаги в 1919 г. крайне нерегулярно выходили периодические издания Наркомпроса, в которых можно было ожидать подробного и всестороннего освещения борьбы с неграмотностью.

Помимо «Известий Петроградского Совета» материал о ликвидации неграмотности в Северной области был напечатан и в другом издании Петросовета — «Красной газете».⁴ По своему характеру он сходен с сообщением в «Известиях Петроградского Совета»: это заметка без подписи, в которой говорится о дальнейших шагах в деле ликвидации неграмотности. Так, «Красная газета» рассказывала о предполагавшейся регистрации неграмотных, а также о том, что обучение грамоте должно было вестись по вечерам, во внеслужебное время. Но кем и когда принималось решение об этом — «Красная газета» не сообщала. Не удалось проверить сведения, содержащиеся в публикации «Красной газеты» и в фондах Наркомпроса и отдела народного образования Петроградского Совета, хранящихся в ЦГАОР СССР и ЦГАОРЛ. Наркомпрос летом 1919 г. во многом был занят переводом своего аппарата из Петрограда в Москву, и в протоколах заседаний его коллегий и отделов материал о ликвидации неграмотности в Северной области не содержится. В документах же Петроградского Совета первые упоминания о ликвидации неграмотности в Петрограде встречаются в стенографическом отчете о заседании Исполнительного комитета Совета 23 сентября 1919 г.

Стенографический отчет о заседании Исполкома Петроградского Совета, проходившем в Смольном 23 сентября 1919 г., отличается от рассмотренных выше газетных сообщений как формально, так и по существу. Он является официальным документом Петросовета, сохранившимся в виде двух машинописных вариантов, подписанных секретарем Исполкома. Отчет свидетельствует о том, что 23 сентября 1919 г. Исполнительный комитет рассмотрел проект декрета о всеобщей грамотности в Петрограде, одобрил его, передав на окончательное утверждение общего собрания членов Петроградского Совета.⁵

В материалах Исполкома Петросовета, хранящихся в ЦГАОРЛ, удалось выявить проект декрета о всеобщей грамотности в Петрограде, который был зачитан на заседании Исполкома.⁶ Проект, по всей видимости, составила заведующая внешкольным подотделом городского отдела народного образования Л. Р. Менжинская.

Был ли указанный проект разработан согласно постановлению распорядительных органов городского Совета или появился в результате личной инициативы отдельных работников, выяснить не удалось. В сохранившихся протоколах заседаний коллегии петроградского отдела народного образования, его внешкольного подотдела за 1919 г. вопросы ликвидации неграмотности не значатся.⁷ Затруднительно установить и обстоятельст-

ва, предшествовавшие составлению проекта, в частности решить проблему его источника. Из материалов о заседании Исполкома Петросовета 23 сентября 1919 г. можно лишь уяснить, что шестинедельный курс ликвидации неграмотности был взят по образцу системы, применявшейся для обучения грамоте в США.⁸

Проект декрета о всеобщей грамотности в Петрограде имеет самостоятельную ценность как источник, так как при обсуждении в него были внесены некоторые изменения, касающиеся оплаты времени, затраченного на обучение грамоте, и привлечения к ответственности лиц, нарушающих положения декрета. При установлении значения проекта декрета как источника нужно учитывать, что он не публиковался в печати, не обсуждался предварительно перед рассмотрением на заседании Исполкома Петроградского Совета. Проект также не подтверждал сообщения, напечатанного в «Красной газете» 17 августа 1919 г. о предполагавшемся обучении грамоте во внеслужебное время. В проекте, наоборот, говорилось, что часы обучения грамоте являются рабочим временем.

Проект декрета о всеобщей грамотности в Петрограде, со внесенными в него двумя поправками на заседании Исполкома 23 сентября 1919 г., на следующий день был утвержден общим собранием Петроградского Совета и 1 октября 1919 г. официально распространен.⁹

Декрет о всеобщей грамотности в Петрограде предусматривал: обучение в полугодичный срок грамоте жителей города в возрасте от 17 до 50 лет, в том числе красноармейцев и краснофлотцев; сокращение для обучающихся рабочего дня на два часа с сохранением заработной платы; привлечение к ответственности уклоняющихся от обучения грамоте (перевод в низшую продовольственную категорию, исключение из профсоюза); мобилизацию учителей в школы грамоты на началах трудовой повинности; проведение переписи неграмотных в Петрограде.

Сохранился машинописный экземпляр декрета Петросовета о ликвидации неграмотности, датированный 24 сентября 1919 г. и подписанный председателем Совета.¹⁰ Его текст не имеет расхождений с текстом декрета, опубликованным в печати. Таким образом, газетные публикации декрета о всеобщей грамотности в Петрограде можно считать достоверным источником.

Иначе обстоит дело с газетными сообщениями о заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета, на котором обсуждался проект. Они по содержанию существенно отличаются от стенографического отчета об этом заседании, в них содержится ряд неточных утверждений. Так, например, в публикации «Красной газеты» отмечалось, что на заседании Исполкома якобы поднимался вопрос о выдаче обучающимся грамоте дополнительного продовольственного пайка, причем решение этого вопроса Исполком передал будто бы на усмотрение городского комиссариата по продовольствию.¹¹ В «Петроградской правде» же

ошибочно сообщалось о включении в проект декрета о всеобщей грамотности в Петрограде сведений о численности неграмотных в городе, а также программы обучения грамоте.¹² Эти приведенные в газете факты содержались не в проекте декрета, а в выступлении на заседании Исполкома одного из руководящих работников отдела народного образования.

Таким образом, при рассмотрении проблемы ликвидации неграмотности в Петрограде нужно учитывать неточность газетных сообщений о заседании Исполнительного комитета Петросовета 23 сентября 1919 г. Выявить это помог метод сопоставления газетных публикаций с текстом расшифрованной стенограммы указанного заседания.

В петроградских газетах был также помещен отчет о заседании городского Совета 24 сентября 1919 г., на котором и был утвержден проект декрета о всеобщей грамотности. Отчет содержит изложение выступления Л. Р. Менжинской, докладывавшей о проекте, в котором нет видимых отступлений от протокольной записи речи Л. Р. Менжинской, хранящейся в ЦГАОРЛ.

Для изучения вопроса о проведении в жизнь декрета о всеобщей грамотности в Петрограде почти единственным источником является периодическая печать. Объясняется это тем, что, во-первых, многие архивные фонды петроградских учреждений были уничтожены во время наступления белогвардейцев осенью 1919 г., а во-вторых, в прифронтовом, голодном и холодном Петрограде делопроизводство велось весьма упрощенно, заседания некоторых городских отраслевых отделов не протоколировались. Поэтому особое значение и важность приобретают требования методологического характера.

Газетные публикации о проведении в жизнь основных положений декрета Петросовета о всеобщей грамотности отличались и по форме, и по содержанию. Прежде всего нужно остановиться на характеристике официальных документов государственных органов, в которых развивались те или иные положения декрета. К ним относятся: постановление внешнего подотдела городского отдела народного образования о мобилизации преподавателей в школы грамотности, опубликованное в «Известиях Петроградского Совета» 6 октября 1919 г., а также извещение комиссии по всеобщей грамотности при городском отделе народного образования о проведении переписи неграмотных в Петрограде.¹³

Постановление о мобилизации преподавателей в школы грамотности определяло возраст и квалификацию тех из них, кто подлежал безусловному привлечению к работе по обучению неграмотных на началах трудовой повинности. Предусматривались также порядок регистрации преподавателей, оплата их труда и повышение квалификации. Постановление было подписано Л. Р. Менжинской и имело не узковедомственное, а общеобязательное для всех учреждений и жителей Петрограда значение.

Это объясняется тем, что в декрете Петросовета о всеобщей грамотности имелось следующее разъяснение: «С момента опубликования сего работа по осуществлению всеобщей обязательной грамотности среди петроградского населения ведется под общим руководством Центрального городского отдела по внешкольному образованию при помощи его районных подотделов».¹⁴

Не может возникать сомнений и по поводу достоверности газетной публикации указанного постановления внешкольного подотдела. Действительно, постановление, напечатанное в «Известиях Петроградского Совета», было издано в полном соответствии с декретом Совета о всеобщей грамотности, подписано ответственным работником Совета и по характеру своему предназначалось именно для публикации в печати.

Несколько иное положение складывается с распоряжением о проведении переписи неграмотных в Петрограде, отданном комиссией по всеобщей грамотности при городском отделе народного образования. Распоряжением устанавливались сроки проведения переписи, к нему прилагалась и специальная инструкция.

Распоряжение и инструкция о проведении в Петрограде переписи неграмотных были опубликованы 27 декабря 1919 г., причем основанием для их составления явился именно пункт 5 декрета Петроградского Совета от 24 сентября 1919 г. о всеобщей грамотности. Это обстоятельство нужно подчеркнуть особо, потому что 26 декабря 1919 г. принимается уже декрет Совнаркома о ликвидации неграмотности в РСФСР и, следовательно, декрет Петросовета о всеобщей грамотности теряет юридическую силу. В результате распоряжение местных органов государственной власти о проведении переписи неграмотных в Петрограде уже не имело законных оснований и с формальной точки зрения не могло считаться правомочным документом. Для придания ему правомочности требовалось изменить преамбулу распоряжения: вместо слов «на основании декрета Петроградского Совета» нанисать: «на основании п. 2 декрета Совнаркома...», так как именно в этом пункте отмечалось, что планы и сроки ликвидации неграмотности на местах составляются местными органами власти.¹⁵

Декрет Совнаркома РСФСР о ликвидации неграмотности был опубликован в петроградских газетах 29 декабря 1919 г. Тем не менее, никаких изменений в распоряжение местных органов о проведении переписи неграмотных в Петрограде внесено не было. Следовательно, перепись производилась на основании документа, формально не обладавшего уже юридической силой. Этот факт, не имевший существенного значения в начальный период советского государственного строительства, приходится, тем не менее учитывать, рассматривая распоряжение местных органов о проведении переписи неграмотных в Петрограде как исторический источник.

Если выше речь шла об официальных документах как источниках для изучения работы по проведению в жизнь декрета Петросовета о всеобщей грамотности, то многие публикации по этому поводу в петроградской печати не носили официального характера. В их число входили: сообщения о партийных собраниях в городе, на которых обсуждался декрет,¹⁶ отчет о заседании коллегии отдела народного образования с такой же повесткой дня,¹⁷ сведения о работе комиссии по всеобщей грамотности,¹⁸ об открытии курсов для обучения преподавателей.¹⁹

Источниковедческий анализ указанных выше газетных публикаций крайне затруднителен ввиду невозможности проверки их по иным источникам. Особо нужно указать на статью, появившуюся в «Красной газете» 26 сентября 1919 г. В ней говорилось о том, как предполагается проводить декрет Петросовета о всеобщей грамотности в жизнь, в частности — о необходимости распределения неграмотных по четырем возрастным группам; назывались и сроки обучения в каждой из групп. Источником этой публикации могла стать, очевидно, соответствующая инструкция, разрабатывавшаяся в городском отделе народного образования. Во всяком случае ни декрет о всеобщей грамотности, ни его проект сведений о группировке неграмотных по возрасту и сроках обучения в группах не содержали.

По поводу сообщений о работе по реализации положений декрета Петросовета о всеобщей грамотности, опубликованных в декабре 1919 г., важно отметить, что к этому времени отдел народного образования Совета был реорганизован, к его руководству пришли работники, не принимавшие участия в разработке проекта декрета.

Таким образом, газетные публикации как источник по изучению практической работы по проведению в жизнь декрета Петроградского Совета могут рассматриваться до момента принятия декрета Совнаркома о ликвидации неграмотности в РСФСР, т. е. до 26 декабря 1919 г. Декрет Совнаркома значительно отличался от аналогичного по содержанию акта Петросовета как по форме, так и по существу. Однако нужно учесть, что некоторые положения декрета Петросовета были творчески использованы при составлении общероссийского декрета, например — об оплате времени на обучение, о привлечении к обучению грамоте преподавателей на началах трудовой повинности.

Изучение начального этапа работы по ликвидации в Советской России массовой неграмотности трудящегося населения раскрывает значение такого методологического аспекта, как необходимость сравнительного источниковедческого анализа некоторых опубликованных и неопубликованных документов, других материалов, устанавливая их взаимную связь и взаимообусловленность. Всестороннее рассмотрение источников под углом зрения марксистско-ленинской методологии изучения общественных явлений не только позволяет уточнить многие конкрет-

ные факты, но и предостерегает от поспешных выводов и обобщений, основанных на недостаточно репрезентативных и неполных источниках.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность: Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М., 1967.
- ² Декреты Советской власти. Т. VII. М., 1974, с. 50—51.
- ³ Внешкольное образование, 1919, № 6—8.
- ⁴ Красная газета, 1919, 17 августа.
- ⁵ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 3, д. 50, 51.
- ⁶ Там же, д. 301.
- ⁷ См.: ЦГАОРЛ, ф. 2551, оп. 1, д. 255; оп. 15, д. 77.
- ⁸ Там же, ф. 1000, оп. 3, д. 50, л. 39.
- ⁹ Известия Петроградского Совета, 1919, 1 октября.
- ¹⁰ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 3, д. 301, л. 79.
- ¹¹ Красная газета, 1919, 24 сентября.
- ¹² Петроградская правда, 1919, 24 сентября.
- ¹³ Известия Петроградского Совета, 1919, 27 декабря.
- ¹⁴ ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 3, д. 301, л. 79.
- ¹⁵ Декреты Советской власти, т. VII, с. 50.
- ¹⁶ Петроградская правда, 1919, 30 сентября; Красная газета, 1919, 5 октября.
- ¹⁷ Красная газета, 1919, 19 декабря.
- ¹⁸ Красная газета, 1919, 9 декабря.
- ¹⁹ Красная газета, 1919, 4 октября.

М. Е. СОРОКИН

(Кемеровский государственный институт культуры)

ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ В СИБИРСКОМ ВУЗЕ

На протяжении пяти последних лет в Кемеровском государственном институте культуры читается курс «История Сибири». Введен он в соответствии с учебным планом, которым предусматривается преподавание ряда дисциплин, обусловленных особенностями того региона, в котором предстоит жить и работать выпускникам данного вуза.

Методологической основой курса в целом являются труды классиков марксизма-ленинизма, их высказывания о Сибири, документы КПСС и Советского правительства.

Одна из важных педагогических задач курса — воспитание у студентов чувства патриотизма, любви к суровому сибирскому краю, вооружение их знаниями по истории заселения и хозяйственного освоения края, об особенностях развития его культуры. Дело это первостепенной государственной важности.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду подчеркивалось: «Утверждение в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордости за страну Советов, за нашу Родину, готовности встать на защиту завоеваний социализма было и остается одной из важнейших задач партии».¹

Работать в условиях Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера непросто. Вот почему следует считать крайне важным создание у студентов необходимого психологического настроя для того, чтобы жить и работать в условиях Сибири, воспитать у них горячее стремление собственным трудом содействовать дальнейшему развитию и процветанию края. Другой не менее важной задачей следует считать углубление, расширение, конкретизацию тех знаний, которые получены при изучении общего курса истории СССР.

В первой, вводной лекции внимание обращается на крайне важное ленинское положение о неразрывном единстве Сибири и

России. Студентам можно рекомендовать для изучения работу В. И. Ленина «Доклад о революции 1905 года», где говорится, что «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии».² Вместе с этим следует заострить внимание слушателей на том, что в отношении Сибири В. И. Ленин пользовался терминами «Восточная Россия», «Азиатская Россия».³

В процессе дальнейшей работы над курсом преподаватель должен стремиться эти положения насытить конкретным материалом, показать, каким образом в результате многовекового социально-экономического общения, совместного проживания в составе единого централизованного государства, тесного культурного взаимовлияния, объединения трудящихся различных национальностей и народностей в совместной классовой борьбе против угнетения сформировалось единство России и ее неразрывной части — Сибири.

Позднее, переходя к изучению истории культуры Сибири, преподаватель обязан вновь подчеркнуть, что культура края развивалась как неразрывная составная часть общерусской культуры. Местные сибирские условия, конечно, вносили определенные коррективы, но не меняли и не могли изменить самого характера культуры Сибири как важного компонента общерусской культуры.

Рассказывая студентам об отношении русской интеллигенции к Сибири, преподаватель должен подчеркнуть принципиальное различие в отношении к краю царского правительства и прогрессивной части русской интеллигенции. Внимание слушателей должно быть обращено на то, что царизм намеренно культивировал у российского обывателя страх перед Сибирью, что это уже само по себе было средством борьбы с инакомыслием, с оппозицией правящему режиму, с революционным движением. Царизм стремился превратить Сибирь в край ссылки и каторги, всячески тормозил развитие экономики и культуры края.

Сама постановка вопроса об ускоренном развитии своей восточной окраины казалась царским чиновникам нелепой и опасной. «Один Невский проспект, по крайней мере, в пять раз ценнее всей Сибири!» Это замечание сенатора, брошенное при обсуждении вопроса о строительстве транссибирской железной дороги, красноречиво характеризует политику царизма по отношению к Сибири, его отношение к своей азиатской окраине.

О том, что это не случайные высказывания ограниченного невежды, а политика правящих кругов царской России, свидетельствуют многочисленные факты и примеры. Достаточно привести заявление томского губернатора В. К. Андриевича, утверждавшего, что «Сибирь — есть страна холодов, непригодная для жизни и ценная для государства лишь в смысле ссылки».

Важно отметить, что отношение правящих кругов к Сибири, насаждаемый ими страх перед этим холодным и пустынным краем не могли не оказать влияния на определенную часть представителей русской и мировой культуры. Именно этим объясняется тот панический ужас который иногда встречается на страницах русской дореволюционной литературы, в печати современных капиталистических стран. Ведущаяся сегодня ожесточенная идеологическая борьба вокруг Сибири возникла не в наши дни — ее корни уходят в далекое прошлое.

Прогрессивная русская интеллигенция смело шла против течения, не боясь утверждать, что Сибирь ожидает великое будущее. Высказывания М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, декабристов, А. И. Герцена о Сибири выглядят резким контрастом на общем фоне приведенных выше утверждений царских чиновников.

«Российское могущество прирастать будет Сибирью», — убежденно заявлял М. В. Ломоносов. Это мнение опиралось на прочный фундамент сведений, полученных русскими землепроходцами XVII в., учеными академическими экспедициями XVIII в., на опыт мореплавателей и рудоискателей, сибирских крестьян, промышленников и торговцев.

Таким же осведомленным о Сибири человеком был и другой выдающийся общественный деятель России конца XVIII в. — Александр Николаевич Радищев. Познакомившись с ее огромными природными богатствами, он, изумленный, воскликнул: «Как богата Сибирь природными дарами! Какой это мощный край! Нужны еще века, но как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописях мира!».⁴

Очень важно отметить, что с разоблачением классовой обусловленности враждебного, нигилистического отношения царского правительства к Сибири, выступили многие представители русской революционной демократии. В. Г. Белинский утверждал, что Сибирь — «это целый мир». А. И. Герцен очень тонко заметил, что «мертвящее русское правительство, делающее все насилием, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с огромной быстротой вперед».

Важным моментом в работе над любым историческим циклом в конкретных условиях института культуры является необходимость постоянного обращения преподавателя к портретным характеристикам исторических персонажей. В курсе истории Сибири — это землепроходцы, путешественники, ученые, государственные деятели, писатели, деятели культуры. Для сегодняшних студентов, завтрашних режиссеров, руководителей самодеятельных художественных коллективов эта сторона деятельности преподавателя носит, быть может, особо привлекательный характер.

Преподаватель обязан стремиться к тому, чтобы изучение

истории Сибири стимулировало обращение студентов к сибирскому материалу, заставляло их искать героев для своих будущих спектаклей, концертных выступлений на страницах сибирской истории. Кроме того, мы обязаны учить своих студентов умению оперативно откликаться на веление времени, остро реагировать на важнейшие события нашего отечественного исторического календаря.

Присоединение Сибири к России (1582 г.) связано с походом Ермака, который, по словам К. Маркса, «разгромил последнего монгольского царя Кучума и тем самым заложил основы азиатской России».⁵

Рассказывая студентам об этих важнейших событиях в нашей отечественной истории преподаватель должен обязательно подчеркнуть, что главным героем «сибирского взятия» был простой русский казак. Вместе с этим уместно отметить, что Ермак был и остается любимым героем сибирской истории. Почти во всех сибирских городах его именем названы улицы, на реке Иртыш вырос современный город Ермак, во многих местах нашей необъятной Родины высятся памятники Ермаку. В данном случае весьма уместно прозвучит мысль, что своих героев народ не забывает. Образ Ермака вдохновлял А. Н. Радищева, К. Ф. Рылеева, А. С. Пушкина, В. Г. Белинского и многих других. Скульпторы и художники, поэты и прозаики, драматурги и композиторы посвятили ему свои работы. На сцене Новосибирского театра оперы и балета, например, долгое время шла опера «Ермак», либретто которой написал известный сибирский поэт В. М. Пухначев, а музыку — заслуженный деятель искусств, РСФСР композитор А. А. Касьянов.

В данном случае перед нами отличный пример того, как важно уметь конкретный исторический материал вовлечь в общественную практику. В ознаменование 400-летия присоединения Сибири к России в Кемеровском институте культуры будут прочитаны лекции, доклады, рефераты, состоятся концерты и другие культурные мероприятия. И прямой долг преподавателя помочь своим студентам подготовить публичные выступления, выступить в качестве консультанта для хормейстеров, балетмейстеров, режиссеров театра, помочь им лучше разобраться в особенностях той эпохи, подсказать наиболее интересный материал.

Рассказывая об историческом значении присоединения Сибири к России, необходимо отметить значение этого факта не только для экономической жизни края, но и для его культуры. При этом следует обязательно обратить внимание студентов на весьма плодотворную мысль Ф. Энгельса, высказанную им в письме к К. Марксу от 23 мая 1851 г.: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар».⁶

Приступая к непосредственному изучению вопросов истории культуры Сибири, следует подчеркнуть, что культура края развивалась как составная часть русской культуры, по единым, общим законам. Все лекции по истории культуры Сибири необходимо начинать с краткой характеристики общих закономерностей развития культуры России в данную эпоху.

Внимание студентов должно быть обращено на диалектику процесса развития культуры Сибири. Необходимо отметить, что царское правительство стремилось насаждать невежество и предрассудки, тормозило культурное развитие края. Но, вместе с тем существовал целый ряд специфических сибирских условий, способствовавших развитию культуры Сибири — отсутствие в крае помещичьего землевладения и крепостного права, постоянный приток социально активного, вольнолюбивого и предприимчивого населения, потребности экономического развития, рост товарно-денежных отношений, политическая ссылка и т. п. На это обстоятельство в свое время обратил внимание Н. Г. Чернышевский: «Сибирь, получавшая из России постоянный прилив энергичного и часто самого развитого населения, издавна пользуется славой, что стоит в умственном отношении выше Европейской России».

Преподаватель обязан в своих лекциях широко использовать последние достижения исторической науки, материалы монографий, научных статей, информацию о поисках и находках ученых. Важно подчеркнуть, что сегодня, в результате специальных исследований советских ученых, мало у кого вызывает сомнение тот факт, что несмотря на трудности освоения края, его отдаленность от основных культурных центров, «образованность и наука в Сибири стояли на довольно высоком уровне».⁷ Доказательством тому служат широкое распространение книг в Сибири, высокий процент грамотности среди старообрядческого и служилого населения Сибири, торговцев и промысловиков.

Студенты обычно с интересом воспринимают сообщения преподавателей о последних находках сибирских ученых. В лекции, например, можно рассказать о том, как участникам археографической экспедиции Сибирского отделения Академии наук СССР однажды удалось обнаружить в глухом северном районе Восточной Сибири первую русскую печатную книгу — знаменитый «Апостол» первопечатника Ивана Федорова, выпущенный в 1564 г. Редкий экземпляр сохранился в отличном состоянии, что само по себе является свидетельством бережного, очень уважительного отношения сибиряков к книге.

Довольно сложную задачу приходится решать преподаателю истории в институте культуры — необходимо постоянно учитывать профиль вуза, самого гуманитарного из всех гуманитарных вузов, будущую специальность своих слушателей. Лектору

приходится постоянно помнить, что перед ним будущие организаторы культурно-просветительной работы, руководители самостоятельных творческих коллективов, т. е. люди, которым предстоит на профессиональном уровне организовывать такое тонкое, деликатное дело, как отдых трудящихся.

В целом ряде постановлений ЦК КПСС и Советского правительства очень остро ставится вопрос о закреплении кадров работников культуры в сельской местности, о воспитании у студентов любви к земле, уважения к нелегкому труду земледельца. В связи с этим, наверное, есть смысл уделять в лекциях больше внимания истории сибирского земледелия, быту крестьян, изучению их обычаев, обрядов, праздников, развлечений.

При этом преподаватель должен подчеркнуть, что формы, способы, приемы народной педагогики, опыт нравственного и эстетического воспитания трудящихся прошлых эпох представляет для студента института культуры не просто познавательный интерес, а имеет большое практическое значение. Изучение этих сторон духовной культуры позволяет отобрать для практической деятельности все наиболее ценное, что накопили предыдущие поколения в процессе многовековой деятельности.

Кроме того, — и это, быть может, и есть самое главное, — изучение быта, обычаев, нравов, праздников, развлечений и других относительно менее изученных сторон человеческой деятельности дает возможность воспитывать историзм мышления у будущего работника культуры на материале, более близком и понятном для него.

На этом пути преподавателя будут преследовать трудности, неудачи и разочарования. Такие стороны человеческой деятельности, как обычаи и нравы, праздники и развлечения, не получили достаточного освещения. Мало материала по этим вопросам найдет преподаватель и в разделах учебников, посвященных духовной культуре народа. В поисках подобного материала придется прибегать к специальной монографической литературе,⁸ знакомиться с публикациями отраслевых журналов.⁹

Обращая внимание студентов на старинные народные праздники, преподаватель должен подчеркнуть, что подавляющее их большинство было связано с основными занятиями населения, что церковь сама была вынуждена приспособливаться к особенностям сельскохозяйственного производства, которое являлось основой экономики феодальной России, к земледельческому календарю сибирского крестьянина.

Переходя к изучению культуры Сибири XVIII в., следует отметить, что в социально-экономической жизни страны в это время произошли существенные перемены: на Урале и в Сибири были созданы крупные очаги промышленного производства; коренным образом изменилась сама политическая атмосфера, сам подход к явлениям экономической и культурной жизни, произо-

шла определенная переоценка ценностей; в России появился мощный морской флот, была учреждена морская академия, основано много школ. Русская культура в своем поступательном движении сделала значительный шаг вперед.

Познакомив студентов с общими условиями развития русской культуры XVIII в., преподаватель может переходить к характеристике культуры Сибири. При этом значительное место должно быть уделено просвещению. Здесь можно отметить, что в Сибири появилось духовное и светское образование, развитие горнозаводской промышленности вызвало к жизни профессионально-технические школы. Академические экспедиции привели к созданию навигацких и геодезических школ. Первые шаги были сделаны в развитии медицинского образования. Появились первые технические (в Колывано-Воскресенском горном округе), учебные (в Тобольской и Иркутской духовной семинариях, в Барнаульском горном училище), общедоступные библиотеки (Иркутская городская), первые оркестры, театры, музеи. Внимание студентов необходимо обратить на новейшие исследования ученых, которые убеждены в том, что сибирская деревня не была совершенно безграмотной.¹⁰

Для правильного понимания процессов, происходивших в культурной жизни Сибири XVIII в., огромное значение имеет важное положение К. Маркса, высказанное им в «Капитале»: «Внезапное расширение мирового рынка, возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства».¹¹

Культурную жизнь Сибири XVIII в. невозможно изучать, не обращаясь к материалам академических экспедиций. Первая Камчатская и Великая Северная экспедиции стали крупнейшим событием в культурной жизни сибирского края. В XVIII в. изучение Сибири становится важнейшей общегосударственной задачей. Для проведения поисковых и исследовательских работ сюда направляются лучшие специалисты горного дела, известные ученые. Экспедиции стимулировали проведение исследовательских работ на местах, способствовали вовлечению в научный поиск сотен сибиряков, установлению их связей с Российской Академией наук. Они значительно повысили интерес общественности России к Сибири, к ее истории, животному и растительному миру, минеральным богатствам. Труды С. П. Крашенинникова, Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, П. С. Палласа о Сибири явились крупным приобретением не только отечественной, но и мировой науки. Изучение Северного морского пути, бассейна Тихого океана — одна из самых славных страниц нашей истории.

Вот почему рассказ преподавателя о героической деятельности В. Беринга, А. Чирикова, Ст. Малыгина, В. Прончищева, Ст. Челюскина, Лаптевых, Д. Овцына, Г. Шелехова, об их удивительных человеческих качествах — мужестве, верности своему долгу и присяге, настойчивости в достижении поставленной цели, проявленных во славу своего Отечества, дают прекрасную возможность для патриотического воспитания студенчества.

В лекции об изучении Сибири в XVIII в. преподавателю необходимо подчеркнуть, что общественность России, передовые ученые всего мира внимательно следили за происходящим в Сибири, ждали от научных экспедиций выдающихся результатов. В качестве примера можно привести строки из торжественной оды Александра Сумарокова, который, подводя итоги Великой Северной экспедиции, оценивая ее значение для грядущих поколений в 1763 г., писал:

«Я у Берингова гроба
Вижу флот, торги и град».

На протяжении всей работы над курсом следует показать, что культура Сибири развивалась в результате тесного общения, совместной деятельности русского народа и коренного населения Сибири, а также многих народов нашей страны и Западной Европы. В качестве одного из возможных примеров можно привести такой факт. В марте 1976 г. в Стокгольме состоялся симпозиум советских и шведских историков. На его официальном открытии с докладом «Культура шведских военнопленных в Сибири в первой половине XVIII в.» выступил крупный ученый, бывший посол Швеции в СССР Г. Ярринг.

В разделе «Культура Сибири первой половины XIX в.» важное место следует отвести декабристам, раскрыть мысль декабриста М. Лунина, отметившего, что настоящее житейское поприще декабристов началось со вступлением в Сибирь.

Изучение культурно-просветительной деятельности декабристов в Сибири представляет не только познавательный, но и практический интерес для студентов институтов культуры. Ведь это опыт культурно-просветительной работы. Декабристам пришлось стать первыми культпросветчиками в самом прямом смысле этого слова.

Студенты с большим интересом узнают, что член Верховного уголовного суда Российской империи адмирал Н. Мордвинов отказался подписать декабристам смертный приговор. Вместо этого он предложил отправить их в Сибирь, чтобы там использовать обширные их познания для просвещения сибиряков. «Получив просвещенное образование, — так обосновывал он свое мнение, — они обладают всеми необходимыми данными для того, чтобы опять стать людьми, полезными для государства. Положительные науки — физика, химия, механика, минералогия —

будут способствовать процветанию Сибири, которую природа щедро наградила своими дарами».

В лекции «Декабристы и Сибирь» преподаватель обязан подчеркнуть, что для большинства сосланных сюда декабристов Сибирь стала второй родиной. Из более 120 человек, заточенных Николаем I в Сибирь, только 19 сумели вернуться назад, в центральную часть России. Остальные нашли свой вечный покой в Сибири. Уместно привести слова известного исследователя Б. Г. Кубалова, который в статье «Сибирское общество и декабристы» писал: «В глухую тайгу, рудники, заводы они принесли светильник знания и, к чести своей, держали его высоко».

Внимание студентов следует обратить на то, что декабристы в Сибири создавали школы и библиотеки, обучали сибиряков музыке, занимались активной научной деятельностью, проводили географические и этнографические исследования, обрабатывали землю, применяя самые современные приемы агротехники, врачевали людей. Исключительно важными для воспитания сибиряков были примеры высокой нравственности, добродетели, воспитанности декабристов. Сам образ жизни декабристов в ссылке и на поселении имел огромное нравственное воздействие на их окружение.

Уместно также отметить, что семена, брошенные декабристами в сибирскую почву, дали хорошие всходы. При этом можно сослаться на мнение известного общественного деятеля Сибири Н. Н. Козьмина, автора книги «Очерки прошлого и настоящего Сибири», который писал: «Кто из нас, сибиряков, не знает благотворного культурного влияния декабристов, поляков, русских революционеров. Наши бабушки, матери учились у них музыке, живописи, учились интересоваться книгой, получали навык к чтению, наши деды и отцы имели в лице этих людей первых наставников...»

Большой идейно-теоретический потенциал включает в себя тема «Культура Сибири конца XIX—начала XX вв.» Преподаватель имеет возможность познакомить студентов с деятельностью замечательной плеяды сибирских просветителей — Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, А. М. Сибирякова, Н. М. Мартынова, П. И. Макушкина, известного сибирского библиофила Г. В. Юдина, выдающихся ученых, профессоров Томского университета и технологического института П. Н. Крылова, В. А. Обручева, М. А. Усова, М. Н. Бутакова и других. Деятельность многих из них получила высокую оценку В. И. Ленина.

Изучение данной темы позволяет познакомить студентов с деятельностью крупных культурных и научных центров Сибири, в частности Томского университета, старейшего высшего учебного заведения на востоке нашей страны. Уместно при этом подчеркнуть, что деятельность преподавательского и студенческого коллектива Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева, его большой вклад в развитие экономики и

культуры Сибири, активное участие в революционном движении и общественной жизни получили высокую оценку КПСС и Советского правительства: Томский университет награжден орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции.

Работа над темой «Культура Сибири конца XIX—начала XX вв.» позволяет познакомить студентов с рядом других крупных культурно-просветительных учреждений края — с деятельностью Сибирского отдела Географического общества, краеведческого музея Н. М. Мартьянова, с театрами, с наиболее выдающимися представителями творческой интеллигенции края. Так, например, можно отметить, что созданный в 1877 г. в городе Минусинске местным провизором Н. М. Мартьяновым краеведческий музей стал заметным культурно-просветительным учреждением Сибири. Музей и созданная при нем библиотека, книжный фонд которой к концу XIX в. насчитывал более 20 тыс. книг, сыграли выдающуюся роль в деле просвещения сибиряков и распространения знаний о Сибири в Европе. Вряд ли преувеличивала газета «Восточное обозрение», когда писала, что «в Европе нет ни одного ученого, ни одного учреждения, кому бы не был известен этот музей...» Следует отметить, что с фондами мартьяновского музея познакомился В. И. Ленин. Он являлся к тому же активным читателем библиотеки мартьяновского музея.

С интересом познакомятся студенты с деятельностью Петра Ивановича Макушина, организатора многих культурно-просветительных мероприятий в Сибири. По его инициативе во многих городах Сибири были открыты воскресные школы, создано около 600 бесплатных библиотек-читален, основана томская городская общественная библиотека, Дом науки. П. И. Макушин издавал две большие газеты — «Сибирскую жизнь» и «Сибирскую газету». К сотрудничеству в них он привлек многих крупных ученых, писателей, общественных деятелей Сибири — Г. Потанина, Н. Наумова, Н. Ядринцева, Н. Мартьянова, В. Станюковича и многих других.¹²

Отдавая дань уважения деятельности славного сибирского просветителя, томская газета «Красное Знамя» писала, что имя П. И. Макушина «будет занесено на страницы истории сибирского края как имя большого культурного работника — пионера в области общественного просвещения трудящихся Сибири».¹³

Большое внимание в лекциях по истории культуры Сибири в условиях института культуры приходится уделять вопросам развития художественной самодеятельности и профессионального театра, борьбе общественности Сибири за высшую школу в крае. При этом преподаватель обязан знакомить студентов с новыми и новыми именами, давать подробную характеристику выдающихся сибирских ученых, писателей, просветителей.

Многолетняя практика показывает, что обязательным условием успешной работы над курсом является широкое использование и уместное применение в самом лекционном процессе художественной литературы. Преподаватель должен стремиться, чтобы на каждом занятии звучали отрывки из произведений русских и советских писателей или поэтов. При этом обязательным условием, конечно, должно быть чувство меры.

Так, например, обосновывая значение курса для работников учреждений культуры, отмечая его огромные возможности для патриотического и интернационального воспитания студенчества, можно использовать отрывок из стихотворения ленинградского поэта Анатолия Чепурова:

«Любить Россию
И не знать Сибири —
Да как же так!»

Рассказ о созидательной деятельности декабристов в Сибири, об их влиянии на культуру края можно сопроводить чтением отрывка из поэмы Анатолия Преловского «Заповедник»: ¹⁴

«И декабристов опыт подневольный
был, как прививка чести и мечты
Сибири:

Кюхельбекер сердобольный
нес грамоту тунгусам; близ Куды
Волконский приучал к подзолу
картофель; Тизенгаузен растил
сады в Ялutorовске, там же школу
Якушкин вел; сам нищий и убогий
деревья Веденяпин насаждал;
а Завалишин ревностный дороги
К Амуру от Байкала размечал».

Обязательным условием успешной работы над курсом истории Сибири является использование средств наглядности. Как можно рассказывать о памятниках истории и культуры Сибири, о русских землепроходцах, об участниках ученых экспедиций, о сибирских просветителях не показывая слайды, наборы открыток, не используя альбомы и другие всевозможные средства наглядности?

Большую помощь в процессе работы над разделами по истории культуры Сибири преподавателю могут оказать прекрасно выполненные альбомы «Памятники Сибири». ¹⁵ Рассказывая студентам о походе Ермака в Сибирь, можно использовать альбом «Картина В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». ¹⁶ Знакомя своих слушателей с деятельностью В. И. Ленина в период сибирской ссылки, раскрывая содержание темы «Ленин и Сибирь», преподаватель может использовать фотоальбом «Ленин на Енисее». ¹⁷ Использование средств наглядности не ограничивается, конечно, кратким перечнем приведенных примеров.

В процессе работы над курсом каждый преподаватель уделяет большое внимание подготовке и использованию в педагогической практике средств наглядности. Привлечение к их изготовлению студентов — наиболее верный путь технического оснащения курса. Большая работа по изготовлению диапозитивов проделана в нашем вузе студентами специализации «руководитель самодеятельной кинофотостудии». По заданию преподавателей они подготовили ряд слайд-фильмов, наборы диапозитивов. Постепенно появилась возможность каждую тему сопровождать демонстрациями средств наглядности.

По крохам собирается материал. Постепенно курс наливается плотью, обогащается его содержанием. И в этом достаточно тонком и длительном процессе большую помощь преподавателю могут оказать не только известные академические издания, такие как «История Сибири» или монографии советских ученых — С. В. Бахрушина, В. И. Шункова, А. А. Преображенского, З. Я. Бояршиновой, М. М. Громыко и т. д., но и постоянное обращение к материалам журналов, альманахов, периодической печати.

Постановления партии и правительства требуют усилить внимание к вопросам подготовки специалистов для Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лицом к Сибири — такова важная социально-экономическая задача сегодняшнего дня. Мы полагаем, что в какой-то степени решению современных задач в конкретных условиях нашего вуза способен содействовать и курс истории Сибири.

Опыт работы над курсом показывает, что изучение студентами истории Сибири стимулирует творческую деятельность будущего работника культуры, развивает его историческое мышление, заставляет шире использовать краеведческий материал в культурно-просветительной работе.

Изучение истории культуры Сибири вызывает законное чувство гордости за свой родной край, за тот огромный вклад, который внесли сибиряки в историю нашей страны, в ее культуру. Сибирь дала нашей стране Дмитрия Менделеева, Василия Сурикова, Михаила Врубеля, Василия Перова, Александра Алябьева, Вячеслава Шишкова и многих других выдающихся деятелей отечественной науки и культуры. Деятельность Ермака, С. Дежнева, Е. Хабарова, В. Пояркова, В. Атласова, С. Крашенинникова, И. Ползунова и др. не может не вызывать восхищения. Героический материал сибирской истории служил и продолжает служить примером для подражания многим поколениям советских людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Госполитиздат, 1976, с. 75.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 326.

- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 125.
- ⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. в 3-х томах. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952, с. 177.
- ⁵ Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII, 1946, с. 166.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.
- ⁷ Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960, с. 152.
- ⁸ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). — Новосибирск: Наука, 1975.
- ⁹ Миненко Н. А. Свадебные обряды у русских крестьян Западной Сибири в XVIII—первой половине XIX в. — Советская этнография, 1977, № 3. Ее же. Взаимоотношение супругов в русских крестьянских семьях Западной Сибири XVIII—первой половины XIX в. — Советская этнография, 1978, № 2; Ее же. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII—первой половине XIX в. — Советская этнография, 1979, № 6.
- ¹⁰ Сулыгин Ю. С. Некоторые вопросы культуры приписной деревни Колываново-Воскресенских заводов XVIII в. — В кн.: Крестьянство Сибири XVIII—начала XX в.. Классовая борьба, общественное сознание, культура. Новосибирск, 1975.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 365.
- ¹² Войтик П. Газеты П. И. Макушина. — Сибирские огни, 1962, № 5.
- ¹³ Красное Знамя, 1926, 6 июня.
- ¹⁴ Литературная газета, 1978, 6 ноября.
- ¹⁵ Памятники Сибири. Серия «Память России». Кн. 4. — М.: Сов. Россия, 1974; Памятники Сибири. Серия «Память России». Кн. 5. — М.: Сов. Россия, 1975.
- ¹⁶ Покорение Сибири Ермаком. Картина В. И. Сурикова. — Л.: Художник РСФСР, 1963.
- ¹⁷ Ленин на Енисее. — М.: Сов. Россия, 1973; Шушенское. Мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина». — М.: Сов. Россия, 1976.

Т. И. АГАПОВА, М. И. СЕРОВА
(Краснодарский государственный институт культуры)

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ
К РАБОТЕ ПО ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДА**

(Из опыта
Краснодарского государственного института культуры)

На этапе развитого социализма главное внимание высшей школы, как сказано в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов», «должно быть сосредоточено на всестороннем улучшении качества профессиональной подготовки и идейно-политического воспитания специалистов, укреплении связи с производством, практикой коммунистического строительства».¹

Исходя из этих задач, особенно актуальное значение приобретает проблема «Историческое и культурное наследие народа и современность» в практике учебно-воспитательной работы института культуры.

Эта проблема имеет важнейшее теоретическое значение в арсенале идеологической борьбы. Основоположники научного коммунизма разработали научные, материалистические основы ее решения. В. И. Ленин, придавая исключительно большое значение данной проблеме, сформулировал основные принципы общетеоретических исследований в этой области и разработал главные направления практической деятельности партии и Советского государства по охране, пропаганде и использованию памятников истории и культуры.

Важнейшими ленинскими принципами являются: классовый подход к отбору и охране памятников истории и культуры, партийность, историзм, пролетарский интернационализм.

В. И. Ленин был не только основоположником советского законодательства по охране памятников истории и культуры, но и первым практическим организатором этой работы, которая стала важным патриотическим делом для молодой Советской республики.

КПСС и Советское государство на всех этапах своего развития уделяли большое внимание дальнейшему теоретическому и практическому развитию данной проблемы: совершенствовалось законодательство, выделялись материальные ресурсы на собирание, реставрацию, сохранение и пропаганду памятников истории и культуры; расширялись формы и методы использования памятников истории и культуры в коммунистическом воспитании трудящихся, особенно молодежи.

На этапе развитого социализма были созданы, с одной стороны, все условия для воспитания гармонично развитой личности, а с другой стороны, повысились требования к идейно-воспитательной работе. Не случайно в последние годы ЦК КПСС опубликовал целый ряд постановлений, направленных на улучшение, совершенствование идейно-политического, нравственного воспитания трудящихся. Новая программа КПСС, решения XXIV, XXV и XXVI съездов партии определили основные пути и формы решения этих грандиозных задач.

Ленинские принципы отношения к историческому наследию в этот период разрабатываются и внедряются в практику особенно интенсивно. Одним из важных аспектов проявления закономерного процесса формирования социальных отношений в условиях зрелого социализма является дальнейшее совершенствование форм и методов охраны и использования памятников истории и культуры, которое рассматривается как важное средство в арсенале коммунистического воспитания трудящихся.

Особенно крупные сдвиги в научной разработке проблемы были достигнуты в 60-х гг., когда Советское государство усилило свои функции по охране памятников истории и культуры, приняло ряд мер по организации и привлечению к этому делу широкой общественности, по совершенствованию системы идеологического обеспечения.

Эти вопросы решались в постановлении Совета Министров РСФСР от 24 мая 1966 г. «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры РСФСР»,² в котором на государственной основе была решена задача руководства охраной памятников истории и культуры.

Следующим этапом было создание Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в июне 1965 г.³ Летом 1966 г. в Москве работал Учредительный съезд ВООПИК, который определил задачи и основные направления деятельности общества.

Третьим важным событием этого периода явилось постановление Коллегии Министерства культуры СССР и Президиума Академии Наук СССР от 2 октября 1967 г. «О подготовке свода памятников культуры народов СССР» и приказ № 25 Министра культуры РСФСР от 22 января 1968 г. «О подготовке свода памятников истории и культуры РСФСР».⁴

В 60-х гг. были созданы специальные научные центры: сектор памятников культуры в Институте истории искусств МКСРФСР, сектор памятников истории и культуры Сибири в составе Института истории, филологии и философии СО АН СССР, сектор памятников истории в составе Института истории АН СССР.

Под руководством этих научных центров на основе марксистско-ленинской методологии закладывались научно-методические основы для выявления и изучения всех категорий памятников истории и культуры.

В этот период было проведено большое количество местных и региональных научных конференций, из которых этапными стали Московская 1969 г. и 1973 г., Тобольская 1969 г., Тульская 1969 г., Свердловская 1970 г.

Важным результатом этих конференций было сосредоточение внимания на памятниках советского периода, определение единых принципов их классификации и периодизации, выделение особой категории памятников трудовой деятельности и трудовой славы советского народа, памятников социалистического строительства.

Всенародное празднование 50-летия и 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летия и 110-летия со дня рождения В. И. Ленина, 50-летия образования СССР, 30-летия и 35-летия победы советского народа над гитлеровской Германией, соответствующие Постановления ЦК КПСС — все это обогатило марксистско-ленинскую теорию, глубже и многограннее раскрыло значение ленинских принципов отношения к историческому и культурному наследию народа.

На XXV съезде КПСС был сформулирован тезис о комплексном подходе к воспитанию трудящихся. «Утверждение в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордости за Страну Советов, за нашу Родину, готовности встать на защиту завоеваний социализма — было и остается одной из важнейших задач партии», — говорилось в Отчетном докладе ЦК на XXV съезде КПСС.⁵

В решении этих задач первостепенную роль играют памятники истории и культуры. XXV съезд КПСС не только теоретически обосновал возможность использования исторического и культурного наследия народа в целях коммунистического воспитания трудящихся, но и практически показал пути и формы этого использования. В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.» было записано: «Улучшить работу музеев, охрану и пропаганду памятников истории и культуры».⁶

Практическим выполнением решений XXV съезда КПСС явилось всенародное обсуждение и принятие V сессией Верхов-

ного Совета СССР нового закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

В новой Конституции СССР (статья 68) зафиксирована многогранная деятельность государства, общественных организаций и ученых по охране и пропаганде памятников истории и культуры. Статья 68 гласит: «Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР».⁷

Чтобы осуществлять этот принцип на деле граждане СССР должны иметь хотя бы минимальный уровень понятий и представлений о памятниках истории и культуры: знать методологические принципы подхода к их изучению и оценкам, их классификации, критерии их выявления и отбора, формы и методы использования памятников истории и культуры в коммунистическом воспитании трудящихся.

Таким образом, встает вопрос о профессиональной подготовке кадров, способных возглавить массовую работу по охране и использованию памятников истории и культуры. Специальных учебных заведений нет, но Советское государство создало сеть институтов культуры, которые готовят кадры культурных работников высокой квалификации. И ныне, когда подготовка специалистов по охране и использованию памятников истории и культуры стала потребностью времени, на институты культуры ложится особая ответственность за подготовку специалистов в этой области.

В целом ряде институтов культуры, а также педагогических институтов и университетов страны (Ленинградский и Кемеровский ин-ты культуры, МГУ им. Ломоносова, Армавирский и Смоленский педагогические ин-ты) факультативно, вне учебных планов делаются попытки подготовить молодых специалистов к пониманию проблем охраны и использования памятников истории и культуры.

Но в разработанных курсах нет единства, они не освещают теоретические вопросы проблемы, не знакомят студентов с советским законодательством по охране и пропаганде памятников истории и культуры, с деятельностью Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, с работой государственных органов. В этих вузах главное внимание сосредоточивается на памятниках досоветского периода. К тому же нет программ, учебников, учебных пособий.

Однако все это, на наш взгляд, является не недостатком, а выражением объективных трудностей, связанных с постановкой курса «Памятники истории и культуры» в вузах страны.

Курс этот читается и в Краснодарском институте культуры. Кроме того, уже на протяжении десяти лет под руководством кафедры истории СССР ведется научная разработка проблемы «Памятники истории и культуры».

Сознание гражданской ответственности за поиски оптимальных путей реализации поставленных задач, трудные конкретные условия работы молодого института, полное отсутствие методической литературы, перегрузка учебных планов, другие объективные и субъективные сложности, — все это определило ту осторожность, с которой в институте подходят к решению возникших проблем.

Не нарушая учебных планов, совет института смог принять решение о введении на библиотечном факультете (за счет курсов по выбору) лекционного курса в объеме 66 часов, из расчета 22 часа в семестр (I, II, III семестры; в I и III семестре — экзамены). Лекционный курс разработала и читает профессор Т. И. Агапова. В соответствии с условиями работы, курс лекций состоит из III частей (I часть — I семестр).

I раздел курса (методологический). Студенты знакомятся с ленинскими принципами отношения к историческому наследию и личным вкладом В. И. Ленина в теоретическую разработку проблемы, с его практическим участием в охране и пропаганде памятников истории и культуры, в разгроме концепции Пролеткульта. На большом фактическом материале раскрывается роль В. И. Ленина как основоположника советского законодательства по охране памятников истории и культуры, что имеет громадное воспитательное значение.

Студенты изучают историю советского законодательства по охране памятников, на фактах убеждаясь в том, что на всех этапах своего развития КПСС и Советское государство бережно и заботливо относились к историческому наследию. В то же время, на конкретном фактическом материале студенты учатся классовому, партийному отношению к наследию, у них вырабатывается понимание жизненности ленинского принципа пролетарского интернационализма в отборе памятников, в формировании новых, прогрессивных традиций и обрядов.

Все это учит студентов аргументированно, критически относиться к буржуазным концепциям отбора и использования памятников в целях расовой дискриминации, воспитания чувства буржуазного национализма и угнетения трудящихся.

Первый, методологический раздел курса убеждает студентов в том, что памятники — острейшее идеологическое оружие, и для работы с ними прежде всего необходимо сформировать в себе глубокую марксистско-ленинскую убежденность, чему способствует раздел курса «Реализация ленинских принципов отношения к историческому наследию в условиях развитого социалистического общества», в котором особое внимание обращено на материалы XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, постановления ЦК КПСС по идеологическим вопросам, документы 50—60 гг. по улучшению охраны памятников истории и культуры, на устав ВООПИК, материалы II и III съездов ВООПИК, на постановления Коллегии Министерства Культуры СССР и Пре-

зиднума АН СССР о создании свода памятников истории и культуры народов СССР и последующие решения по этому вопросу, «Закон СССР об охране и использовании памятников истории и культуры». Итоговой, завершающей частью этого раздела является тема «Конституция СССР и расширение прав и обязанностей граждан СССР по охране и использованию памятников истории и культуры».

На наш взгляд, такое хронологическое построение этого раздела позволяет студентам на конкретном фактическом материале осознать закономерность и прогрессивность развития ленинского учения об отношении к историческому наследию, нашедшего свое завершение в Конституции СССР.

Трудность этого раздела заключается в том, что он весь основан на анализе работ В. И. Ленина, партийных и государственных документов, выступлений руководителей партии и государства. Отсутствие практических и семинарских занятий приводит к необходимости отнести изучение источников на счет самостоятельной работы студентов.

Направляющим и организующим началом является лекция в которой студенты не только знакомятся с постановкой вопросов, системой аргументации выдвинутых положений, фактическими сведениями, но и получают конкретные задания и методические указания по их выполнению. Студенты читают произведения В. И. Ленина, делают из них выписки, конспектируют, реферируют их. Составляют хронологические таблицы развития советского законодательства. Изучают и делают выписки из материалов съездов КПСС, выступлений руководителей КПСС и Советского государства, постановлений ЦК КПСС.

На наш взгляд, эта работа не только обогащает студентов знаниями и навыками самостоятельной работы, помогает добиться прочных знаний, выработать марксистско-ленинскую убежденность в отношении к историческому наследию, но и приобретает практическую ценность для будущей самостоятельной работы.

Несомненно, конспект работ В. И. Ленина, выписки понадобятся студентам при написании лекций, докладов и проведении других видов работы.

Безусловно, только неослабный, жесткий контроль преподавателя за индивидуальной работой каждого первокурсника приучит к самостоятельности, точности и качественности выполнения заданий, что достигается за счет внеаудиторной работы. Но результаты, как правило, оправдывают затраченное время и силы.

II раздел курса. Общие принципы классификации и отбора памятников истории и культуры (досоветский период). В этом разделе студенты знакомятся с разработкой и развитием принципов классификации и отбора памятников археологии, архитектуры и градостроительства, истории и искусства, с важней-

шими памятниками Северного Кавказа и Кубани союзного значения. Эта часть лекций максимально насыщена иллюстрациями, используется учебное кино, обязательно проводится хорошо подготовленная экскурсия к памятникам г. Краснодара.

Студенты получают конкретные знания по методологии советской классификации памятников, ее коренному отличию от буржуазной, по развитию методики отбора, описания и изучения каждого вида памятников. Учатся видеть памятник и описывать его; готовить и проводить экскурсии. Студентам поручается составить библиографические карточки по конкретным группам памятников, сделать описание аналогичных памятников своего села, района, края, области, республики, составить паспорта, написать текст лекции и во время летних каникул прочесть ее по месту жительства. Многие студенты начинают сами пополнять свои картотеки, собирают личные библиотечки.

Обязательным условием этого периода обучения является активная работа в первичной организации ВООПИК, изучение (или помощь в организации) работы общества по месту жительства. Студенты встречаются с ответственным секретарем краевого совета общества, старшим инспектором краевого управления культуры, перенимают их опыт работы, участвуют в работе пленумов краевого совета общества. Все это способствует более глубокому изучению жизненных потребностей в этой области, убеждает в практической необходимости соответствующих знаний, навыков и умений. Студенты ведут шефскую работу в школе. Учет всей этой общественной работы по предмету и чтение лекций контролируют треугольники групп, результаты работы групп учитываются при подведении итогов ОПП и соревновании групп.

III раздел курса. Памятники советского общества. В этой части курса студенты знакомятся с принципами классификации, отбора, изучения и использования памятников советского общества; подробно, на конкретных исторических документах изучают историю развития ленинских принципов классификации памятников советского общества (постановления ЦК КПСС и Советского правительства, «Закон СССР об охране и использовании памятников истории и культуры», Конституция СССР, материалы V сессии Верховного Совета СССР, доклад на V сессии Министра культуры СССР т. П. Н. Демичева «О проекте Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», устав ВООПИК, материалы II и III съездов ВООПИК, материалы Тобольской, Тульской, Свердловской и Московской научных конференций, письмо ЦС ВООПИК «О выявлении, изучении, сохранении и пропаганде памятников авиации и космонавтики» от 23 апреля 1975 г., документы о создании свода). Научно-теоретические знания убеждают студентов в органической связи возникновения новых групп объектов, достойных увековечивания, с прак-

тикой социально-экономического развития советского общества, подводят к пониманию закономерностей образования новых категорий и групп памятников советского общества, раскрывают историческую неизбежность подвижности и расширения видов памятников этого периода, а следовательно, необходимость постоянного научного исследования памятников этой категории и практических мер по их увековечиванию.

На этой научно-теоретической основе проводится конкретное изучение проблем классификации памятников советского общества, знакомство с периодизацией изучения, предметами и формами увековечивания объектов этих категорий. Изучаются выдающиеся памятники советского общества. Лекции обязательно сопровождаются наглядными пособиями, кинопоказом. Студенты знакомятся с памятниками революции и гражданской войны, В. И. Ленину и деятелям партии и Советского государства, памятниками социалистического строительства, Великой Отечественной войны, памятниками развитого социалистического общества.

Широко используется экскурсионный метод. Особенно ценной представляется сложившаяся традиция, ежегодной экскурсии первокурсников всех факультетов в город-герой Новороссийск. Студенты обязательно выезжают в агрокомплекс, знакомятся с Краснодарским морем.

Независимо от того, читается или нет на этом факультете данный курс, работа по подготовке начинается с февраля. Студенты II курса библиотечного факультета, используя свои знания и опыт, во всех академических группах читают лекции о памятниках города-героя Новороссийска, проводят беседы по подготовке к экскурсии, предлагают рекомендательные списки литературы, распределяют индивидуальные задания, контролируют подготовку к экскурсии, выезжают со своей группой и затем контролируют качество и своевременность подготовки отчетности по своей группе. Такая форма работы прочно вошла в комплексный план института и объединяет практические усилия всех подразделений. Средства на проведение экскурсий (заказ автобусов и экскурсоводов через экскурсионные бюро) выделяет институт. Методическую разработку и организацию самой экскурсии осуществляет кафедра истории СССР. Деканы организуют выезд с группой первокурсников кураторов и других преподавателей своих факультетов — коммунистов, фронтовиков. Комитет ВЛКСМ, профком и первичная организация ВООПИК к этому событию приурочивают торжественные церемонии (вручение новых комсомольских билетов, прием в комсомол, вручение наград, грамот и др.). То, что эти церемонии состоятся на героической Малой земле, невероятно повышает эмоциональный накал, объединяет студентов, идейно закаляет.

По материалам, полученным во время экскурсии, каждая группа сообща делает фотоальбом, студенты библиотечного

факультета (изучающие курс) дают описание отдельного или группы памятников, каждый студент (для личного пользования) подготавливает альбом открыток с подробным описанием памятников и всей экскурсии. По этим материалам готовится текст лекции. Ежегодно объявляются творческие конкурсы (спецкафедрами) на лучшее исполнение оригинального произведения. Через ФОП проводятся выставки лучших работ (фото, рисунки, выжигание), кафедры подводят итоги конкурсов чтецов и исполнителей, конкурсов на лучшее литературное, музыкальное, хореографическое произведение.

Всего в конкурсах к 30-летию Победы, например, было заявлено 135 студенческих работ от кафедр истории СССР, философии и научного коммунизма, театральной режиссуры, хореографии, оркестрового дирижирования, ФОПа (научные студенческие доклады — 23; рефераты — 65; фотоальбомы — 13; альбомы рисунков — 2; фотовыставки — 2; стихи — 2; очерки — 1; выжигание по дереву — 25; песни — 2; танцы — 2).

III раздел курса. В этой части курса студенты знакомятся с формами использования памятников в коммунистическом воспитании трудящихся. В теоретическом разделе излагаются основы методологии и методики этой работы, выявляется ее специфика, трудности, обобщается накопившийся практический опыт первичных организаций ВООПИК. Перед студентами выступают ответственный секретарь краевого совета общества и ст. инспектор краевого управления культуры, которые анализируют работу своих подразделений, вскрывают типичные недостатки, трудности и обобщают передовой опыт.

Студенты второго года обучения во время летних каникул изучают по месту жительства опыт работы первичной организации общества (или помогают ее создать), обязательно читают лекцию «В. И. Ленин — основоположник советского законодательства по охране памятников истории и культуры» и одну лекцию по конкретному памятнику или группе памятников (по выбору). Отчитываются студенты путевками, учет ведет треугольник, итоги учитываются при подведении итогов социалистического соревнования и ленинского зачета. В III семестре каждый студент разрабатывает сценарий мероприятия с использованием памятника.

Эта работа ведется во внеурочное время. Так как на библиотечном факультете специальные курсы по режиссуре, музыке и др. отсутствуют, студенты ищут помощи у преподавателей, а чаще — у своих коллег, старшекурсников-режиссеров. Конечно, профессиональный уровень, очевидно, страдает, хотя и не всегда, но в то же время у будущего библиотекаря формируются необходимые организационно-практические навыки и нравственный опыт — умение найти нужного человека, попросить о помощи, поблагодарить за нее, творчески использовать советы разных специалистов и др., т. е. накапливается нравственный опыт

общения с людьми, чего так часто не хватает молодому специалисту.*

Таким образом, несмотря на чрезвычайно ограниченный лекционный лимит (66 час.) курса «Памятники истории и культуры», студенты получают определенные научно-теоретические основы по этой важной и идеологически острой проблеме, практические знания о памятниках и первичные навыки разнообразных форм работы с ними. Формируется глубокая убежденность в важности этой работы и чувство гражданской ответственности, что особенно важно в свете решений XXVI съезда КПСС, Закона СССР и новой Конституции. Многие работают особенно увлеченно, делают значительно больше минимума: привыкают вести библиографические карточки, создают личные библиотеки, читают много лекций, особенно дома, в родных школах и колхозах, изучают памятники своей области, края, республики. Часть студентов использует каникулы для экскурсий в Москву, Ленинград, Киев, Суздаль и др.

Высшим проявлением творческого отношения студентов к курсу является создание литературно-музыкальных композиций по следующим темам: «Памятники В. И. Ленину», «Памятники революции и гражданской войны», «Памятники социалистического строительства», «Памятники Великой Отечественной войны», «Памятники искусства».

Объединенные единой темой, общей задачей, студенты вырабатывают навыки организаторской работы, коллективизма, товарищества, взаимопомощи. В работе над литературно-музыкальными композициями вырабатывается активная жизненная позиция студентов. Проверка высоких моральных качеств студентов — встреча с широкой массовой аудиторией. Подобные встречи проходят взволнованно, эмоционально, воспитывают в слушателях коммунистический нравственный идеал, патриотизм, пролетарский интернационализм.

С 1978 г. курс «Памятники истории и культуры» читается на библиотечном факультете отделения заочного обучения. На протяжении двух лет студенты выполняют заданный объем самостоятельной работы, в который входит как обязательное условие работа студента в первичной организации ВООПИК. Студенты ведут дневник своей практической работы. О том, какое значение имеет эта работа для студентов, красноречиво говорят записи в дневниках студентов: «4 сентября 1980 г. В читальном зале библиотеки собрались старшеклассники и преподаватели. Всего 47 человек. Я прочла лекцию, после которой разгорелась оживленная беседа. Оказывается, многие имеют довольно смутное представление об охране памятников, о работе ВООПИК. И тогда я зачитала несколько документов... Все были несказанно удивлены тем, сколько же внимания уделял лично В. И. Ленин (причем в первые дни после революции!) делу охраны памятников истории и культуры...» (из дневника сту-

дентки Н. Лариной). Еще одна запись: «2 октября 1980 г. Сегодня готовила первые страницы устного журнала «Осажденная Одесса» — встреча с ветеранами войны, участниками боев за освобождение Одессы... Продолжают поступать письма от участников боев... 10 октября. Сегодня прошел устный журнал. Так было все хорошо, трогательно, особенно когда зачитывали письма участников боев. Вот одно из них, от Ю. Картукова: «Большое спасибо за организацию этого вечера. Я еще раз увидел своих однополчан по письмам. Я плачу и радуюсь, что нас так ценят и уважают»... Письма мы подшили в альбом «Нам пишут ветераны» (из дневника студентки С. Карасовой).

Изучение курса «Памятники истории и культуры» на отделении заочного обучения заканчивается на втором курсе проведением научно-практической конференции «Роль библиотек в охране и использовании памятников истории и культуры». В процессе подготовки и проведения такой конференции осуществляется тесная связь изучаемого курса с профессионализмом, формируется коллектив работников-единомышленников, что особенно важно для студентов-заочников, вырабатывается активная жизненная позиция, студенты приобщаются к навыкам исследовательской работы, становятся активистами общества охраны памятников (см. приложение). Вся многогранная практическая работа студентов, наряду с изучением методологии и теории проблемы, направлена на воспитание убежденных борцов за коммунизм. Курс «Памятники истории и культуры» всегда в центре внимания партийной организации института.

Научная разработка проблемы в Краснодарском институте культуры ведется по нескольким направлениям: разработка методологии и методики исследования; выявление исторических памятников Северного Кавказа и Кубани; памятники революции и социалистического строительства; библиографическая изученность и обеспеченность проблемы; памятники музыкальной культуры и народной хореографии; памятники театральной культуры Кубани; памятники авиации и космонавтики на Кубани.

В результате этой работы кафедра истории СССР объединила творческие интересы и усилия многих специальных кафедр вуза. Работа над проблемой «Памятники истории и культуры» позволила коллективу провести интересные исследования по всем указанным направлениям. Особенно ценная черта этой работы — широкое участие студентов в проводимых исследованиях.

В процессе исследований были сделаны важные научные выводы по методике, классификации и критериям отбора памятников истории и культуры.⁸

Проведена большая работа по увековечению памяти Ю. В. Кондратюка, одного из пионеров космонавтики, открыт

единственный в нашей стране народный музей Ю. В. Кондратюка на Крыловском элеваторе Краснодарского края; осуществляется большая методическая работа по руководству школьными музеями авиации и космонавтики. Проведены четыре научно-практические конференции «Памятники авиации и космонавтики, их роль в коммунистическом воспитании трудящихся». В подготовке конференции принимала участие АН СССР и лично акад. В. П. Глушко, Федерация авиации и космонавтики СССР, видные ученые страны. ЦС ВООИПК одобрил эту работу, выделив памятники авиации и космонавтики в особую группу памятников социалистического строительства.

Были выявлены места, связанные с пребыванием А. С. Пушкина на Кубани, подготовлена документация, на основе которой в ст. Прочноокопской установлена мемориальная доска, теперь на «Пушкинской горке» проводятся народные праздники в пушкинские дни.

Большая работа была проведена по выявлению декабристских мест на Кубани. Проведены две студенческие экспедиции, в результате которых было выявлено 22 имени офицеров-декабристов и около 30 мест, связанных с их деятельностью, составлена карта «Декабристы на Кубани». Полученные материалы позволили принципиально по-новому поставить вопрос о роли декабристов в хозяйственном и культурном освоении края — создание дорог, строительных укреплений, влияние на культурную жизнь казачества. Опубликована брошюра «Декабристы на Кубани». По существу Кубань впервые вписалась в географию декабристских мест.

Научная разработка проблемы «Памятники музыкальной культуры и хореографии» соединилась с интересной практической работой по проведению конкурсов героического танца. Первый конкурс состоялся в марте—апреле 1975 г. и был посвящен 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В нем участвовало 340 коллективов художественной самодеятельности из 46 районов и городов Кубани. Вторым конкурс состоялся в марте—апреле 1978 г. и был посвящен 35-летию освобождения Кубани от фашистских захватчиков. В период подготовки к нему было создано более 400 новых произведений сложнейшего жанра — героического танца. В конкурсе участвовало около 8 тыс. человек. Третий конкурс героического танца состоялся в марте—апреле 1980 г. В нем участвовало более 500 коллективов, 12 тыс. человек из 48 городов и районов Края. Конкурс был посвящен 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина и 35-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Традиция проведения конкурсов героического танца подтверждает необходимость обращения кубанских хореографов к теме гражданской и Великой Отечественной войн, чтобы через искусство танца нынешнее поколение приобщалось к героиче-

ской жизни наших отцов и дедов, отстоявших в этих битвах завоевания Великого Октября.

Конкурсы героического танца на кубанской земле охватывают самые широкие массы учащейся и рабочей молодежи. 1-й тур конкурса — городской и районный. Лучшие хореографические номера, отобранные на районных конкурсах, представляются на 2-й зональный тур, в котором участвуют 10—15 районов. Здесь и определяются лучшие.

Конкурсы героического танца — это патриотическое воспитание в самом широком смысле, так как на местах — в районах, городах и станицах края на этих конкурсах (а они проходят в праздничной концертной форме!) присутствует все население. Этот конкурс не нуждается в специальной пропаганде еще и потому, что воскрешает не только героизм советского народа, но и впечатляюще воссоздает образы земляков — героев земли кубанской. И кубанцы в городах и станицах в период проведения конкурсов спешат на встречу со своей пламенной и горячей юностью, молодостью, на встречу со своими земляками, отдавшими жизнь за счастье всех людей на земле. Воспеты имена семьи Степановых, создан героический образ Матери — Епистимии Федоровны Степановой в хореографической постановке студентов института культуры «Баллада о сыновьях», подвиги малоземельцев воплощены в хореографических постановках «Цемесская бухта помнит», «Защитники Малой земли», «Красные маки на Малой земле» и другие. Воспеты и пластически запечатлены подвиги сынов земли кубанской — поэта солнечной Адыгеи Хусена Андурхаева, капитана Дмитрия Калинина, Алексея Краморенко (повторившего подвиг А. Матросова), Андрея Роя и других. И сегодня в сердцах юного поколения кубанцев гремит слава красных конников Кочубея, железных полков Дмитрия Жлобы, отвага и жертвенное стремление к Победе героических кунниковцев. Героическим полкам Таманской Армии, 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу, многим тысячам землякам-кубанцам посвящены хореографические постановки, творческие души, прекрасные порывы нынешнего поколения. Какой огромный нравственный заряд дают они молодежи, вступающей в новую эру — в эру строительства светлого коммунистического общества! Все эти хореографические произведения, рожденные вдохновением и коллективным творчеством убеждают, что подвиг народа живет в сердцах поколений, живет в своеобразных памятниках художественной культуры, какими являются и эти вдохновенно созданные произведения, которые учат мужеству, воспитывают и зовут на борьбу за счастье всех людей на земле.

Так, коллектив Краснодарского института культуры комплексно решает задачи, поставленные перед высшей школой.

Работа над проблемой «Историческое и культурное наследие народа и современность» получила отражение в планах работы ректората, партийного бюро, профкома. Полученные навыки студенты используют в строительных отрядах, в лекционной работе с населением. Коллектив института награжден грамотами и почетными дипломами ЦС ВООПИК и Федерации космонавтики СССР и дипломом Ю. А. Гагарина. Ряд методических разработок кафедры лег в основу рекомендаций и методических писем ЦС ВООПИК.

Вся эта многогранная работа коллектива института способствует идейно-политическому воспитанию молодых специалистов, становлению их активной жизненной позиции.

О важности работы, проводимой коллективом института, свидетельствует возрастающее внимание партии и государства, что получило отражение в опубликованном проекте «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», в котором, в частности, сказано: «Улучшать работу парков, зоопарков, музеев, охрану и пропаганду памятников истории, культуры и природы».⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов» — Правда, 1979, 29 июня.

² См.: Охрана памятников истории и культуры. Сборник документов. — М.: Советская Россия, 1973, с. 150—154.

³ Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июня 1965 г. «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры». — Охрана памятников истории и культуры, с. 144—149.

⁴ См.: Свод памятников истории и культуры народов СССР. Методические указания. М., 1968, с. 26, 32.

⁵ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 75.

⁶ Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы. — В кн.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 222.

⁷ Конституция (Основной Закон) СССР. — М.: Политическая литература, 1977, с. 21.

⁸ См.: Агапова Т. И. Использование памятников истории и культуры в идейно-нравственном воспитании молодых специалистов (Из опыта Краснодарского института культуры). — В кн.: Научно-методический материал семинара «Актуальные проблемы охраны и использования памятников истории советского общества и основные направления работы секций президиумов местных отделений Общества». — М.: ЦВ ВООПИК, 1980, с. 39—44; Анисимов Г. Г., Кукоба Н. П. Понятия, принципы и виды памятников социалистического и коммунистического строительства, методика их изучения и выявления. — Там же, с. 16—28.

⁹ Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года. — М.: Политическая литература, 1981, с. 67.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Работа студентов библиотечного факультета Краснодарского государственного института культуры по пропаганде знаний о памятниках истории и культуры среди населения региона и страны

Г о д ы	Социальный состав слушателей						
	Общее кол-во прочитанных лекций	Место проведения лекций		Общее кол-во слушателей	рабочие	колхозники	служащие
		город	село				
1979—1980	861	528	333	29 794	5979	3298	2660
1980—1981 (I семестр)	141	94	45	11 640	1845	1351	4064
							интели-генция
							уча-щиеся
							военно-служащие
							7068
							6728
							510

2. Мероприятия, проведенные студентами II курса заочного отделения в 1980—1981 учебном году

Наименование мероприятия	Кол-во проведенных мероприятий		Число присутствовавших на мероприятии
	1	2	
Конференция		10	784
Доклад		17	501
Тематический вечер		32	2304

1	2	3
Экскурсия	34	1029
Беседа	60	1725
Выставка и другие мероприятия	100	1300
Всего:	253	7643

Н. Н. КАРЕТНИКОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФОТОДОКУМЕНТОВ КАК ИСТОЧНИКА В СПЕЦКУРСАХ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Специальные курсы по истории и архитектуре Петербурга-Петрограда-Ленинграда, его историко-революционным памятникам эпохи трех русских революций стали важным элементом подготовки специалистов в Ленинградском государственном институте культуры им. Н. К. Крупской. Для максимально глубокого изложения материала преподаватель рассматривает в историографическом и источниковедческом обзоре все виды исторических источников по темам спецкурсов, что позволяет студентам представить полную картину событий и сделать правильные обобщения и выводы. Одним из источников, к сожалению, еще недостаточно используемым, являются фотодокументы. Единого взгляда на фотодокумент как исторический источник еще нет.¹ Вместе с тем, фотодокумент отражает, фиксирует образную сторону исторического факта, он показывает то, что письменный источник описывает. И в таком показе можно найти дополнительные детали, отсутствующие или недостаточно раскрытые в описательном документе. Фотодокументы наглядно передают историческую обстановку, развитие событий, детали быта, колорит эпохи. В отличие от некоторых других источников фотодокументы всегда возникают одновременно с событием, в момент его свершения.

Долгое время фотодокументы использовались и в исторических исследованиях, и в курсах лекций только в качестве иллюстративного материала. Сейчас большинство специалистов правомерно считает, что они могут быть использованы и в качестве основного источника. Одним из главных достоинств фотодокумента является то, что он способен зрительно воссоздать события и предметы, которые уже видоизменились или перестали существовать. В лекциях по истории Петербурга второй половины XIX—начала XX вв. представление об утраченных ныне памятниках (Панаевский театр, Литовский замок, решетка у

Зимнего дворца, часовня у Летнего сада и др.) формируется у студентов только на фотодокументах из коллекции Ленинградского государственного архива кинофонофотодокументов.

Наглядность, быстрота, сила эмоционального воздействия делают фотодокументы одним из эффективных средств идейно-воспитательной работы со студентами. Создание конкретных представлений об изучаемой эпохе, зрительное знакомство с основными элементами социальной истории города все это дает возможность ввести студента в атмосферу революционных событий 1905—1907 и 1917 гг., сделать их очевидцами. В этом преподавателю помогает исключительно богатая коллекция фотодокументов, хранящихся в Ленинградском архиве кинофонофотодокументов. Так, серия фотографий «9 января 1905 г. в Петербурге» является убедительным доказательством контрреволюционной сущности политики царизма, когда самодержавие готовилось по всем правилам военного искусства к расстрелу мирного шествия. Студенты видят на фотографиях походные кухни на Дворцовой площади, усиленные наряды полиции, войска, предусмотрительно расставленные на окраинах города санитарные фургоны. Ярким документом эпохи Февральской революции является фотография решетки у Зимнего дворца: двуглавые орлы ее задрапированы красной тканью. Фотография сделана на пятый день революции, 28 февраля 1917 г., еще до отречения от престола Николая II, и свидетельствует о необычайной революционной активности народа, его ненависти к самодержавию, решимости во что бы то ни стало уничтожить царизм. В архиве хранятся сотни фотодокументов-репортажей с многочисленных митингов 1917 г. Часть из них демонстрируется на лекциях. Эти документы, как никакие другие, показывают размах и всенародный характер революций 1917 г.: на фотографиях демонстрации рабочих, солдат, женщин, детей, студентов, официантов и др.

Необходимо отметить, что фотодокументы начала XX в. дают возможность преподавателю вести серьезный, аргументированный разговор об охране памятников истории и культуры в советское время. На дореволюционных фотографиях студенты видят обычно обезображенные рекламой памятники архитектуры, окрашенные однотонно (как правило, в красный цвет) без того полихромного колористического решения, какого требуют памятники барокко или классицизма. Сравнение с современным состоянием памятников архитектуры вызывает у студентов чувство гордости за свое социалистическое Отечество, в котором так бережно относятся к историческому прошлому.

Фотодокумент также дает возможность обучить студентов навыкам критики источника. Умение научно атрибутировать фотодокумент, критически его осмыслить является обязательным для студента, прослушавшего спецкурсы о Петербурге и его

историко-революционных памятниках. Фотография документальна по своей природе, но это не исключает возможности искажения фактов или событий. Далеко не все фотодокументы дают исторически достоверную картину. Поэтому при источниковедческом анализе фотодокумента студенты применяют навыки, необходимые при анализе любого исторического источника: определяют достоверность, подлинность, дату и место съемки, полноту, авторство. При этом особенностью анализа фотодокумента является то, что установление места и времени съемки есть не внешняя критика источника, а изучение его по существу, так как от этого полностью зависит его содержание.

Особое внимание студентов обращается на письменные источники, имеющиеся в фотографиях, что характерно прежде всего для 1917 г.: лозунги, плакаты, заглавия газет, объявлений, афиши, надписи на знаменах, лентах похоронных венков и т. п. Это тем более интересно, что сами эти письменные документы, как правило, утрачены.

Желание проанализировать фотодокумент обязательно приводит студентов к изучению периодики того времени, мемуаров, монографий советских историков, так как без сопоставления с ними сделать это невозможно.

Важной является мысль о том, что и фотодокументы, в которых искажается действительность, затушевываются подлинные конфликты, события решаются в плане бульварно-мировых сенсаций, также представляют несомненный интерес. Поставив вопрос, почему фотография лжет, можно получить материал для глубоких выводов. Так, во время революции 1905—1907 гг. фотографы часто фиксировали внимание зрителя на разрушениях, нанесенных Петербургу строительством баррикад, но не на причинах, эти баррикады породивших. В выборе объекта съемки четко читается классовая позиция фотографа, выполнявшего социальный заказ буржуазного общества: в предреволюционные годы были сделаны сотни тысяч фотографий Петербурга, но только единицами насчитываются фотодокументы, фиксирующие «интерьеры» жилищ рабочих, столовые для бедных, рабочие окраины. Но и в этом редком случае выбор объекта съемки вызывает размышления. На фотографиях в основном молодые, сильные рабочие. Документы объясняют: только 14 процентов рабочих Петербурга были старше сорока лет. Выдержать заводскую каторгу могли немногие. Фонды архива кинофонофотодокументов еще ждут исследователей, которые обратятся к фотографиям как историческому источнику.

Фотодокументы являются активной формой воспитания у студентов патриотизма, гражданственности, интереса к истории. Они — зрительный образ эпохи и незаменимый источник при чтении курсов лекций по краеведению и историко-революционной тематике.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Вопрос о фотокинодокументе как историческом источнике впервые поставлен учеными Московского историко-архивного института И. С. Фесуненко, Л. М. Рощалем и В. С. Листовым около двадцати лет назад. См.: Фесуненко И. С. Значение кинофотодокументов как исторического источника и основные задачи комплектования ими Государственного архивного фонда. — Труды МГИАИ. М., 1961, т. 16; Фесуненко И. С. О комплектовании Государственного архивного фонда СССР кинофотодокументами и некоторых критериях их источниковедческого анализа. — Вопросы архивоведения, 1962, № 4; Рощаль Л. М. Некоторые вопросы источниковедческого анализа кинодокументов. — Труды МГИАИ, 1963, т. 17; Листов В. С. Советское документальное кино 1917—1919 гг. как источник исторического исследования: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1968; Листов В. С. История смотрит в объектив. М., 1974; Крюкова Л. Н., Рунге В. Ф., Фролов В. Г. Вопросы источниковедческого анализа кинодокументов и комплектования ими государственных архивов. — Советские архивы, 1969, № 4; Крюкова Л. Н. О некоторых вопросах экспертизы кинодокументов. — Вопросы архивоведения, 1965, № 2; Евграфов Е. М. Кинофотодокументы как исторический источник. М., 1973; Маркитан Л. П. Кинофонофотодокументы как источник по истории строительства социализма на Украине. По материалам Центрального государственного архива кинофонофотодокументов УССР. 1926—1937 гг.: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Киев, 1974 и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Масленникова Н. Н. Проблемы становления истории культуры как отрасли исторической науки	3
---	---

I. Научно-философский аспект исследования истории культуры

Щученко В. А. История философской культуры как средоточие истории культуры	11
Давидович В. Е., Слепаков В. С. Историко-философский аспект построения типологии культуры	28
Артановский С. Н. Методологические вопросы изучения мировых культурных контактов	44
Мыльников А. С. О понятии «культурно-исторический тип»: вопросы историографии	57
Свердлов А. З. Критика буржуазных элитарных концепций культуры	85
Артановский С. Н. Зарубежные концепции этничности	100
Каминский В. И. К вопросу о массовой культуре конца XIX в. Беллетристы-натуралисты	107

II. Роль советской высшей школы в деле изучения истории культуры

Купайгородская А. П. Советская высшая школа как объект исторического исследования	117
Гоголевский А. В. К вопросу об истории первых декретов Советской власти о ликвидации неграмотности	125
Сорокин М. Е. Из опыта изучения истории культуры в сибирском вузе	133
Агапова Т. И., Серова М. И. Методологические принципы подготовки студентов института культуры к работе по охране и использованию исторического наследия народа	146
Каретникова Н. Н. К вопросу об использовании фотодокументов как источника в спецкурсах по истории культуры	162

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Сборник научных трудов
ЛГИК имени Н. К. Крупской

Редактор: Э. П. Карпенко

Техн. редактор: В. П. Галанова

Корректор: К. Э. Павлов

Св. план 1982 г., поз. 46

Сдано в набор 1.9.82. Подписано к печати 17.11.82. М-33790.
Формат 60 x 90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Объем 10 уч.-изд. л. Тираж 500. Заказ 970. Цена 1 р.
ЛГИК им. Н. К. Крупской. 191041. Ленинград, Дворцовая наб., д. 2/4.

Типография имени М. С. Урицкого

Цена 1 руб.